

5778

СЕРИЯ «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»

Я. М. ЗАХЕР

**РЕВОЛЮЦИЯ
1848 г.
В ГЕРМАНИИ**

• П Р И Б О Й •

ПРОВЕРЕНО
1985 г.

СЕРИЯ «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»

9(43)
3-38

Я. М. ЗАХЕР

9(и)3
3-38

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ГЕРМАНИИ

5778
+

Библиотека
Славянская
Университет
Ленинград

083762-23

5778

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

Глава I.

Предпосылки революции.

Характернейшей чертой Германии, или, выражаясь точнее, германских стран первой половины XIX столетия (единой Германии тогда не существовало), является одновременное и параллельное существование элементов отживающего феодального и нарождающегося буржуазно-капиталистического строя. Эта черта одинаково ярко проявляется в области как политической, так равно и экономической. Особенно сильно бросается это в глаза при изучении аграрного строя. С рассмотрения его мы и начнем.

Сельское хозяйство. Еще в начале XVIII века сельское хозяйство германских стран было построено на принципах, свойственных экономике докапиталистического периода. Картина аграрного строя того времени почти ничем не отличается от средневекового сельскохозяйственного уклада. Чересполосица, равно относящаяся как к крестьянским, так и к помещичьим участкам, трехполье, принудительный севооборот, обязательный не только для крестьян, но и для помещика, равное с крестьянами право помещика на пользование всеми общинными угодьями (так называемой „альмендой“) — таковы основные черты германского сельского хозяйства первой половины XVIII столетия. Что же касается отношения крестьян к помещику, то крестьянство того времени по этому признаку может быть разделено на следующие группы:

I. Лично свободные крестьяне, владевшие несвободной землей. К числу их относились так называемые „наследственные арендаторы“, „чиншевики“ и некоторые другие категории. Эта разновидность крестьян, очень малочисленная в восточной Германии, безусловно преобладала в Германии западной, как-то в Бадене, Вюртемберге и т. д. Повинности этой категории крестьян в отношении феодала сводились к барщине, обычно не особенно значительной (не свыше 2-4 недель в год), оброку, платежам при продаже и наследовании земли и в некоторых других случаях.

II. Так называемые „ласситы“ — прикрепленные к земле наследственные держатели помещичьих участков. Главной обязанностью ласситов была, наряду с оброком, барщина, чрезвычайно отяготительная по своим размерам и зачастую доходившая до нескольких дней в неделю. Дети ласситов должны были работать на помещика в качестве его дворовых. Участками своими ласситы распоряжались не вполне свободно, так как помещик пользовался правом выбора наследника. Таким образом, не будучи вполне крепостными (их нельзя было продать без земли), ласситы вместе с тем и не были свободными.

III. Наследственные ласситы, которых помещик мог в любую минуту согнать с их участков и выбросить на улицу.

IV. Крепостные, которые могли продаваться и без земли и были в полном смысле этого слова рабами помещика. Количество этих крепостных было впрочем весьма незначительно.

Все эти категории крестьян, несмотря на ряд весьма существенных различий в их положении, одинаково подчинялись дисциплинарной власти помещиков, обладавших правом суда и наказания в пределах своих поместий. Лишь в западной Германии феодальная юрисдикция была сравнительно слабо распространена.

Таков был, в общих чертах, аграрный строй Германии в конце XVII и самом начале XVIII века. Само собой разумеется, что столь характерное для XVIII столетия проникновение торгового капитала в сельское хозяйство, в частности рост экспорта германского хлеба (особенно в связи с промышленным переворотом в Англии), не могли не повести к революции в области старых поземельных отношений. Отныне помещики, до того лишь слабо заинтересованные в увеличении площади своей запашки, должны были неизбежно всеми правдами и неправдами начать добиваться устранения принудительного севооборота и особенно чересполосицы, бывшей главным препятствием к расширению барского хозяйства. Для этого были использованы три способа: 1) изгнание ненаследственных ласситов; 2) перевод наследственных ласситов с одного участка на другой, чем устранялась чересполосица, и 3) превращение наследственных ласситов в срочных арендаторов, которых по окончании срока аренды можно было совершенно выгнать на улицу. Впрочем, процесс сокращения площади крестьянского землепользования за счет увеличения барской запашки, в большинстве германских стран совершавшийся вполне беспрепятственно (в результате чего, напр., в Мекленбурге из

12 500 крестьянских дворов, имевшихся там в первой половине XVIII века, к 1848 г. оставалось всего 1 213), натолкнулся на неожиданное сопротивление со стороны правительств двух крупнейших германских государств — Австрии и Пруссии. Дело в том, что разорение крестьянства, наносившее непоправимый ущерб фискальным и военным интересам государства, не могло быть безразлично встречено правительствами двух таких военно-бюрократических абсолютных монархий, каковыми являлись Австрия и Пруссия XVIII века. Вот почему австрийское правительство законами 1751, 1768 и 1771 гг. запретило кому бы то ни было, кроме крестьян, сидеть на крестьянских землях. Прусский король Фридрих-Вильгельм I в 1739 г. предписал, „чтобы ни один вассал, кто бы он ни был, начиная от маркграфов и вплоть до самого низшего, не смел прогонять крестьян с их дворов без достаточного основания и без немедленной передачи двора другому крестьянину“. Но, как это всегда бывает со всеми попытками остановить нормальный ход экономического развития, эти законы, так же как и позднейшие указы Фридриха II, в громадном большинстве случаев оставались на бумаге и отнюдь не мешали все прогрессирувавшему разорению крестьянства.

Дальнейшие изменения в аграрном строе германских государств произошли в наполеоновскую и посленаполеоновскую эпохи в связи с ростом капиталистических отношений, делавших систему крепостного хозяйства невыгодной для части самих помещиков. В западной и южной Германии, где крепостного права в собственном смысле слова не существовало, а господствовала сеньоральная система, весьма напоминавшая положение вещей в дореволюционной Франции, личная зависимость была отменена в эпоху наполеоновского владычества (в Баварии в 1808 г., в Гессене в 1811 г. и т. д.), за чем в начале 1830-х годов последовал выкуп сеньоральных прав.

В Пруссии экономические моменты — невыгодность, при достигнутом к тому времени уровне развития, крепостного труда и необходимость замены его трудом свободным — побуждали наиболее передовую часть помещиков стремиться к освобождению крестьян (разумеется, без земли). Это побуждение было усилено обстоятельствами политического характера, связанными с военным разгромом 1806 г. Даже для самых тупоголовых прусских юнкеров стало ясно, что освобождение Пруссии от французского ига возможно только при самой деятельной поддержке крестьянства. Для этого нужно было хоть чем-нибудь улучшить его положение. Законом 9 октября 1807 г. была отменена

личная зависимость ласситов; с 1810 г. должна была, согласно этому закону, быть отменена и личная зависимость крепостных. Эдиктом 14 сентября 1811 г. ласситам было разрешено выкупить лежавшие на их землях повинности путем уступки помещикам одной трети (для наследственных ласситов) или половины (для ненаследственных ласситов) своих участков. Что касается до „наследственных арендаторов“ и „чиншевиков“, то им было предоставлено выкупить свои повинности посредством уплаты помещику 25-кратной стоимости ежегодных платежей.

Если, таким образом, соображения политического характера, вытекавшие из необходимости поднять крестьянство на войну с Наполеоном, содействовали в 1807—1811 гг. победе той части прусских помещиков, которая добивалась ликвидации феодального режима, то поражение наполеоновской Франции должно было решительно изменить эту картину. Уже в 1812 г. было разъяснено, что закон 1811 г. распространяется только на крестьян, владеющих хотя бы одной упряжкой и внесенных в кадастровые списки. Законом 7 сентября 1815 г. было объявлено, что „применение эдикта 1811 г. откладывается на неопределенное время“. Кроме того, из-под действия закона 1811 г. были изъяты ненаследственные ласситы и все вообще крестьяне, севшие на землю после 1763 года. В результате всех этих ограничений, освобождение крестьян двигалось поистине черепашьим шагом. Так напр., за 1815—1848 гг. в провинциях Бранденбурге, Померании, Силезии и Познани появилось всего-на-все 70 582 мелких наследственных собственника, причем более 20 000 из этого числа падает на одну Познань, в которой большинство помещиков принадлежало к польской национальности и вследствие этого не пользовалось покровительством правительства. Кроме того, 289 652 крестьянина выкупили свои феодальные повинности. В результате этих выкупов помещики одновременно получили свыше 400 000 гектаров земли и 18 544 768 талеров, не считая ежегодных взносов в 1 600 000 талеров деньгами и 260 069 шэффелей хлебом.

Хуже всего дело с освобождением крестьян обстояло в Австрии. Изданные при Иосифе II законы, предоставлявшие крестьянам (правда, не всем, а только наиболее состоятельным) право выкупать лежавшие на них повинности (одновременно с этим было проведено и личное освобождение), были почти полностью отменены уже при его преемнике Леопольде II.

Можно констатировать, что в течение первой половины XIX века в преобладающей части Германии крепостное

право все еще сохраняло свою силу, и феодальный строй сельского хозяйства еще далеко не был ликвидирован. Но, вместе с тем, это не был уже феодализм старого покрова. Значительные по своим размерам земельные участки и громадные суммы денег, полученные помещиками в результате выкупа крестьянами их повинностей, а также и уничтожение чересполосицы—не могли не дать сильного толчка развитию помещичьего хозяйства. Необходимость поставки зерна на быстро развивавшийся в это время мировой хлебный рынок ¹ должна была явиться лучшим стимулом для капитализации сельского хозяйства. Вот почему одновременно с сохранением значительной части крепостных отношений и широким использованием подневольного труда мы видим и быстрое развитие капиталистических элементов сельского хозяйства. Убедить в этом могут хотя бы следующие таблицы:

1. Рост производительности сельского хозяйства в Пруссии.

Годы.	Производительность 100 гектаров земли среднего качества.
1830—1840	1 446,5
1840—1850	1 873,8

2. Рост прусского хлебного вывоза в Англию.

Годы.	Вывоз пшеницы (в тыс. кварталов).
Конец 20-х гг.	374
40-е гг.	526
1851—1855 гг.	702

¹ Если принять цену на пшеницу в самом начале XIX века за 100, то в 1831 г. она равнялась 121, а в 1850—211.

Обогащение германского крупного землевладения, созданное условиями выкупа крестьянских повинностей и законом 1821 года, допустившим раздел общинных земель по требованию хотя бы одного члена общины, содействовало быстрой капитализации германского (прежде всего прусского) сельского хозяйства. Вместе с тем капитализация эта не могла идти дальше известного предела. Поскольку все аграрное законодательство первой половины XIX века имело своим результатом сохранение значительной части крепостных отношений и дело освобождения крестьян двигалось вперед черепашьим шагом, — ясно, что процесс капитализации сельского хозяйства Германии, в первую очередь Пруссии, уже очень скоро должен был натолкнуться на неодолимые препятствия. Процесс этот пошел по пути такого капиталистического развития, которое происходит „имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными“ (Ленин, Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов). Ясно, что, как ни выгодны для помещиков были условия „освобождения“ крестьян, на известной ступени капиталистического развития сельского хозяйства помещики должны были натолкнуться на невыгодность подневольного труда. С этого момента дальнейший ход капитализации делался возможным только при условии полной ликвидации всех пережитков феодального строя.

Таким образом столь характерное для германского сельского хозяйства первой половины XIX века сосуществование элементов феодальных с элементами капиталистическими означало не что иное, как препону для дальнейшего развития последних. Первым и необходимым условием для развития производительных сил германского сельского хозяйства являлась окончательная ликвидация феодальной системы.

Промышленность. Сохранение пережитков феодальной системы составляло тормоз не только для капитализации сельского хозяйства, но равным образом и для развития крупной промышленности. Основной причиной этого являлась незначительность внутреннего рынка, естественно вытекавшая из наличия крепостной зависимости. Крестьянин приковывался к земле, и это приводило к сохранению элементов натурального хозяйства. Кроме того, находившиеся в исключительно тяжелом положении крестьяне были лишены какой бы то ни было покупательной способности. С другой стороны, крестьяне, влача совершенно нищенское существование, оказывались вынужденными прибегать

к подсобному заработку в виде занятия ремеслом. В силу этого сельская промышленность своей конкуренцией мешала развитию промышленности городской. Не приходится удивляться, что господствующей формой германской индустрии в течение всей первой половины XIX века является домашняя промышленность. Чрезвычайно характерно, что, например, в Пруссии в 1846 г. на 457 365 мастеров и самостоятельных предпринимателей насчитывалось всего 384 783 подмастерья и ученика. К тому же в большинстве германских стран (за исключением областей, некогда находившихся под властью Наполеона) продолжала существовать цеховая система. Само собой понятно, что пережитки цеховщины составляли решительное препятствие на пути развития городской промышленности, ибо сельская промышленность была свободна от цеховой регламентации.

Другим крупным препятствием в деле промышленного развития Германии являлась ее политическая раздробленность. Согласно постановлениям Венского конгресса, Германия состояла из 38 отдельных государств, отделенных друг от друга таможенными перегородками. Такая „экономическая чересполосица“ мешала развитию германского хозяйства. Это настолько било в глаза даже самым непроницательным людям, что было наконец осознано правящими классами: в 1834 г. был заключен таможенный союз между Пруссией, Баварией, Вюртембергом, Саксонией, обоими Гессенами, Баденом, Нассау, Тюрингией и Франкфуртом-на-Майне; в 1840 г. к союзу присоединился еще и Брауншвейг.

Образование таможенного союза, а также частичная пролетаризация крестьянства, создававшая кадры пролетариата, содействовали тому, что в 40-х годах, несмотря на все отмеченные выше неблагоприятные условия, замечается некоторый рост крупной индустрии. Для иллюстрации приводим следующую таблицу:

Рост числа паровых двигателей в Пруссии.

Годы.	Число двигателей.
1822	2 ¹
1837	300
1847	1 139

¹ Это число относится не только к Пруссии, а и ко всей Германии.

Быстрее всего развивались текстильная и горнодобывающая промышленность: в 1846 г. на всей территории таможенного союза имелось 313 бумагопрядилен с 756 274 веретенами и 314 ткацких фабрик с 45 459 рабочими; что касается горной промышленности, то к концу 40-х годов на территории союза в ней было занято 60 800 рабочих.

Одновременно с ростом промышленности, улучшались пути сообщения, что видно из следующей таблицы:

Рост железнодорожного строительства.

Годы.	Длина жел.-дор. сети (в километрах).
1845	2 131
1850	5 822

Однако было бы грубейшей ошибкой преувеличивать процесс роста германской промышленности и принимать Германию 40-х годов за страну с развитой крупной индустрией. В 1846 г. на каждых 12 жителей Германии приходился только один занятый в промышленности (в Англии в это время соотношение 4 и 1). Следует кроме того иметь в виду, что техника даже на фабричных предприятиях того времени была чрезвычайно низкой: на 314 ткацких фабриках на 34 183 ручных станка приходилось всего 816 механических; среднее количество занятых в каждом предприятии рабочих определяется тем, что в Пруссии, напр., в 40-х годах на 78 000 „фабричных“ предприятиях было занято 550 000 рабочих. И это вполне понятно: пережитки феодального строя решительно препятствовали какому бы то ни было серьезному промышленному развитию страны. Только в западных областях Германии, где феодальный порядок был отменен еще при Наполеоне, промышленность делает действительно крупные успехи. Так напр., в Рейнско-вестфальской области существовала сильно развитая хлопчатобумажная, шелковая и металлообрабатывающая промышленность. Чрезвычайно характерно, что, тогда как население Берлина за 1816—1849 гг. возросло всего на 85%, население Золингена увеличилось за тот же период на 130%, а Реймшеда — на 700%. С другой стороны, Австрия с ее наиболее полно сохранившейся феодальной системой была и наиболее индустриально-отсталой страной: в 1841 г. на всю Австрию имелось всего-на-все 231 паровая машина.

Прочность феодальных пережитков не являлась однако единственной причиной промышленной отсталости Германии. Таможенный союз охватывал далеко не все германские страны. В него не входила Габсбургская монархия со всеми ее владениями и северо-германские свободные города. Вместе с тем таможенный союз далеко не достаточно удовлетворял самым основным потребностям индустриального развития Германии. На внешнем рынке германские страны выступали в качестве ничем не объединенных мелких государств. Только политическое объединение Германии могло увеличить ее вес в области международных отношений. Оно составляло столь же важную предпосылку ее дальнейшего экономического развития, как и уничтожение всех остатков феодальной системы; без этого не могло быть и речи о действительном превращении Германии в подлинно индустриальную страну.

Торговля.

Так же неудовлетворительно обстояло дело с германской торговлей. В отношении ввоза главную роль играли ярмарки в обоих Франкфуртах (на Майне и на Одере) и в Лейпциге. Эти же ярмарки служили главным центром внутренне-германской торговли. Что касается вывоза, то северо-германские порты вели торговлю почти со всеми европейскими и внеевропейскими странами, экспортируя полотно, лесные продукты, вина, продукты горного дела и т. д. За десятилетие 1840—1850 гг. размеры германской внешней торговли почти удвоились. И все же, несмотря на эти успехи, германская внешняя торговля отставала не только от английской, но и от французской; напр., в 1840 г. при 2 260 млн. марок общей суммы английской внешней торговли и 1 320 млн. марок французской, германская составляла всего 1 120 млн. марок. И это вполне понятно: политическая раздробленность Германии обуславливала ее слабость на мировом рынке. Политическое объединение страны являлось, таким образом, безусловно необходимой предпосылкой развития ее торгового баланса.

Государственное хозяйство.

В заключение несколько слов о государственном хозяйстве дореволюционной Германии. Основным принципом налоговой системы германских стран XVIII века являлся, — подобно тому как это было и во всех других феодально-дворянских государствах, — принцип изъятия от налогового бремени классов привилегированных и беспощадного обложения классов подневольных. В западно-германских государствах налоговое неравенство пало, на-ряду со всеми прочими пережитками феодализма, еще в эпоху наполеоновского

владычества. В Пруссии соображения, аналогичные тем, которые вызвали аграрные законы 1807—1811 гг., заставили правительство пообещать, наряду с разными другими реформами, также и реформу в области податной системы. Эдикт 1810 г. провозглашал в качестве общего принципа отмену всех изъятий в области поземельного налога, „несовместимых более ни с естественной справедливостью ни с духом управления в соседних государствах“. Правительство, — говорилось далее в этом эдикте, — „надеется, что те, на кого распространяется эта мера, успокоятся на том, что на них более не будет падать обвинение в уклонении на счет своих сограждан от несения государственных повинностей“. Однако победа над Наполеоном побудила прусское дворянство забыть о своих красноречивых обещаниях. Подобно тому, как это было с законами о ликвидации крепостных отношений, эдикт 1810 г. был аннулирован уже в 1815 году. Таким образом в Пруссии система налогового неравенства осталась почти в полной неприкосновенности, и свобода от обложения наиболее состоятельных элементов страны имела своим неизбежным результатом постоянный дефицит государственной казны. Вот почему в области государственного хозяйства, так же как и во всех прочих отраслях германской экономики, общественный строй первой половины XIX века знаменовал невозможность какого бы то ни было осязательного прогресса. Дальнейшее развитие могло иметь место только при условии предварительного разрушения существовавшей в стране системы общественных отношений.

Выводы.

Итак, в экономическом состоянии Германии первой половины XIX столетия имелось налицо некоторое поступательное движение в области сельского хозяйства, промышленности и торговли; но шло оно довольно медленно. Главное, оно упиралось в преграду, совершенно неодолимую при сохранении существовавших общественных отношений. Несмотря на сосуществование в германской экономике того времени элементов феодальных и капиталистических, элементы эти не только не уживались друг с другом, но наличность одних означала неизбежный тормоз для развития других. Сохранение в силе пережитков феодализма имело своим неизбежным результатом невозможность дальнейшего движения германских стран по пути капиталистического развития. Это означало не что иное, как вопиющее противоречие между производительными силами и производственными отношениями, следствием чего было то, что Германия 40-х годов XIX века вполне созрела для социальной революции.

Глава II.

Движущие силы.

Крупная буржуазия. Естественным результатом экономической отсталости Германии являлась слабость ее крупной буржуазии. Промышленная буржуазия еще только зарождалась, ибо только еще зарождалась крупная промышленность — основная предпосылка ее существования. Даже крупная торговая буржуазия была в Германии первой половины XIX века относительно слаба. И все же, несмотря на это, „и в Германии начиная с 1815 года богатство, а с богатством и политическое значение буржуазии всё возрастают. Правительствам, хотя и вопреки своей воле, вынужденно, все же приходилось считаться по крайней мере с элементарнейшими материальными интересами буржуазии. Можно даже по справедливости утверждать, что все зачатки политического влияния, предоставлявшиеся буржуазии по конституциям мелких государств и потом вновь отбирившиеся в периоды политической реакции 1815—1820 и 1832—1840 годов, что все они возмещались практическими уступками. Каждый раз за политическим поражением буржуазии следовала ее победа в области торгового законодательства. В самом деле, прусский протекционистский тариф 1818 г. и образование таможенного союза представляли для купцов и промышленников Германии значительно бóльшую ценность, чем сомнительное право выражать в палате какого-нибудь маленького государства недоверие министрам, которые с усмешкой относились к таким голосованиям“ (Энгельс, Революция и контр-революция в Германии).

Все же, несмотря на ряд уступок со стороны дворянского правительства, германская буржуазия 40-х годов далеко не могла считаться экономически удовлетворенной. Отсутствие внутреннего рынка, связанное с пережитками феодализма, решительно препятствовало дальнейшему ходу индустриализации страны. Остатки цеховой системы; политическая раздробленность, лишавшая германскую буржуазию мало-мальски серьезной государственной защиты на международном рынке; нежелание правящего дворянства пойти на систему промышленного протекционизма (результатом чего являлась совершенно подрывавшая молодую германскую промышленность конкуренция английских товаров

даже на внутреннем рынке Германии)¹ и полное, наоборот, господство протекционизма аграрного; устаревшая финансовая система, возлагавшая на буржуазию и крестьянство все тяготы по содержанию дорого стоящего государственно-бюрократического аппарата,—таковы важнейшие моменты, вытекавшие из приниженного положения буржуазии в феодальной Германии первой половины XIX века. Если так обстояло в области экономической, то в области политической было в тысячу раз хуже; дореволюционную Германию можно с полным правом брать в качестве образца типичного дворянского государства старого порядка. Не говоря уже о том, что в Австрии и в Пруссии, не взирая на конституционные обещания 1813 и 1815 гг., существовала абсолютная монархия „божьей милостью“,—даже в мелких государствах, в большинстве которых с начала XIX века были дарованы „конституционные вольности“, вся полнота власти фактически принадлежала местным князькам, весьма мало считавшимся с буржуазным „общественным мнением“. Даже в этих относительно либеральных государствах существование представительных учреждений совмещалось с полным произволом правительственных властей. В Австрии же и Пруссии царил порядок, ничем не отличавшийся от современного ему режима России Николая Палкина.

При таком положении вещей, казалось, можно было бы ожидать, что германская крупная буржуазия явится одной из главных движущих сил предстоящей буржуазной революции и сыграет в ее развитии выдающуюся роль. В действительности дело обстояло далеко не так. „Буржуазное—по своему общественно-экономическому содержанию—освободительное движение не является таковым по его движущим силам“ (Ленин). Политически угнетенное положение буржуазии в Германии 40-х годов еще далеко не означало ее революционности. Если даже во время Великой французской революции, происходившей в эпоху повсеместного господства торгового капитализма, о революционности крупной буржуазии можно было говорить лишь в очень условном смысле, то тем более применимо это к германской буржуазии 40-х гг. Рабочий класс Германии этой эпохи, несмотря на всю отсталость ее экономики, был все же куда развитее, чем французский пролетариат конца XVIII века. Нужно еще помнить, что сильно запоздавшая буржуазная революция

¹ Нижне-рейнские фабриканты в петиции, поданной ими прусскому королю, не без основания утверждали, что „все рынки Европы закрыты для наших товаров таможенными заставами, между тем как все товары Европы находят в Германии открытый рынок“.

в Германии происходила в эпоху, когда в Англии и Франции уже имелся налицо развитый промышленный капитализм с его резким обострением классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией. Если германская буржуазия в своей стране даже и не видела перед собой такой сильной опасности со стороны пролетариата, как буржуазная Англия и Франция того времени, то одного лишь лицемерия событий, происходивших в означенных странах, было более чем достаточно для того, чтобы вызвать у германской буржуазии настроение, весьма охлаждающее ее и без того отнюдь не пылкие революционные порывы. Крупная буржуазия Германии, в своих политических требованиях не шедшая далее лозунга цензовой конституции¹, хотела не революции, а соглашения со старой властью. К ней полностью была применима нижеследующая характеристика Маркса: „Немецкая буржуазия развивалась так лениво, вяло и медленно, что в ту минуту, когда она грозно выступила против феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась с грозно выступившим против нее пролетариатом и всеми теми частями общества, интересы и идеи которых совпадали с интересами пролетариата... Прусская буржуазия не была, как французская в 1789 г., классом, который являлся заступником интересов современного ему общества перед представителями старого общества, перед королевской властью и дворянством. Буржуазия опустилась до положения сословия с ясно определившейся позицией как против короны, так и против народа. Она была оппозиционно настроена против обоих своих противников и нерешительна по отношению к каждому из них в отдельности, потому что она всегда видела в том и другом своего врага. Это было сословие, с самого начала готовое изменить народу и пойти на компромисс с коронованными представителями прежнего общественного строя, потому что буржуазия сама вся принадлежала к прежнему общественному строю; это было сословие, не защищавшее интересов нового общества против старого, а отстаивавшее подновленные интересы внутри устаревшего общественного строя, сословие, схватившееся за кормило революции не потому, что за ним стоял народ, а потому, что народ толкал его вперед.

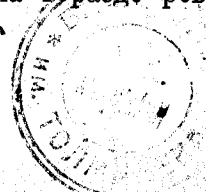
¹ Типичным идеологом крупной буржуазии Германии того времени был профессор-экономист Фридрих Лист, который, требуя перехода к промышленному протекционизму и вообще к буржуазной экономической политике, в области политической отличался крайней скромностью своих пожеланий, категорически настаивая лишь на окончательном объединении страны.

Буржуазия стояла во главе революционного движения не как представительница инициативы новой общественной эпохи, а как защитница привилегий старой. Буржуазия представляла собой ничем не проявивший себя в свое время слой старого государства. Она землетрясением была выброшена на поверхность нового общества. Без веры в самое себя, без веры в народ, она брзжала на то, что была выше ее, дрожала перед тем, что стояло за ней, и была полна эгоистических помыслов. И с ясным сознанием своего эгоизма буржуазия рисовалась как революционер перед консерваторами и была консервативна с революционерами. Она потеряла веру в собственные лозунги, и у нее вместо идей остались фразы. Напуганная мировой бурей, она вместе с тем эксплуатировала ее; без энергии в каком бы то ни было направлении и с заимствованиями по всем направлениям, она была пошла, потому что не была оригинальна. Без инициативы, без веры в себя самое, без веры в народ, без всемирно-исторической миссии — она походила на проклятого старика, осужденного на то, чтобы в собственных старческих интересах руководить первыми порывами молодости мощного народа“ (К. Маркс. Из статьи в „Новой рейнской газете“).

Городская мелкая буржуазия. Если германская крупная буржуазия 40-х годов XIX века была несравненно менее революционна, чем французская буржуазия 1789 г., то с еще большим правом это можно сказать о мелкой буржуазии, которая составляла едва ли не преобладающую численно часть городского населения того времени. Мелкая буржуазия в Германии, — писал Энгельс в 1851 году, — чрезвычайно многочисленна вследствие слабого развития класса крупных капиталистов и промышленников в этой стране. В более крупных городах она составляет почти большинство населения, в мелких ей принадлежит решительный перевес, потому что здесь отсутствуют более сильные и богатые соперники и влияния“. Главной составной частью мелкой буржуазии являлись цеховые мастера. Количество их, при слабом развитии крупной промышленности того времени, было чрезвычайно значительно. Уже самое экономическое положение этого слоя делало его по существу своему элементом глубоко реакционным. Ибо, если в эпоху французской революции, когда промышленный капитализм только зарождался, мелкая буржуазия могла еще играть в высшей степени революционную роль, то в середине XIX века картина была совершенно иной. Победное шествие промышленного капитализма неизбежно обрекало мелкое ремесло

на вымирание. Эта экономическая обреченность мелкой буржуазии естественно predeterminedляла и ее политическую физиономию. Субъективно составляя левый фланг буржуазии, мелкая буржуазия объективно была глубоко реакционной. Немецкие мелкие буржуа, мечтая о республике, представляли ее себе в наивно-идиллической форме благословенного строя, гарантирующего от резко выявленных экономических противоречий и обостренной классовой борьбы. Но, если таким образом немецкая мелкая буржуазия 40-х годов меньше всего могла претендовать на великую революционную роль, подобную той, которую в свое время сыграла мелкая буржуазия французская, то среди нее все же был один элемент, которому суждено было занять довольно видное место в ходе событий 1848—1849 годов. Мы имеем в виду мелкобуржуазную интеллигенцию. Начиная с 30-х годов она группировалась вокруг кружка „Молодой Германии“ с Гейне, Берне, Фрейлигратом и другими во главе. Сравнительно мало интересуясь политическими вопросами и не обладая даже какой-либо твердо установленной политической программой, деятели „Молодой Германии“ инстинктивно ненавидели существующий строй. В гневных и едких стихах и памфлетах они бичевали половинчатость и нерешительность немецкого мещанства. Некоторые из них, напр. Гейне, сочувствовали пролетариату и его борьбе. Тем не менее, все движение оставалось до самого конца расплывчатым и каким-то бесформенным. Идеологи его так же мало походили на Руссо и Мабли, как мало немецкое мещанство 40-х годов походило на французскую мелкую буржуазию конца XVIII века.

Впрочем, давая эту характеристику, следует иметь в виду, что она неодинаково применима в отношении различных областей тогдашней Германии. Применимая целиком и полностью к Пруссии, данная нами выше характеристика нуждается в довольно существенной поправке в отношении Австрии, Бадена, Баварии и других южно-германских государств. Крайняя экономическая отсталость этих стран, имевшая своим естественным последствием слабое обострение среди их населения классовых противоречий, приводила к тому, что мелкая буржуазия Австрии или Бадена была значительно революционнее, чем мелкая буржуазия Пруссии. Поэтому южно-германская мелкая буржуазия должна была сыграть в предстоявшей буржуазной революции несравненно более видную роль. Точно так же и мелкобуржуазная интеллигенция южно-немецких государств была гораздо революционнее интеллигенции Пруссии.

5728

При всем том даже и эта южно-германская мелкая буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция весьма мало подходили на соответствующие классовые прослойки Франции конца XVIII века. Экономическая обреченность мелкой буржуазии в эпоху промышленного капитализма накладывала на всю ее деятельность неизгладимый отпечаток. „Революционность“ даже наиболее радикальных южно-германских демократов 1848—1849 гг. очень мало напоминала подлинную революционность французских якобинцев 1793—1794 гг. В этом и заключалась одна из кардинальнейших причин неудачи германской революции.

Дальше всего процесс дифференциации крестьянства зашел в Пруссии.

Крестьянство.

Причиной тому было прежде всего прусское аграрное законодательство, бывшее по существу своему ставкой на сильного крестьянина-кулака, а также и закон 1821 г. о разделе общинных земель. В результате применения этого закона около 11 миллионов гектаров земли было разделено среди одного миллиона домохозяев, причем на долю малоземельного крестьянства не досталось почти ничего. Потеря права пользования общинными угодьями означала для сельской бедноты тяжелый удар, донельзя ухудшивший ее и без того исключительно тяжелое положение, тем более, что, не говоря уже о фактической невозможности для бедноты выкупить падавшие на нее обязанности в отношении помещиков, она была лишена этого права и юридически. Но не следует думать, что политическое и правовое положение высшего и среднего крестьянства было намного лучше. Прежде, даже в отношении сравнительно состоятельного крестьянства, пережитки феодализма оставались еще в полной силе. Чрезвычайно, например, характерно, что из 207 478 уголовных дел, находившихся в 1836 г. в производстве прусских судов, 150 000 падало на дела о покраже леса, самовольной охоте и других нарушениях крестьянами исключительных прав помещиков. К тому же, как мы знаем, право юрисдикции помещиков в отношении всего подвластного им населения оставалось еще в полной силе. Это превращало крестьянство в особое сословие, юридически неполноправное, как бы составлявшее в стране какую-то низшую расу.

Хуже всего было положение крестьянства в пределах монархии Габсбургов. В Венгрии, например, 618 тысяч дворян владели 16 миллионами десятин, а 12 миллионов крестьян — $7\frac{1}{2}$ миллионами десятин. Около трех пятых крепостных крестьян не имели даже собственных изб,

а одна только барщина (не говоря о всех прочих повинностях) отнимала у них до 100 дней в году. В Австрии, по свидетельству некоторых современников — притом из реакционного лагеря, крестьяне употребляли в пищу мясо не более двух раз в год; в австрийской области Крайне встречалось до 71 вида денежных и до 52 видов натуральных повинностей.

Итак положение германского крестьянства 40-х годов было крайне тяжелое. При этом важно отметить, что страдало оно не только от пережитков феодализма, но и от зачатков капитализма. Повышение хлебных цен и развитие германского хлебного вывоза побуждали помещиков всеми законными и незаконными средствами увеличивать эксплуатацию крестьянского населения. Проникновение торгового капитала в сельское хозяйство ухудшало положение того слоя свободных крестьян-собственников, который имелся в некоторых государствах и провинциях южной и особенно западной Германии. В результате всех этих обстоятельств можно было бы предположить, что германское крестьянство явится одной из главных движущих сил революции, причем в этой роли должны были, казалось, одинаково выступить все прослойки, на которые распадалось крестьянство тогдашней Германии. „Мы видим здесь прежде всего состоятельных крестьян, владеющих более или менее обширными поместьями и пользующихся услугами многих наемных батраков. Для этого класса, стоявшего между крупными, не платившими налогов феодальными землевладельцами, с одной стороны, и мелкими крестьянами и наемными рабочими — с другой, союз с анти-феодальной городской буржуазией являлся самой естественной политикой. Затем мы имеем мелких свободных крестьян, преобладавших в прирейнских провинциях, где феодализм был сражен вескими ударами французской революции. Таких же независимых мелких крестьян встречаем мы также в некоторых местах других провинций, где им удавалось путем выкупа освободить свой кусок земли от тяготевших на нем феодальных прав. Но имущество этих крестьян было свободно и принадлежало им лишь номинально, так как обыкновенно оно было обременено столькими ипотеками и на таких тяжелых условиях, что фактическим владельцем земли был не крестьянин, а ростовщик, одолживший деньги. В-третьих, тут были еще феодальные ленники, которых не легко было согнать с их земли, обязанные платить вечную ренту или исполнять для феодального владельца известное количество работ. К этой же группе относятся сельскохозяйственные рабочие; положение их в некоторых крупных

имениях было такое же, как и их коллег в Англии; во всяком случае они жили и умирали бедными, полуголодными рабами своих господ. Упомянутые последние три класса сельского населения—мелкие свободные крестьяне, феодальные ленники и сельскохозяйственные рабочие—никогда до революции не ломали себе головы над политической; но ясно, что революция открыла перед ними новый путь, преисполненный блестящих перспектив. Каждому из этих классов она сулила известные выгоды, и можно было ожидать, что все они постепенно примкнут к ней, как только движение будет в полном ходу. Но вместе с тем также ясно и доказано историей всех современных стран, что земледельческое население никогда не может с успехом начать самостоятельное движение. Оно для этого слишком рассеяно на большом пространстве, так что трудно бывает объединить значительную часть этого класса для совместной организованной работы“ (Фр. Энгельс, Революция и контр-революция в Германии).

При всей потенциальной революционности германского крестьянства 40-х годов XIX века, его действительная революционная роль находилась в полной зависимости от того, какой класс сумеет взять его под свою гегемонию. Пролетариат сделать этого не сумел, буржуазия — не захотела. Роль гегемона в крестьянском движении выпала на долю дворянства. Вот почему немецкое крестьянство, при иных условиях имевшее возможность стать могучим революционным фактором, в действительности оказалось движущей силой не революции, а реакции, и одетые в солдатские мундиры крестьяне явились главным козырем в руках дворянской контр-революции.

„Рабочий класс Германии в своем социальном и политическом развитии в такой же мере отстал от рабочего класса Англии и Франции, в какой немецкая буржуазия отстала от буржуазии этих стран“ (Энгельс, Революция и контр-революция в Германии). В Пруссии рабочие составляли всего-навсего 2,98% населения, и только в наиболее промышленных областях страны—Саксонии, Вестфалии и Рейнской провинции — процент этот был несколько выше. Но даже и эти 2,98% отнюдь не приходились на долю индустриального пролетариата. Значительно преобладающую часть рабочего класса составляли кустари и цеховые подмастерья, да и индустриальные рабочие были еще в очень значительной степени связаны с деревней и еще только начали „вырывать в фабричном котле“.

Наиболее промышленно-развитой частью Германии были прирейнские провинции. Именно здесь имелось наибольшее количество рабочих индустриального типа. Положение этих рабочих целиком соответствовало особенностям положения рабочего класса в ранние стадии промышленного капитализма: продолжительный рабочий день, низкая заработная плата; широчайшая эксплуатация женского и детского труда — таковы условия труда прирейнского индустриального пролетариата того времени. Зарботная плата взрослого рабочего составляла в среднем 1 марку (48 коп.) в день; дети, работавшие по 13 (днем) и 11 (ночью) часов, получали за ту же работу всего-на-все 20-30 пфеннигов (10-15 коп.). Ясно, что при таких условиях детский труд должен был получить самое широкое распространение. Условия этого труда могут быть характеризованы нижеследующим отрывком из одного отчета того времени: „Бледные лица, усталые, воспаленные глаза, вздутые животы, опухшие щеки, губы и крылья носа, воспаленные железы шеи, злокачественная сыпь на коже и припадки астмы отличаются в гигиеническом отношении этих несчастных созданий от других детей того же класса народа, но не работающих на фабриках. В такой же степени жалко и их умственное и нравственное развитие“.

Аналогичные условия труда существовали и в Австрии. Из занятых в 1845 г. на австрийских писчебумажных фабриках 38 124 рабочих на долю мужчин приходилось 16 533, женщин — 16 001 и детей — 5 590. Но, как ни печально было положение этих индустриальных рабочих, оно могло показаться настоящим раем по сравнению с условиями жизни силезских кустарей — ткачей и прядильщиков.

Силезская текстильная индустрия, построенная по типу домашней промышленности, издавна составляла одну из важнейших отраслей германской обрабатывающей промышленности. Но обозначившаяся с самого начала XIX столетия конкуренция более дешевых английских тканей, а также начавшееся вскоре после этого проникновение машин в германскую текстильную промышленность совершенно подорвали значение силезской индустрии и обрекли местных кустарей на медленную смерть и вырождение. Результатом этого явилось знаменитое восстание ткачей 1844 года. Совершенно ясно, что силезские кустары, в своих требованиях не пошедшие далее стремления к упразднению машин, были заранее осуждены на поражение, и восстание ткачей было потоплено в крови.

Силезские ткачи не являлись однако единственными представителями кустарной промышленности Германии

40-х годов. Бедственные условия существования сельской бедноты заставляли ее браться, в качестве подсобного заработка, за ремесло. Деревенская кустарная промышленность была широко распространена по самым различным областям тогдашней Германии. Страдая одинаково как от пережитков феодализма (как крестьяне), так и от развития капитализма (как мелкие товаропроизводители, не выдерживавшие конкуренции машинного производства), сельские кустари составляли одну из наиболее революционных частей населения страны. Но полное отсутствие классового самосознания и исключительная культурная отсталость лишали их всякой энергии, необходимой не только для организованной борьбы за улучшение своего положения, но даже и для простых голодных бунтов и разгромов машин. „Долгое господство нищеты настолько подорвало их физическую и моральную энергию, — читаем мы в одном из документов того времени, — что у них нехватало мужества, необходимого для того, чтобы решиться на преступление“.

Третью — наряду с индустриальными рабочими и кустарями — составную часть германского пролетариата составляли ремесленные подмастерья. Число их было довольно значительно. В Пруссии, напр., в 1846 г. при 550 000 индустриальных рабочих насчитывалось 384 783 подмастерьев и учеников. Несмотря на то, что соответственно своей экономической природе этот слой немецкого пролетариата был скорее реакционным и все надежды его были обращены на движение не вперед, а назад, — сохранившийся до середины XIX века обычай „странствования“ подмастерьев для поднятия своей квалификации значительно содействовал развитию их культурного уровня и даже классовой сознательности. Во время этих странствований подмастерья сталкивались со значительным числом товарищей, узнавали многое такое, о чем никогда бы не слышали сидя на месте, и все это естественно не могло не отразиться на уровне их развития. Не удивительно, что первые попытки образования рабочих организаций выросли именно среди этой части немецкого пролетариата.

Экономической незрелости германского рабочего класса соответствовала и его незрелость политическая. Революционная теория Маркса и Энгельса была для немецких рабочих книгой за семью печатями. Только различные утопические теории (в частности утопическая, хотя и революционная, теория Вейтлинга) пользовались в их среде некоторым распространением. С другой стороны, сама жизнь толкала немецких рабочих к социализму. Уроки, полученные ими в виде восстания силезских ткачей

1844 года и последовавшего за ним восстания ситцепечатников в Праге, оказывались куда действеннее каких бы то ни было книжных теорий. „Эти с большой жестокостью подавленные беспорядки и восстания рабочих не против правительства, а против предпринимателей произвели глубокое впечатление и дали новый толчок социалистической и коммунистической пропаганде среди рабочих. В этом же направлении повлиял и хлебный бунт в голодный 1847 год. И вот по мере того, как конституционная оппозиция (т. е. движение крупной буржуазии.—Я. З.) собирала вокруг своего знамени большие массы имущих классов (за исключением крупных феодальных помещиков), рабочий класс больших городов, с своей стороны, ожидал своей эмансипации от социалистических и коммунистических учений, хотя, при существовавших законах о печати, лишь весьма немногое по этой части могло проникнуть в рабочую среду. Нельзя было рассчитывать, что рабочие ясно сознавали положение дел: они знали только, что программа конституционной буржуазии содержит не все, что им, рабочим, нужно, и что их стремления не входят в круг идей и задач конституционалистов“ (Энгельс, Революция и контр-революция в Германии).

Выводы.

Они в основном могут быть сведены к следующему:

I. Крупная буржуазия, несмотря на ее экономическую неудовлетворенность и политическую приниженность, не была революционной в подлинном смысле этого слова. Запоздалый характер германской революции, естественно вытекавший из экономической отсталости Германии, имел своим следствием то, что она, говоря словами „Коммунистического манифеста“, должна была совершить эту революцию „при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия“. Следствием этого было то, что германская крупная буржуазия, боясь пролетариата, мечтала не о революции, а о соглашении со старой властью. В грядущей революции буржуазия никакой действительно революционной роли играть не могла.

II. Другим следствием запоздалого характера германской революции являлось то, что мелкая буржуазия, сыгравшая столь выдающуюся роль во французской революции конца XVIII века, в Германии 40-х годов была на эту роль уже неспособна. Поэтому германская мелкая буржуазия, не исключая и ее наиболее передовой части (в южно-германских государствах), не только не могла

быть гегемоном революции, как это было во Франции, но и вообще не была способна на подлинно-революционную роль в грядущей буржуазной революции.

III. Крестьянство, всегда вообще способное проявить свою потенциально-революционную мощь лишь под руководством со стороны другого класса, в Германии 40-х годов XIX века не смогло найти себе руководства ни со стороны крупной или мелкой буржуазии, бывших для этого недостаточно революционными, ни со стороны пролетариата, который сам был для этого еще слишком мало сложившимся и сознательным. Поэтому немецкое крестьянство оказалось игрушкой в руках реакционного дворянства и сыграло роль не революционной силы, а могильщика революции.

IV. Германский рабочий класс был в конце 40-х годов еще слишком отсталым экономически и политически, чтобы без постороннего руководства сыграть роль влиятельной движущей силы революции. Поскольку же мелкая буржуазия не смогла (подобно тому, как это было во Франции конца XVIII века) стать гегемоном революции, рабочий класс тем самым осуждался на второстепенную роль и большого значения в ходе событий иметь не мог.

Итак, все неудовлетворенные элементы дореволюционной Германии были по тем или иным причинам далеко не достаточны для того, чтобы совершить грандиозную работу, которую предстояло выполнить буржуазной революции в Германии. Поскольку же этим элементам противостояло исключительно организованное и мощное дворянство, притом не умирающее, как это было во Франции XVIII века, а, напротив того, растущее и на основе развития крупного землевладения с каждым днем усиливающее свою мощь, — ясно, что, несмотря на полную зрелость ее объективных предпосылок, буржуазная революция в Германии могла закончиться только поражением. Исход германских событий 1848—1849 гг. не только не был случайным, но, наоборот, целиком вытекал из всей обстановки времени и места.

Глава III.

Накануне революции.

Анализ экономики и общественных отношений Германии конца первой половины XIX века доказал нам неизбежность насильственной ломки ее общественно-политического строя и выявил те социально-неудовлетворенные

элементы, которым, при всех их недостатках, все же предстояло взять на себя осуществление этой революционной задачи. „При наличности таких элементов, малейшее столкновение должно было привести к великой революции... В начале 1848 года Германия находилась накануне революции, и эта революция несомненно вспыхнула бы, если бы даже французская февральская революция и не ускорила ее“ (Энгельс).

Пруссия.

Явственнее всего революционная ситуация складывалась к этому времени в Пруссии. Там уже с 1840 г. началось широкое оппозиционное движение либеральной буржуазии. „Моментом оппозиционного восстания немецкой (точнее было бы сказать прусской. — Я. З.) буржуазии, — говорит Энгельс в своей „Революции и контр-революции в Германии“, — следует считать 1840 год — год смерти Фридриха-Вильгельма III Прусского, последнего еще жившего основателя Священного союза 1815 года. О новом короле, его преемнике, было известно, что он — не сторонник преимущественно бюрократической и военной монархии своего отца. Германская буржуазия возлагала на Фридриха-Вильгельма IV в известной степени те же надежды и ожидания, как и французская в свое время на Людовика XVI. Все были согласны, что старая система отжила, обанкротилась и должна быть упразднена; и то, что при старом короле терпели молча, открыто объявлялось теперь невыносимым“.

Между тем Фридрих-Вильгельм IV по своим личным особенностям и вкусам меньше всего подходил к той роли буржуазного реформатора, которую профили ему представители прусского либерализма. Будучи убежденным противником дворянско-бюрократической системы, установленной в Пруссии Фридрихом II, новый прусский король мечтал однако не столько о движении вперед к буржуазно-парламентарной монархии, сколько назад, т. е. ко временам феодальной „Священной римской империи“ средневековья. В первые же годы своего царствования он сделал попытку оживить умершее прошлое: устраивал грандиозные придворные празднества, долженствовавшие продемонстрировать мощь двора нового „императора“, предпринимал торжественные путешествия по стране, давал подачки разорившимся придворным. Всем этим он окончательно опустошил и без того чрезвычайно скудную¹ государственную

¹ Мы знаем, что налоговая система того времени была построена на принципе изъятия от обложения наиболее состоятельных элементов населения, вследствие чего не приходится удивляться, что государственные расходы неизменно превышали доходы.

казну и довел страну до края банкротства. Когда же Фридрих-Вильгельм IV в поисках новых источников доходов попытался обратиться к усилению налогового пресса, он натолкнулся на закон 1820 года, запрещающий установление новых налогов без согласия будущего (т. е. проектированного на основе обещаний 1813 и 1815 гг. и, как известно, так и не родившегося) народного представительства. Ему не оставалось делать ничего другого, как попытаться создать некоторую фикцию этого последнего.

В восьми провинциях, составлявших Прусское королевство того времени, еще в 1823 г. были созданы так называемые ландтаги, т. е. сословно-представительные учреждения; большинство голосов в них было обеспечено за представителями поземельного дворянства¹. Вот этими-то ландтагами Фридрих-Вильгельм IV, вполне рассчитывавший на покорность господствовавшего в них дворянства, и вздумал воспользоваться в качестве понадобившегося ему сурогата народного представительства. Особые комиссии, избранные каждым из восьми ландтагов, были собраны в Берлине для вотирования представленного им проекта займа, заключаемого якобы для постройки новой железной дороги (говорить о том, что государственное казначейство пусто, правительству казалось неприличным). Но король ошибся в своих расчетах. „Заседание объединенных комиссий показало, что оппозиционный дух охватил не только буржуазию: к последней примкнули часть крестьянства и многие дворяне, которые вели крупное сельское хозяйство в своих собственных поместьях и торговали рожью, спиртом и льном. Эти поместные дворяне также высказались против правительства и за народное представительство, так как им также нужны были гарантии против абсолютизма, против бюрократии и против реставрации феодализма. План короля потерпел полное крушение: денег он не добыл, а оппозицию только усилил. Следующая сессия провинциальных ландтагов сложилась для короля еще менее счастливо. Все требовали реформ и исполнения обещаний 1813 и 1815 годов, требовали конституции и свободы печати. Резолюции некоторых сословий были составлены в довольно непочтительных выражениях, а неблагоприятные ответы короля только еще увеличивали зло“ (Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии).

¹ В каждом ландтаге находились представители четырех сословий: 1) члены прежних суверенных династий, главы которых заседали в ландтаге по праву рождения, 2) представители дворянства, 3) представители городов и 4) представители крестьян и мелких землевладельцев.

Неудача комбинации с объединенными комиссиями заставила прусское правительство пойти по линии наименьшего сопротивления — линии выпуска бумажных денег и попытки устройства различных финансовых манипуляций. Когда эти меры также не дали каких-либо существенных результатов, не осталось ничего другого, как обратиться за помощью к капиталистам. Но эти последние ответили решительным отказом дать правительству какой бы то ни было заем, уплата по которому не будет гарантирована народным представительством. Правительство таким образом снова оказалось у разбитого корыта. В начале 1847 г. в Берлине был созван так называемый Соединенный ландтаг, т. е. общее собрание всех провинциальных ландтагов, с крайне ограниченными законосовещательными функциями. Пообещав ему не взимать новых налогов и не заключать новых займов „без свободного согласия всех сословий“, король вместе с тем поспешил заявить: „Никакая сила на земле не заставит меня превратить естественные... отношения между королем и народом в отношения условные, конституционные; и я никогда не допущу, чтобы между господом богом и нашей страной... встал исписанный лист бумаги“. Это означало категорический отказ дать какое-либо подобие конституции. Между тем „либеральная партия настаивала именно на такой современной анти-феодальной представительной системе со всеми ее следствиями, т. е. свободой печати, судом присяжных и т. д., а до введения такой системы отказывалась ассигновать правительству хотя бы один пфенниг“ (Энгельс, Рев. и контр-рев. в Германии). В ответ на это Соединенный ландтаг был распущен. „Одно было несомненно — долго такой порядок вещей продолжаться не мог. Или одна из сторон должна была уступить, или должен был произойти насильственный разрыв, должна была вспыхнуть кровавая борьба. Буржуазия знала, что она — накануне революции, и готовилась к грядущим событиям. Она всеми средствами старалась заручиться поддержкой городского рабочего класса и крестьянства деревень; к концу 1847 года среди буржуазии не было ни одного сколько-нибудь выдающегося политического деятеля, который не выдавал бы себя за «социалиста», дабы привлечь симпатии пролетариата. Мы увидим еще этих «социалистов» за работой“, — замечает далее Энгельс.

Если комедия с созывом Соединенного ландтага означала значительный шаг вперед в деле революционирования крупной буржуазии и даже некоторых элементов из среды прогрессивного дворянства, то несравненно важнее были обстоятельства, обострившие недовольство народных

масс. Промышленный кризис 1847 года, постепенно прокатившийся по всей Европе и повсюду вызвавший резкое обострение безработицы, голода и нужды, как на зло совпал с исключительно плохим урожаем того же года, результатом чего были повсеместные вспышки голодных бунтов доведенной до отчаяния городской и сельской бедноты. В Берлине весной 1847 г. произошла так называемая „картофельная война“, т. е. попросту ряд голодных беспорядков. Хотя движение было скоро подавлено, в общем ситуация к началу 1848 г. продолжала оставаться революционной. Для вспышки пожара неоставало только искры.

Неспокойно было и во второстепенных германских государствах. Мы уже говорили, что в большинстве из них еще в первой четверти столетия были „дарованы“ конституции, но затем, под давлением реакционного Союзного сейма ¹, конституции эти были значительно ограничены, а кое-где даже и совсем упразднены. Тем не менее даже и эти кое-где сохранившиеся куцые конституции, все же предоставлявшие либеральной буржуазии некоторое подобие парламентской деятельности, значительно содействовали ее политическому воспитанию; с другой стороны, во многих экономически отсталых южно-германских государствах имелась относительно революционная мелкая буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция, влияние коих не могло не сказаться. В Бадене, напр., существовала довольно влиятельная мелкобуржуазная республиканская партия, руководимая Геккером и Струве. Созванный этой партией в городе Оффенбурге 12 сентября 1847 г. митинг выставил требования, среди которых имелись: „свобода печати, свобода совести и обучения; присяга войска в верности конституции; защита свободы личности против полиции; национальное представительство в Германском союзе; демократическая организация обороны страны; справедливая система обложения; общедоступность обучения; суды присяжных; демократическое управление государством; устранение ненормальных отношений между капиталом и трудом и уничтожение всех привилегий“. Единственным реальным результатом этих требований, произведших колоссальное впечатление во всей Германии, было привлечение их авторов к суду по обвинению в государственной измене.

¹ Начиная с 1815 г. единственным органом, объединявшим все германские государства, являлся так называемый Союзный сейм. Он состоял из представителей не населения, а правительств всех германских государств, и большинство голосов в нем принадлежало Австрии и Пруссии.

В Баварии конец 1847 г. и начало 1848 г. ознаменовались грандиозными скандалами, связанными с почти открытым вмешательством в управление государством королевской любовницы — испанской танцовщицы Лолы Монте, получившей титул „графини Ландсфельд“. В ответ на имевшие место в связи с этим студенческие волнения, баварский король Людвиг I закрыл мюнхенский университет. Но вспыхнувшее в первых числах февраля восстание заставило его снова открыть университет и удалить танцовщицу. И здесь таким образом революция надвигалась. То же самое можно сказать о Саксонии, где имелась сильная демократическая партия, руководимая знаменитым Робертом Блюмом, и о Кургессене, где даже военные воспротивились попытке вступившего в 1847 г. на престол Фридриха-Вильгельма I ограничить конституцию. К тому же и в этих государствах сказывалось влияние промышленного и сельскохозяйственного кризиса, что, само собою разумеется, приводило к решительному революционизированию масс.

„Положение Пруссии и мелких государств Германии к концу 1847 года можно вкратце резюмировать следующим образом: буржуазия сознавала свою силу и решила сбросить оковы, наложенные феодальным и бюрократическим абсолютизмом на ее торговые дела, на ее предприимчивость, на ее классовые интересы; часть поместного дворянства настолько уже превратилась в производителей товаров для рынка, что имела общие интересы с буржуазией и прикнула к последней; мелкое мещанство было недовольно, ворчал на налоги, на препятствия на пути его торговой деятельности, но не имело никакой определенной программы реформ, которые обеспечивали бы ему положение в государстве и обществе; крестьянство было угнетено отчасти феодальными тяготами, отчасти же поборами ростовщиков и адвокатов; городские рабочие, охваченные всеобщим недовольством, в одинаковой степени ненавидели правительство и крупных промышленных капиталистов и были заражены социалистическими и коммунистическими идеями. Одним словом, оппозиция представляла собой разнородную массу с весьма различными интересами под предводительством буржуазии. Впереди маршировала буржуазия Пруссии, в особенности Рейнской провинции.

„А с другой стороны мы видим правительства, расходящиеся между собою во многих пунктах, преисполненные недоверия друг к другу, а прежде всего к Пруссии, от покровительства которой они однако зависели. В самой Пруссии — правительство, не признаваемое общественным

мнением, даже частью дворянства, опирающееся исключительно на армию и бюрократию, которые также с каждым днем всё больше и больше проникаются идеями оппозиционной буржуазии и подчиняются ее влиянию, и вдобавок правительство с совершенно пустыми кассами, при полной невозможности добыть денег на покрытие растущего дефицита, не капитулирует перед оппозиционной буржуазией. Находилась ли когда-либо буржуазия какой-нибудь страны в более счастливом положении в своей борьбе за власть против существующего правительства?" (Энгельс, Рев. и контр-рев. в Германии).

Габсбургская монархия. Резко выраженная революционная ситуация существовала и в странах, входивших в состав Габсбургской монархии. Здесь, прежде всего, имелись налицо все те же самые революционные элементы, что и в остальных государствах Германского союза. „Тут был крестьянин, крепостной или феодальный ленник, задавленный непосильными поборами помещиков или правительства; затем тут были фабричные рабочие, которых полицейская палка принуждала работать на всяких условиях, какие бы ни вздумал диктовать фабрикант; затем ремесленный подмастерье, перед которым законы о цехах закрывали всякую надежду стать когда-либо самостоятельным; купец, наталкивающийся в своих торговых делах на каждом шагу на самые нелепые препятствия и предписания; фабрикант, находившийся в вечном конфликте с ремесленными цехами, ревниво оберегавшими свои привилегии, и с жадными и нахальными чиновниками, совавшими повсюду свой нос; наконец учителя, ученые, более образованные чиновники, тщетно борющиеся с невежественным и притязательным духовенством или с каким-нибудь тупым и высокомерным начальником. Не было, одним словом, ни одного общественного класса, который был бы доволен существующим строем“ (Энгельс). Помимо этих общих для всей Германии причин недовольства, в странах Габсбургской монархии имелся исключительно сложный переплет национальных отношений, до крайности осложнявших отношения классовые. В Галиции, например, крестьяне в громадном большинстве своем принадлежали к русинской (т. е. украинской) национальности, а помещики — к польской, в силу чего классовая борьба между крестьянами и помещиками приобретала там характер национальной вражды русинов с поляками. То же самое было и в Трансильвании, где крестьяне были румыны, а помещики — венгры. Поскольку же политика австрийского канцлера Меттерниха, фактического самодержца страны, по меткому замечанию Энгельса,

заклучалась в том, что он „каждую из различных наций, подчиненных австрийской короне, держал всегда в повиновении при помощи остальных, находившихся в таком же положении“, — ясно, что в Австрии национальные противоречия должны были приобрести неменьшую остроту, чем классовые.

† Главнейшими центрами национального движения в Габсбургской монархии являлись Венгрия и Чехия. В Венгрии главной движущей силой этого движения была не буржуазия, которой там еще почти не существовало¹, а дворянство, тяготившееся принижением положением Венгрии в пределах монархии² и тираническим господством Габсбургов, смотревших на Венгрию как на колонию немецкой части государства. Наиболее передовая часть венгерского дворянства, для которой дальнейшее господство крепостных отношений сделалось уже невыгодным, была готова путем отмены крепостного права (само собой разумеется — за выкуп) привлечь на свою сторону крестьянство и тем создать в стране единый анти-австрийский фронт (нужно иметь в виду, что политика Меттерниха заключалась в поддержке венгерского крестьянства против помещиков). В конце 1847 г. в венгерский сейм³ был внесен проект об освобождении крестьян за выкуп. В начале марта 1848 г. обсуждение этого проекта находилось в полном разгаре. Таким образом венгерское дворянство, так же как и австрийская буржуазия, явным образом готовилось к борьбе с австрийским правительством. Впрочем „национально-освободительные“ тенденции венгерского дворянства отнюдь не мешали ему самому угнетать национальные меньшинства Венгрии: национальный вопрос в этой стране заключался во взаимоотношениях не только мадьяр с немцами, но также и венгерских славян и румын с самими мадьярами.

¹ В 1846 г. на 12½-миллионное население Венгрии приходилось всего 255 000 купцов и ремесленников (причем большая часть последних жила в деревне) и только в одном Будапеште было 3 600 мастеров и 876 „фабричных“ рабочих. Промышленное население страны составляло не более 30% всего населения (в Англии в то же время — половину, а во Франции — одну треть).

² Формально составляя особое „королевство“ внутри Габсбургской монархии, объединенное с остальными частями этой последней лишь единством династии, фактически Венгрия была целиком подчинена власти австрийского правительства; вся самостоятельность венгерского дворянства заключалась лишь в его праве бесконтрольной эксплуатации „своего“ крестьянства.

³ Венгерский сейм состоял из двух палат. Верхняя палата составлялась из наследственных представителей высшего дворянства, нижняя — из выборных депутатов от среднего и низшего дворянства. Городское население имело в нижней палате только двух представителей. Вся организация венгерского сейма носила чисто средневековый, феодальный характер.

† Исключительно сложный переплет классовых и национальных отношений имелся в Чехии. Там среди городского населения преобладали немцы, а дворяне и крестьяне в своем подавляющем большинстве принадлежали к чешской национальности. В результате этого чисто феодальный чешский сейм являлся до известной степени органом национальной оппозиции, а либеральная буржуазия городов служила проводником германизаторской политики меттерниховского правительства. Это более чем противоречивое положение было чревато серьезнейшими последствиями.

Государства Габсбургской монархии представляли к началу 1848 г. еще более сильный революционный фермент, чем остальные страны Германского союза; здесь классовые противоречия, общие для всей Германии, еще дополнялись и усложнялись противоречиями национальными.

Таким образом вся Центральная Европа конца 40-х годов представляла собой настоящий пороховой погреб. Малейшей искры было достаточно для грандиозного взрыва всей сложной постройки, с таким трудом возведенной искусными строителями Венского конгресса 1815 года. Этой искрой явилось известие о февральской революции во Франции.

Глава IV.

Мартовские дни.

Революция в средних и мелких государствах.

Известия о событиях в Париже проникли в Германию вечером 26 февраля. Сразу же последовали повсеместные отклики в виде волны митингов, манифестаций и иных проявлений народного возбуждения. Сильнее всего впечатление от французских событий сказалось в пограничных частях Германии, еще с наполеоновских времен сохранивших со своим западным соседом довольно значительную связь, как экономическую, так и культурную. Кроме того, правительства мелких германских государств, не обладавших таким развитым бюрократическим аппаратом, как Пруссия и Австрия, естественно являлись наименее устойчивыми и поэтому быстрее всего поддались чувству испуга, заставившего их сразу же и почти без борьбы пойти на весьма значительные уступки.

Раньше всего началась революция в Бадене. Уже 27 февраля в Мангейме состоялся многолюдный митинг,

выставивший правительству ряд требований: созыв общегерманского парламента, свобода печати, суд присяжных и т. д. 1-го марта такие же митинги произошли в Карлсруэ. Баденская палата, утрашившись раздававшихся кое-где республиканских лозунгов, приняла петицию к правительству, требовавшую созыва на основе всеобщего избирательного права общегерманского парламента, уничтожения всех привилегий, „устранения неправильных отношений между капиталом и трудом“ и т. д. Испугавшийся движения великий герцог дал отставку наиболее непопулярным министрам. 5-го марта вновь образованное министерство обещало провести все намеченные палатой законопроекты. „Революция“ совершилась.

Из Бадена движение перекинулось в Вюртемберг, где—в результате такой же бескровной, как и в Бадене, „революции“—уже в первых числах марта было образовано новое либеральное министерство с участием виднейших представителей немногочисленной буржуазной оппозиции местного парламента. Таким образом и здесь торжество либеральной буржуазии оказалось легким и безболезненным.

Подлинная причина уступчивости вюртембергского короля и баденского великого герцога заключалась в том, что одновременно с движением в городах вспыхнуло мощное движение угнетенного крестьянства деревень. Результатом дуновения революционного мартовского ветра явились не только „петиции“ и „представления“ буржуазии, но равным образом пожары и разгромы дворянских замков и усадеб. Вот почему правящее дворянство юго-западных государств перед лицом грозной крестьянской опасности поняло необходимость образования единого фронта владельцев классов и сразу же поспешило удовлетворить все требования буржуазии. К тому же они отличались самой похвальной скромностью и во всяком случае не шли далее стремления к созданию конституционно-монархического строя. Этим же объясняется и то, что мартовские дни ознаменовались не только созданием либеральных „мартовских“ министерств, но и быстрой отменой по инициативе самих помещиков наиболее вопиющих пережитков феодальной системы. Это, конечно, являлось лучшим средством успокоения крестьянства и к тому же не особенно пугало самих помещиков или по крайней мере их наиболее передовую часть.

Иначе, чем в только что рассмотренных государствах, сложились дела в Баварии. Там известие о революции в Париже попало на почву, подготовленную только что

происшедшими событиями в связи с Лолой Монтеc. Представленные в первых числах марта королю Людвигу петиции из различных городов королевства были им решительно отвергнуты. Революция приняла форму затяжного кризиса, где переговоры перемежались с военными действиями и сооружением баррикад. После того как выяснилась ненадежность войска и оказалось, что король покинут даже иезуитами, с самого начала не сочувствовавшими всей истории с танцовщицей, Людвигу I осталось только отречься от престола, что и было исполнено им 20 марта. Новый король Максимилиан II образовал „мартовское“ каолиционное министерство из либералов и бюрократов, которое провозгласило свободу печати, ответственность министров, отмену феодальных повинностей. Таким образом и в Баварии дело кончилось торжеством либеральной буржуазии.

Аналогичным был ход событий в Саксонии. Король сперва категорически отверг требования, предъявленные населением крупнейших городов страны (на первом месте шел Лейпциг, грозивший в случае отказа всем городом двинуться на Дрезден); но затем, когда дело приняло решительный оборот, уступил и призвал к власти коалиционное министерство, принявшее обычную программу „мартовских“ реформ. То же самое произошло в Ганновере, Кургессене, Гессен-Дармштадте и других мелких германских странах. Таким образом уже к середине марта во всех средних и мелких государствах Германского союза буржуазия была допущена к власти. Главные задачи, которые ставили себе либерально-оппозиционные элементы этих стран, могли считаться осуществленными.

Во всех рассмотренных нами движениях быстрая победа либеральной буржуазии являлась следствием совместного выступления всех оппозиционных элементов населения: буржуазии (как крупной, так и в особенности мелкой), крестьян и рабочих. Мы видели выше, что именно крестьянские волнения (имевшие место не только в Бадене и Вюртемберге, но и в других государствах) были причиной быстрых правительственных уступок. Именно крестьянство явилось одним из главных факторов мартовской революции. Но быстро достигнутая ликвидация пережитков феодальной системы отвлекла крестьянство от дальнейшего участия в революционном движении. Довольно скоро революционная роль, сыгранная немецким крестьянством в первые дни мартовской революции, сменилась ролью контр-революционной.

Что же касается рабочего класса, существовавшего в большинстве упомянутых государств лишь в самом

зачаточном виде, то, почти нигде не выставляя самостоятельных требований¹, он в эти дни всюду выступает под руководством буржуазии.

Образование „мартовских“ министерств не означало еще полного удовлетворения всех требований буржуазии средних и мелких государств Германского союза. Главным требованием этой буржуазии, больше всего страдавшей от раздробленности Германии (ибо интересы населения какого-нибудь Гессен-Дармштадта или Бадена находили себе в международных отношениях несравненно меньше защиты, чем интересы населения могущественной Австрии или Пруссии), было политическое объединение страны. Введение конституционных вольностей в отдельных странах, взятое само по себе, ровно ничего не давало в этом последнем отношении. Вот почему уже 5 марта 1848 г. съехавшиеся в Гейдельберге представители умеренно-либеральных элементов южно- и западно-германских государств (деятели республиканской мелкой буржуазии были там представлены лишь в ничтожном количестве) постановили подготовить созыв „собрания национального представительства от всех частей Германии, избранного в соответствии с численностью населения“. Для осуществления этого постановления была избрана комиссия из семи членов, которая 12 марта созвала на 30-е число того же месяца во Франкфурте-на-Майне съезд настоящих и бывших парламентариев всех германских государств, не исключая Пруссии и Австрии.

Из средних и мелких государств революция перекинулась в Габсбургскую монархию. Известие о февральской революции в Париже и о событиях в германских государствах естественно должно было окрылить дух мадьярских дворян-„революционеров“, о деятельности которых мы уже говорили. 3-го марта на трибуну венгерского сейма поднялся лидер либерального дворянства Людвиг Кошут и в решительной форме потребовал введения в Венгрии конституционного порядка и ответственного министерства, составленного из венгров². Предложение Кошута было принято. Была избрана особая делегация, которой было поручено отправиться в Вену и передать императору-королю Фердинанду требования венгерского сейма.

Аналогичные факты происходили и в Праге, откуда были также посланы в столицу петиции национально-

¹ Исключением являлись лишь немногие области, как напр. Гамбург, где портные потребовали введения 12-часового рабочего дня, установления воскресного отдыха и увеличения заработной платы.

² См. в хрестоматии № 1.

славянского характера. Но это все составляло еще только прелюдию: главные события развернулись в самой Вене. И здесь впрочем, как и везде, дело началось с адресов и петиций. Чрезвычайно характерно, что первая петиция (содержавшая однако лишь самые неопределенные пожелания вроде ходатайства об „изменении системы“) была подана такой крупно-буржуазной организацией, как Австрийский промышленный союз. Поэтому вначале движение не выходило из рамок легальности. Даже 13 марта, когда к движению примкнули широкие массы мелкой буржуазии (особенно важную роль в движении играли студенты) и рабочих, образовавшаяся огромная толпа отправилась к зданию полуфеодалного сейма требовать конституции, ответственности министров, свободы печати¹. Таким образом вначале движение шло приблизительно таким же путем, как в Бадене, Вюртемберге, Саксонии. Если в дальнейшем события приняли совершенно иной оборот, то причиной тому было поведение уверенного в себе правительства, не только не пошедшего на уступки, но, напротив того, поспешившего двинуть против манифестантов громадные массы войск. Произошла перестрелка. Несмотря на то, что количество убитых и раненых не было особенно значительным, при известии об этом город покрылся барикадами. На улицах начались столкновения между правительственными войсками и вооружившимся населением, в качестве предводителей которого выступали студенты венского университета. Только тогда (дело происходило поздно вечером 13 марта) правительство решило пойти на уступки и объявило об отставке Меттерниха и разрешении студентам вооружиться. В ответ на это город был иллюминирован, барикады были разобраны, и спокойствие как будто восстановилось.

Однако правительство еще отнюдь не считало себя побежденным. Данные им уступки означали не капитуляцию, а только передышку. Уже появившееся утром 14 марта официальное сообщение было составлено в крайне туманных и даже угрожающих выражениях. „Чтобы обеспечить спокойствие в этой резиденции, весьма взволнованной со вчерашнего дня, — говорилось в правительственном сообщении, — их императорское величество соизволили повелеть вооружение студентов, за исключением иностранцев и при соблюдении надлежащего регулирования. Их величество ожидают, что все граждане, вступив в гражданские корпуса, сделают зависящее от них для усиления последних

¹ См. в хрестоматии под № 2 речь либерала Фишгофа, произнесенную 13 марта у здания сейма.

и окажут активное содействие сохранению спокойствия. Их величество уже образовали комитет для соображения требуемых временем реформ и присоединят к нему не только лиц из собрания сословий, но и других членов из городского сословия. Их величество надеются, что в этой мере увидят новое доказательство отеческого попечения и что спокойствие будет восстановлено. В противном случае их величеству придется с прискорбием приказать, чтобы было применено оружие“.

Это сообщение было опубликовано в „Венской газете“ утром 14 марта, а уже в 3 часа дня было официально сообщено, что, „в видах восстановления спокойствия, император решил возложить на фельдмаршала-лейтенанта князя Виндишгреца все необходимые полномочия и подчинить ему все гражданские и военные власти“. Это означало не что иное, как осадное положение и военную диктатуру, а следовательно и вооруженное подавление начавшейся революции.

Если таким образом венское правительство после непродолжительных колебаний пошло по пути, диаметрально противоположному поведению правительств средних и мелких государств южной и западной Германии, то причиной этому была не только его большая сила, но и наличность в венской революции одного обстоятельства, совершенно неизвестного революциям Баварии, Бадена, Вюртемберга и т. д. Это обстоятельство — выступление рабочего класса, направленное не только против правительства, но и против либеральной буржуазии.

Вена того времени, подобно Парижу эпохи французской революции, не обладая сколько-нибудь развитой крупной индустрией, была вместе с тем центром промышленности по изготовлению предметов роскоши. Рабочие венских предместий, работавшие в заведениях домашней промышленности и сильно страдавшие от конкуренции машинного производства, начавшего проникать как в текстильную промышленность вообще, так и в производство предметов роскоши в особенности, — острее всего переживали промышленный кризис 1847—1848 годов, повлекший за собой понижение заработной платы и сильную волну безработицы. При первых известиях о событиях в центре города рабочие предместий уже днем 13 марта проникли в город и приняли самое активное участие в борьбе с правительственными войсками. При этом было совершено значительное количество разгромов продовольственных лавок и промышленных предприятий. Это означало уже открытое нападение на буржуазию. Особенно досталось машинам,

в которых рабочие видели своего главного врага и основную причину своих бедствий.

Естественным результатом этих событий было то, что крупно-буржуазные элементы стихийно образовавшейся 13 марта национальной гвардии направили свои удары не только против правительственных войск, но и против рабочих. В течение всех последующих дней венская крупная буржуазия без всякого зазрения совести расстреляла и запрятала по тюрьмам немалое число своих „союзников“ 13 и 14 марта. Вот это-то выступление пролетариата против буржуазии и последовавшее за ним выступление буржуазии против пролетариата, столь мало напоминавшее буржуазно-рабоче-крестьянский единый фронт мартовских революций средних и мелких германских государств, было главной причиной упорства венского правительства и его реставраторской попытки 14 марта.

Однако правительство переоценило испуг буржуазии и потому ошиблось в своих расчетах. Рабочее движение 13 марта было еще слишком слабо, а ненависть к старому порядку еще слишком сильна, чтобы венская буржуазия могла так скоро переменить направление своего основного удара. Правильно угадав путь дальнейшей эволюции поведения крупной буржуазии, правительство императора Фердинанда переоценило его темп. Именно эта ошибка явилась источником его поражения. Известие о диктатуре Виндишгреца вызвало новый взрыв буржуазного негодования. Вооружившаяся буржуазия снова стала готовиться к борьбе с императорскими войсками. Не ожидавшему этого оборота правительству не осталось ничего другого, как снова, и на этот раз окончательно, уступить.

Вечером 14 марта была выпущена правительственная прокламация, в которой возвещались: „свобода печати, организация национальной гвардии с свободно избранными начальниками, созыв в самом непродолжительном времени депутатов от всех провинциальных сословий различных областей и государств империи, причем городское сословие должно получить усиленное представительство; задача собрания этих депутатов — соглашение с императором по вопросу о решенной им конституции отечества“. На следующий день, 15 марта, издан был манифест императора Фердинанда¹, и было объявлено об удовлетворении требований венгерского сейма.

Революция в Пруссии.

В Пруссии движение началось с наиболее экономически развитой части страны — Рейнской области. В Кёльне

¹ См. в хрестоматии № 3.

уже в первых числах марта пели „марсельезу“, и буржуазия устраивала собрания, на которых выставлялись обычные конституционные требования того времени. Но рядом с этим происходили и собрания рабочего класса (нужно помнить, что пролетариат прирейнских провинций составлял наиболее передовую часть тогдашнего рабочего класса), на которых к требованиям буржуазии присоединялись и специфические требования рабочих. Они носили, впрочем, лишь довольно туманный социалистический характер. Значительную роль при выставлении этих требований играл отставной артиллерийский лейтенант фон-Виллих.

В Берлине возбуждение началось также уже в самом начале марта. Движением были охвачены не только буржуазные и мелкобуржуазные слои, но также и широкие массы рабочих, страдавших от связанной с промышленным кризисом жестокой безработицы. Правительство также готовилось и стягивало войска.

6-го марта начались многолюдные митинги. Биржа, этот лучший барометр буржуазного общества, отметила резкое падение государственных ценностей. На следующий день многочисленное собрание, состоявшееся в Тиргартене, выставило обычные конституционные требования и отправило к королю делегацию, которая однако аудиенции не удостоилась. В следующие дни движение продолжалось, кое-где начались стычки с войсками. 13-го марта в том же Тиргартене состоялось собрание, принявшее обращение к королю, в котором говорилось, что капиталисты и ростовщики угнетают народ и что следует создать министерство труда, „чтобы защитить государство от опасностей, спасти всеобщую собственность и жизнь от предстоящих опустошений и улучшить долю рабочего“. Это постановление вызвало в буржуазных кругах раздражение¹. Полученные из Парижа подробности о ходе февральской революции могли только усилить это настроение. „Февральская революция низвергла во Франции как раз ту форму правления, которую прусская буржуазия только что хотела создать в своей стране. Февральская революция была революцией рабочего класса против буржуазии: она прокламировала свержение буржуазного строя и эмансипацию рабочих. Но прусская буржуазия имела в последнее время достаточно рабочих движений в собственной стране. Хотя она после первого испуга по поводу силезских беспорядков пыталась извлечь даже из этого движения пользу, однако спасительный

¹ См. в хрестоматии, под № 4, статью из буржуазной „Фоссової газеты“ от 15 марта 1848 г.

страх перед революционным социализмом и коммунизмом у нее все же остался. И вот прусская буржуазия, увидев во главе правительства в Париже людей, которые ей казались опаснейшими врагами собственности, порядка, религии, семьи и других кумиров, сейчас же почувствовала значительное охлаждение собственного революционного пыла. Она знала, что следует использовать момент, что без помощи рабочих масс она потерпит поражение в своей борьбе с правительством, но у нее нехватало мужества на союз с рабочими. Поэтому она поддерживала правительство при первых частичных восстаниях в провинции и старалась сдерживать и усмирять берлинское население, собиравшееся пять дней подряд под королевским дворцом, чтобы обсудить реформы и требовать перемены правительства; когда же стало известным падение Меттерниха и король сделал некоторые ничтожные уступки, буржуазия сочла революцию уже законченной и поспешила благодарить его величество за милостивое исполнение всех желаний народа“ (Энгельс, Рев. и контр-рев. в Германии).

8-го марта Фридрих-Вильгельм IV обещал отменить цензуру, 14-го марта он объявил о созыве на 27-е апреля Соединенного ландтага, „чтобы свободными учреждениями охранить Германию от опасностей переворота и анархии“, а 18-го марта с балкона королевского дворца собравшейся толпе было объявлено:

„Король желает, чтобы воцарилась свобода печати; король желает, чтобы ландтаг был созван немедленно.

„Король желает, чтобы все земли Германии были сплочены конституцией на самых либеральных началах; король желает, чтобы развевался германский национальный флаг.

„Король желает, чтобы во всей Германии были уничтожены таможенные заставы.

„Король желает, чтобы Пруссия стала во главе движения“.

Эти обещания вызвали полный восторг берлинской буржуазии, которая считала уже революцию законченной¹.

¹ Чрезвычайно любопытно отметить, что берлинские рабочие совершенно иначе, нежели буржуазия, оценили данные королем днем 18 марта обещания. „На дворцовой площади, — рассказывает Блос в своей „Германской революции“, — присутствовали почти исключительно зажиточные граждане. Толпу, предававшуюся восторгам, кричавшую «ура», составляли, употребляя выражения «Фоссовой газеты», «приличные и благовоспитанные люди». Только на заднем плане можно было увидеть отдельные сумрачные фигуры пролетариев; некоторые из них говорили: «нам, бедноте, все это несколько не поможет». Буржуа старались разубедить рабочих, но те серьезно покачивали головой. Фон-Савиньи, министр юстиции, подошел

И если вслед за этим события приняли совершенно иной оборот, то ответственность за это падает во всяком случае не на буржуазию. Уже в предыдущие дни происходили неоднократные стычки между населением и войсками, повлекшие за собой порядочное количество жертв; теперь же, вечером 18 марта, королевские войска неожиданно напали на мирно манифестировавшую по случаю полученных королевских обещаний толпу, и Дворцовая площадь покрылась грудой тел убитых и раненых. Уцелевшие разбежались по прилегавшим к площади улицам, всюду принося весть о случившемся и оглашая воздух криками: „Нас предали! К оружию! Мщение!“ Город мгновенно покрылся барикадами. Теперь уже буржуазии не оставалось ничего иного, как призывать рабочих на помощь против столь изменнически поступившего правительства. В течение всей ночи происходила яростная борьба, ведшаяся с обеих сторон с необычайным ожесточением. Со стороны правительства действовал не только коренной берлинский гарнизон, но также и войска, вызванные из ближайших окрестностей. В 7 часов утра 19 марта появилась нелепая прокламация Фридриха-Вильгельма IV „К моим возлюбленным берлинцам“¹. В ней король обещал отозвать войска, как только народ покинет барикады. Воззвание не произвело ни малейшего впечатления, и борьба продолжалась с прежним ожесточением. Так прошло еще несколько часов. Наконец, поздно утром 19 марта король решил уступить: войска получили приказ удалиться из Берлина, а сформированной в тот же день национальной гвардии было выдано оружие из правительственного арсенала. Кроме того, Фридриху-Вильгельму IV пришлось с обнаженной головой присутствовать при отдании почестей жертвам его войск; главная опора реакции — принц прусский (будущий император Вильгельм I) должен был под предлогом командировки в Англию покинуть Берлин. 21 и 22 марта были выпущены королевские прокламации², подытоживавшие сделанные королем уступки и назначавшие на 2 апреля созыв Соединенного ландтага. Образованное 19 марта переходное министерство было через десять дней заменено новым, в котором

в одном рабочему, который мрачным взором смотрел на подвинувшую суматоху. Безучастность этого человека вызвала досаду у придворного; он постарался втолковать рабочему, что король даровал собственно больше, чем от него требовали. Рабочий скинул министра взглядом с головы до ног и сказал: «Старина, ты этого не понимаешь, — не дали решительно ничего!»».

¹ См. в хрестоматии № 5.

² См. в хрестоматии № 6.

на-ряду с представителями старой бюрократии заседали и такие тузы буржуазного либерализма, как Кампгаузен (глава министерства) и Ганзман (министр финансов). Таким образом и прусская буржуазия получила наконец свое „мартовское“ министерство.

Глава V.

Либеральная буржуазия у власти.

Прусская буржуазия после 18 марта.

„Мартовская революция отнюдь не подчинила властителя божьей милостью суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство, сговориться с буржуазией, вступить в соглашение со своим старым соперником...“

„... Народ победил, он завоевал себе действительно демократические свободы, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии.“

„Одним словом, революция не была завершена. Народ допустил образование министерства крупных буржуа, а крупные буржуа выявили тотчас же свои тенденции тем, что предложили союз старо-прусскому дворянству и бюрократии. Арним, Каниц, Шверин вступили в министерство.“

„Крупная буржуазия, искони анти-революционная, из страха перед народом, т.-е. перед рабочими и демократическим бюргерством, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией“...

Так оценивал Маркс в своих статьях в „Новой рейнской газете“ сущность революции 18 марта.

Берлинская буржуазия уже днем 18 марта считала свои цели достигнутыми. Все дальнейшие события этого дня зависели не столько от революционности буржуазии, сколько от безрассудного упорства правительства. Приняв как неизбежное зло революцию 18—19 марта и используя в своих узко-эгоистических интересах победу мелкой буржуазии и рабочих на берлинских баррикадах, крупная буржуазия, в лице своего мартовского министерства, заботилась лишь о том, чтобы как можно меньше углублять завоевания только что происшедшей революции.

„Страх новых министров перед возбужденными народными массами был настолько велик, что всякое средство они считали хорошим и чистым, лишь бы оно вело к упрочению расшатанных устоев и восстановлению авторитета“

власти. Наивные простофили уговорили себя, будто всякая опасность возрождения старой системы уже миновала, и поэтому пустили в ход всю старую государственную машину ради восстановления «порядка». Не был удален ни один чиновник, ни один армейский офицер; не было проведено ни малейшего изменения в старой бюрократической системе государственного управления“ (Энгельс, Рев. и контр-рев. в Германии).

Более того, страх берлинской буржуазии перед победившими 18—19 марта народными массами был настолько велик, что уже через несколько дней после революции начались ходатайства различных буржуазных общественных организаций о возвращении в Берлин войск, выведенных оттуда 19 марта. Уже 30-го числа в город был возвращен 24-й пехотный полк; за ним последовали и другие воинские части. А с другой стороны вновь сформированная национальная гвардия была организована таким образом, что из нее были тщательно устранены все подлинно демократические элементы. Лучшей характеристикой этого „народного ополчения“ может служить то, что во главе его был поставлен начальник берлинской полиции фон-Минуттоли!

Соединенный ланд- сессия Соединенного ландтага. Даже
таг. его наиболее реакционные дворянские
элементы, учитывая ситуацию, поспешили заявить о своем признании революции 18 марта, которую Кампгаузен в речи, произнесенной при открытии ландтага, квалифицировал как „событие, которое знаменует мощное, не подлежащее никакому сомнению выражение общественного мнения“. 6 апреля Соединенный ландтаг принял так называемый „закон шести параграфов“, гарантировавший свободу печати, совести, собраний, союзов и вероисповедания и вводивший для политических преступлений суд присяжных. Этот же закон устанавливал принцип необходимости согласия народного представительства для введения каких бы то ни было новых законов, взимания налогов и произведения расходов. Кроме того, ландтаг разрешил произвести 40-миллионный заем, из которого 25 миллионов предназначались на нужды „государственной обороны“, говоря иначе — на усиление армии и вообще укрепление государственного аппарата, необходимое для предстоявшей борьбы с демократией.

Несмотря на всю важность перечисленных мер, центр тяжести деятельности Соединенного ландтага заключался не в них, а в том его постановлении, по которому он сам

себя распускал, чтобы уступить место новому собранию. Последнему надлежало войти в соглашение с королем по вопросу о новом государственном строе Пруссии. Когда же один из депутатов ландтага наивно спросил, что будет, если корона и собрание к соглашению не придут, то полученный им от Ганземана ответ красноречиво гласил: „Тогда победит мнение того, у кого будет больше сил“. Поскольку же крупная буржуазия делала все от нее зависящее для того, чтобы сохранить в руках королевского правительства весь аппарат реальной государственной власти (армию, чиновничество и т. д.), вопрос о том, у кого именно будет больше сил, являлся чисто риторическим и мог вообще быть поставлен разве лишь для того, чтобы послужить фиговым листком для предательского поведения буржуазии.

„Теория соглашения, которую буржуазия, достигшая власти в лице министерства Кампгаузена, немедленно провозгласила в качестве «самой широкой» основы прусского *contrat social* (общественного договора), не была только пустой теорией; скорее она выросла на древе «золотой» жизни.

„Мартовская революция отнюдь не подчинила властителя божьей милостью суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство, сговориться с буржуазией, вступить в соглашение со своим старым соперником.

„Корона пожертвует дворянством для буржуазии, буржуазия пожертвует народом для короны. При этом условии монархия станет буржуазной, а буржуазия монархической.

„После марта существуют только эти две силы. Они служат друг другу в качестве громоотвода революции. Все это, разумеется, на «самой широкой демократической основе».

„В этом заключается секрет теории соглашения“ (К. Маркс, статья в „Новой рейнской газете“ от 15 декабря 1848 г.).

Ориентируясь на „теорию соглашения“, Соединенный ландтаг сделал вместе с тем все от него зависящее, чтобы подготовить соответствующий этой теории состав будущего Национального собрания. Приняв принцип всеобщего избирательного права, которое впрочем отнюдь не было действительно всеобщим (исключались не только женщины, но и часть сельскохозяйственных пролетариев, попадавших в категорию лишенной избирательного права „прислуги“), — ибо не принять его значило при тогдашней ситуации идти на

открытый разрыв с победившей 18 марта демократией,— ландтаг постарался внести в него коррективы, совершенно извращавшие его подлинный смысл. С этой целью было постановлено, что выборы будут не прямыми, а косвенными; это означало, что голоса плохо организованных демократических выборщиков неизбежно растворятся среди голосов их прекрасно объединенных буржуазных коллег. Кроме того, Соединенный ландтаг постановил, что депутатов в собираемый во Франкфурте-на-Майне общегерманский парламент пошлет не прусский народ, а сам он—ландтаг. Но это постановление вызвало такую бурю негодования, что ландтагу пришлось уступить и ввести для выборов во Франкфуртский парламент ту же избирательную систему, что и для выборов в прусское Национальное собрание.

Впрочем и этот последний закон отнюдь не был принят без возражений со стороны демократических кругов населения. Уже 2 апреля в Тиргартене, в месте, известном под названием „Палатки“, состоялся митинг, потребовавший прямых выборов. После целого ряда дальнейших аналогичных собраний, исключительно многолюдный митинг 10 апреля постановил для агитации за прямые выборы организовать особый „избирательный комитет“. Комитет этот, после неудачных переговоров с правительством, решил организовать грандиозную мирную манифестацию под лозунгами: „прямые выборы, долой выборщиков, самые широкие полномочия и свобода“. Эта манифестация, назначенная на 20 апреля, встретила самое ожесточенное сопротивление со стороны властей и кончилась полной неудачей. При этом национальной гвардии была дана возможность продемонстрировать свою трогательную верность правительству Кампаузена: „народное“ ополчение берлинской буржуазии в произведенных им избиениях мирных манифестантов показало себя достойным учеником, усвоившим традиции доблестной прусской военщины.

Другим вопросом, по поводу которого прусской буржуазии было суждено уже вскоре после революции 18 марта показать свое подлинное лицо, явился вопрос польский. Последний был связан с оживившимся после мартовских дней национальным движением польского населения великого герцогства Познани, в отношении которого прусское правительство неизменно проводило самую грубую германизаторскую политику. „Вследствие такой усиленной германизации, — говорит Энгельс, — разграничение между польской и немецкой национальностями почти совершенно исчезло. Когда же революция 1848 г. вызвала у всех угнетенных народностей требование права на самостоятельное

существование, то было совершенно естественно, что и поляки сейчас же потребовали восстановления своей страны“... Вначале, уступая ярко полонофильскому настроению широких масс, „новое“ прусское правительство дало полякам кое-какие обещания и даже разрешило образование польских воинских частей; но затем, когда выяснилось, что такая политика грозит опасностью военного столкновения с Россией, поведение правительства Кампгаузена круто изменилось. „Правящая буржуазная партия ясно предвидела, что национальная война с Россией привела бы ее к падению, так как призвала бы к кормилу правления более деятельных и способных людей; поэтому она слицемерным энтузиазмом к расширению германской национальности провозгласила прусскую Польшу — этот главный пункт польской революционной агитации — неотделимой составной частью грядущей Германской империи. Обещания, данные полякам в первые дни возбуждения, были позорно нарушены; польские дружины, организованные с согласия правительства, были рассеяны и уничтожены прусской артиллерией, и уже в апреле 1848 года, через шесть недель после берлинской революции, польское движение было подавлено... Эта невероятная и неоценимая услуга русскому абсолютизму была оказана двумя либеральными купцами-министрами — Кампгаузеном и Ганзманом“ (Энгельс, Рев. и контр.-рев. в Германии).

Прусская буржуазия и рабочие.

Еще важнее были обстоятельства, связанные с развитием значительно обострившегося после революции рабочего движения. Еще в самый разгар событий 18—19 марта берлинские рабочие прекрасно понимали, как мало дает им чисто политическая революция этих дней; а уже 26 марта, всего лишь через неделю после этого, у Шенгаузенских ворот состоялось многолюдное рабочее собрание, задавшееся целью обсудить специфические нужды рабочего класса, ни в коей мере не удовлетворенные только что совершившейся революцией¹. Несмотря на наивность и часто даже глубокую реакционность некоторых раздававшихся на этом собрании речей (напр. были внесены предложения ограничить работу машин, запретить труд женщин и т. д.), что вполне соответствовало уровню тогдашнего рабочего класса, собрание выставило ряд подлинно революционных требований, к числу которых относились: сокращение численности постоянной армии, народное образование, признание инвалидов труда, удешевление правительства, созыв нового

¹ Отчет об этом собрании см. в хрестоматии под № 7.

ландтага на основе всеобщих и прямых выборов и т. д. Постановления собрания 26 марта были доведены до сведения короля через посредство двух депутатий, от которых Фридрих - Вильгельм IV поспешил отделаться, заявив: „Я больше люблю народ, чем он может любить меня“. После этого депутатиям было сообщено, что пожелания собрания будут переданы на рассмотрение „надлежащих властей“, т. е., говоря иначе, просто положены под сукно.

Кроме собрания 26 марта, усиление рабочего движения выразилось в выставлении рабочими ряда экономических требований. (На первом месте среди них нужно отметить увеличение зарплаты и установление 10-часового рабочего дня.) Требования эти в большинстве случаев удовлетворялись предпринимателями, учитывавшими обстановку; в случае их отклонения рабочие не останавливались перед демонстрациями и стачками. Особенно достопримечательна разразившаяся в конце апреля стачка берлинских печатников, окончившаяся частичной победой рабочих.

Другим важным вопросом рабочего движения был вопрос о помощи чрезвычайно многочисленным (в связи с промышленным кризисом) безработным. Берлинские власти, опасаясь создавать в столице озлобленную толпу голодных рабочих, были вынуждены ввести общественные работы, на которые приходилось расходовать значительные суммы денег. Это вызвало отчаянное возмущение со стороны буржуазии. Правительству, чтобы соблюсти „справедливость“, пришлось ассигновать 150 000 талеров в пользу пострадавших от кризиса купцов и промышленников. Но и это, конечно, не могло удовлетворить буржуазию, доведенную до белого каления тем, что какие-то безработные бродяги ведут „на государственный счет праздную и бездельную жизнь“. Прусская буржуазия и правительство Кампгаузена, которое, разумеется, лишь гнетущая необходимость могла заставить пойти на помощь безработным, ждали только удобного случая, чтобы как следует разделаться со своими классовыми врагами.

**Франкфуртский
предпарламент.**

В то время как либеральная буржуазия Пруссии в лице министерства Кампгаузена проводила политику соглашения со старой властью — королем Фридрихом-Вильгельмом IV, представители либеральной буржуазии всей Германии, собравшиеся во Франкфурте-на-Майне в так называемом предпарламенте, выработывали там формы соглашения со старой властью в образе Союзного сейма. Еще 12 марта гейдельбергский съезд либералов назначил на 30-е марта созыв всех настоящих и бывших парламентариев.

Совершенно ясно,—уже потому, что они были парламентариями дореволюционной Германии,—что собравшиеся в назначенный день во Франкфурте-на-Майне представители всех германских государств (вернее было бы сказать—почти всех, так как от Австрии приехало всего два человека) не могли отличаться революционностью. И действительно, из 511 человек, съехавшихся во Франкфурт, на долю „демократов“ (т. е. представителей радикальной мелкобуржуазной интеллигенции) приходилось лишь несколько десятков; громадное же большинство членов предпарламента составлялось из весьма умеренных представителей крупной буржуазии, в основном считавших революцию к этому времени уже вполне законченной.

Главный вопрос, подлежавший обсуждению предпарламента, заключался в рассмотрении составленного гейдельбергской комиссией семи нижеследующего проекта нового государственного устройства Германии:

„1. Верховный глава союза с ответственными министрами.

„2. Сенат от отдельных государств.

„3. Палата, составляемая посредством народного избрания, считая по одному депутату на 70000 человек населения.

„4. Компетенция союза, создающаяся путем соответственного ограничения компетенции отдельных государств по отношению к следующим пунктам: а) войско; б) представительство за границей; в) система торговли, законов о мореплавании, союзных таможен, монеты, мер, веса, почт, водных путей и железных дорог; г) объединение гражданских и уголовных законов и судебных установлений, союзный суд; д) гарантия свободных прав нации.

„5. Постановление о созыве Учредительного национального собрания, на изложенных выше основаниях, делается союзными властями совместно с уполномоченными.

„6. Постоянная комиссия из 15 членов, имеющая быть избранной из среды членов теперешнего собрания, должна позаботиться о том, тобы постановление о созыве Национального учредительного собрания было приведено в исполнение. Если это не будет исполнено в четырехнедельный срок от настоящего времени, данное собрание возобновляется здесь 3 и 4 мая. В случае неотложной необходимости комиссия может созвать собрание и в более ранний срок“.

Этому предложению, вполне отвечавшему намерениям крупной буржуазии и заключавшемуся в возведении над зданием тогдашних германских государств новой конституционно-монархической общегерманской крыши, мелко-

буржуазный радикал из Бадена Густав Струве противопоставил свой проект конституции, в основном сводившийся к требованию федеративной демократической республики¹. Само собой разумеется, что это предложение встретило ожесточенное сопротивление со стороны подавляющего большинства собрания. Принятая предпарламентом компромиссная резолюция гласила, что определение нового государственного устройства Германии принадлежит будущему Учредительному собранию. Кроме того, предпарламент, постановив, что выборы в это собрание будут всеобщими, предоставил правительствам отдельных государств решить, будут ли они прямыми или же косвенными.

Другое постановление предпарламента гласило, что для осуществления его решений им будет избрана комиссия из 50 членов, которая должна будет „вступить в соглашение с Союзным сеймом² и играть совещательную роль при последнем в вопросах защиты интересов нации“. Этой же комиссии было в самой неопределенной форме поручено „позаботиться“ о том, чтобы было осуществлено вооружение народа. После этого предпарламент, выразив, по предложению депутата Ремера, путем вставания свои симпатии рабочему классу, счел свою деятельность завершённой и мирно разошелся 3 апреля по домам. Так была закончена еще одна славная страница „великой“ германской революции!

Глава VI.

Апрельское восстание в Бадене и майские события в Вене.

Республиканское восстание в Бадене. В главе II настоящей работы, посвященной рассмотрению движущих сил германской революции 1848 года, нам приходилось отмечать наличие в экономически отсталых южно-германских государствах мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, по своим настроениям заметно отличавшихся от аналогичных классовых прослоек Пруссии. Южно-германская мелкая буржуазия и мелкобуржуазная

¹ См. в хрестоматии № 8.

² Следует иметь в виду, что Союзный сейм, идя навстречу соглашательской политике крупной буржуазии, 30 марта, т. е. в самый день открытия предпарламента, постановил созвать общегерманский парламент, чтобы „завершить дело конституции между правительствами и народами“.

интеллигенция были проникнуты довольно сильным революционным духом, носившим впрочем, несмотря на свой республиканизм, несколько туманный и неопределенный характер.

Изучая историю венской революции 13—15 марта, мы убедились в громадной роли, сыгранной там мелкобуржуазной интеллигенцией вообще и студенчеством в частности. То же самое было и в Бадене, где, по словам Энгельса, относящимся к 1850 г., „крупная буржуазия существует вообще только в зачаточном состоянии“ и „реакционные классы—дворянство, бюрократия и крупная буржуазия—были немногочисленны“. Именно с Бадена началось революционное движение в марте 1848 г. В середине того же месяца в Бадене окончательно оформилась еще ранее образовавшаяся там демократическая партия, левое крыло которой высказывалось за республику. На исключительно многолюдном митинге, состоявшемся в Оффенбурге 19 марта, к старым обычным требованиям того времени были присоединены еще следующие: однопалатная система; уничтожение всех налогов, кроме прямых и таможенных сборов, и введение прогрессивного подоходного налога и прогрессивного же налога на собственность; немедленное уничтожение всяких привилегий, в чем бы они ни заключались; отделение церкви от государства и школы; дешевое правительство и т. д. Само собой разумеется, что соглашательское поведение крупной буржуазии и в частности постановления предпарламента вызвали яростное возмущение баденских демократов; возмущение это должно было толкнуть их на решительные действия. Не будучи однако связаны с массами¹, лидеры этой партии, типичные мелкобуржуазные интеллигенты (на первом месте среди них нужно отметить Геккера, Струве, Меглинга), решают действовать самостоятельно и видят единственный исход в том, чтобы обратиться к оружию. При этом они надеялись, что начатое ими восстание встретит поддержку со стороны широких масс населения и что к нему примкнут даже правительственные войска. Без всякой предварительной подготовки, не запасшись даже необходимым количеством оружия, не сделав решительно ничего, чтобы обеспечить себе поддержку мало-мальски значительных масс населения, а надеясь исключительно только на силу своей революционной энергии, Геккер и Струве, как типичные идеалисты и рыцари революционной фразы, абсолютно ничего не понимавшие в действительной жизни, рассылают 12 апреля

¹ Рабочего класса в Бадене почти не существовало, а крестьяне были к этому времени уже удовлетворены.

по всем округам прилегавшей к швейцарской границе области воззвания. В этих воззваниях они объявляют себя „временным народным комитетом“ и призывают народ к восстанию под лозунгом: „победа или смерть во имя Немецкой республики“¹. На следующий день, 13 апреля, Геккер во главе 57 товарищей, надеявшихся, что к ним немедленно же примкнут многие тысячи единомышленников, вышли из Констанца для борьбы с правительственными войсками; но надежды их в значительной степени оказались тщетными. Уже удовлетворенное к этому времени крестьянство встретило предприятие Геккера и Струве весьма холодно. Количество повстанцев, даже в наиболее благоприятные для восстания моменты, не превышало тысячи человек; значительную часть составляли крестьяне, вооруженные только косами. При таком положении вещей исход движения был заранее осужден на неудачу, и этого не могли предотвратить ни восстание в примкнувшем к движению Фрейбурге, ни помощь перешедшего через Рейн отряда бывших немецких эмигрантов во Францию, под руководством поэта Гервега, не без содействия французского правительства отправившегося „импортировать в Германию революцию“². К началу 20-х чисел апреля движение баденских республиканцев было окончательно разгромлено, а лидеры его были частью взяты в плен правительственными войсками, частью же принуждены скрыться за границу.

Майские события в Вене. Если баденское восстание представляется чрезвычайно характерным образцом выступления совершенно оторванной от масс мелкобуржуазной интеллигенции, то события, происшедшие вскоре после этого в Вене, дают не менее блестящий пример деятельности этой общественной прослойки в тех случаях, когда она опирается на широкие массы городской бедноты. В Вене, как и в Берлине, победа мартовской революции повела к усилению рабочего движения и к выставлению рабочими самостоятельных требований, но—в противоположность Берлину—исключительно экономического характера. Это впрочем вполне соответствовало крайней отсталости австрийских рабочих, гораздо менее сознательных, чем даже далеко еще не сложившиеся в „класс для себя“ прусские рабочие того времени. Однако, наряду с явно реакционным требованием уменьшения

¹ См. в хрестоматии № 9.

² Выражение Энгельса. Чрезвычайно важно отметить, что Маркс и Энгельс, находившиеся в это время в Париже, с самого же начала решительно осуждали авантюристические намерения Гервега и всячески противились их осуществлению.

применения машин, венские рабочие выставили также требования сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы, и в большинстве случаев требования эти были удовлетворены. Кроме того, венское правительство, так же как и берлинское и по тем же самым побуждениям, организовало общественные работы, имевшие целью дать заработок многочисленным безработным.

Само собой разумеется, что все эти факты вызывали сильное недовольство крупной буржуазии. Австрийское правительство, учитывая это обстоятельство, решило исподтишка ликвидировать все данные им 15 марта обещания. Октроированная Фердинандом 26 апреля конституция, наряду с абсолютным вето императора и сохранением полуфеодалных провинциальных сословных собраний, устанавливала двухпалатную систему с чисто аристократической верхней палатой и ни словом не упоминала о порядке предстоящих выборов в палату нижнюю. Это означало не что иное, как полную ликвидацию всех завоеваний 13—15 марта. Естественным ответом на конституцию 26 апреля явился острый взрыв негодования широких масс населения столицы.

Австрийское правительство, октроируя свою конституцию, ошиблось в расчетах, ибо не учло роли венской мелкой буржуазии. В самом деле, в Австрии, где, вследствие ее крайней экономической отсталости, классовые противоречия были развиты несравненно слабее, чем в Пруссии, мелкая буржуазия неизбежно должна была играть совершенно иную роль, нежели в этой последней. Если в Пруссии мелкая буржуазия, представленная главным образом ремесленниками и мелкими лавочниками, была экономически связана с высшими классами общества и поэтому с самого же начала заняла явно реакционную позицию, то венская мелкобуржуазная интеллигенция и в особенности студенчество все же более напоминали парижскую мелкую буржуазию 1789—1794 годов, чем берлинское мещанство 1848 года. Мелкобуржуазные элементы венской национальной гвардии, сразу же получившие большинство в организованном этой гвардией „центральный комитет“, а равно и студенческий „академический легион“, с первых же дней революции вошли в довольно тесные отношения с рабочими предместий. Они образовали с ними даже единый фронт против крупнобуржуазных элементов национальной гвардии, расстреливавших рабочих 13—14 марта. С другой стороны, и венские рабочие во всех вопросах политического характера безоговорочно шли за мелкой буржуазией; лишь в чисто экономических

вопросах они проявляли некоторую долю самостоятельности.

Ответом на конституцию 26 апреля явился ряд организованных студенчеством и центральным комитетом противоправительственных манифестаций. Тогда коалиционное буржуазно-бюрократическое „мартовское“ министерство Пилтерсдорфа, опираясь на обещанную поддержку крупнобуржуазных элементов национальной гвардии, решило ликвидировать ненавистные ему органы революционной демократии. 13 мая командир национальной гвардии граф Гойос издал приказ, объявлявший о несовместимости существования центрального комитета с организацией национальной гвардии.

Немедленным ответом на это распоряжение, означавшее решительный удар по всем завоеваниям 15 марта, было выступление венской мелкой буржуазии и рабочих, вышедших на улицу под лозунгами отмены приказа Гойоса, введения всеобщего избирательного права и т. д. В течение следующих двух дней движение росло и ширилось, и к 15 мая правительство было поставлено лицом к лицу с угрозой неминуемого столкновения между регулярными войсками и немногочисленными верными правительству частями национальной гвардии, с одной стороны, и громадным большинством этой последней и 10 000 вооружившихся рабочих — с другой. Доводить дело до сражения правительство не решилось. Приказ Гойоса был отменен.

В отношении конституции 26 апреля правительство разъяснило, что она является лишь „проектом“, подлежащим утверждению рейхстага, избранного на основе всеобщего избирательного права. При этом правительство благоразумно умолчало, что выборы будут не прямые, а двухстепенные. Это обстоятельство обнаружилось лишь позднее, когда волна народного негодования, приведшая к победе 15 мая, схлынула и правительство не ожидало новой революционной угрозы.

Избежав при помощи такой капитуляции опасности, грозившей ему во время восстания 15 мая, император Фердинанд при сложившихся условиях не мог однако считать себя в безопасности. Он решил бежать из столицы. И вот, в то время как официальная „Венская газета“ в своем номере от 18 мая писала: „Отъезд императора был бы равносителен бегству Людовика XVI; последний день пребывания здесь его императорского величества был бы первым днем республики! Император не только может оставаться в Вене, — он должен здесь оставаться“, — венское

население утром того же дня узнало, что император Фердинанд предшествующей ночью бежал в Инсбрук, дабы укрыться там среди населения экономически отсталого и поэтому реакционного Тироля!

Известие о бегстве императора произвело в Вене впечатление разорвавшейся бомбы. Венская буржуазия, производившая и торговавшая предметами роскоши, главными покупателями которых являлись придворные, с бегством двора теряла основной контингент своих клиентов, и уже это одно неизбежно должно было толкнуть ее в объятия реакции. С другой стороны, изданный Фердинандом в Инсбруке манифест, в котором содержались ламентации по поводу деятельности венских „анархистов“, не мог не найти себе сочувственного отклика в сердцах крупной буржуазии. К этому времени она уже „впала в ту усталость и равнодушие, в то вечное стремление к покою и порядку, которые всегда и везде одолевают этот класс после сильных потрясений и связанных с ними помех в коммерческой деятельности... Призыв «назад» — к упорядоченной правительственной системе и к возвращению двора, от которых ожидали оживления торговых дел, — призыв этот сделался общим лозунгом всей буржуазии“ (Энгельс, Рев. и контр-рев. в Германии).

Результатом такого настроения явилась сильная волна реакции, захлестнувшая Вену в дни, непосредственно следовавшие за 18-ым мая. Что эта волна захлестнула даже мелкую буржуазию, лучше всего показывает то обстоятельство, что центральный комитет национальной гвардии испугался направленного против него со стороны крупной буржуазии взрыва негодования и поспешил объявить о своем самороспуске. Только наглый переход в наступление со стороны правительства, объявившего в ночь с 25 на 26 мая о роспуске академического легиона, положил предел временной слабости венской мелкой буржуазии и заставил ее, под прямым давлением рабочих масс, снова взяться за оружие.

Революция 26 мая и по своему внешнему ходу (центром движения 26 мая, так же как и 15-го, являлся университет) и по выдающейся роли, сыгранной в ней рабочими предместий, построившими свыше 160 барикад, явилась точной копией восстания 15 мая. Так же как тогда, правительство не решилось на вооруженную борьбу и уступило по всем пунктам. Академический легион был не только восстановлен, — на долю его выпала задача организации вновь созданного 26 мая „Комитета безопасности“. Комитет этот, формально организованный для заведывания

общественными делами столицы, фактически сразу же сделался как бы вторым правительством¹, и поэтому период, последовавший за днем 26 мая, был в сущности не чем иным, как временем двоевластия—бессильного „законного“ правительства“ и всемогущего Комитета безопасности.

Политика Комитета безопасности исключительно характерна для всякого мелкобуржуазного правительства². Он не допустил в свою среду представителей рабочего класса и постарался сразу же после своего образования спровести по домам рабочих, все еще не желавших покидать баррикад. Оказав таким образом бесценную услугу крупной буржуазии, Комитет безопасности был вместе с тем совершенно бессильно бороться с контр-революцией и не знал, каким образом использовать неожиданно попавшую в его руки власть. Эта сторона деятельности Комитета безопасности настолько бросается в глаза, что была отмечена даже типичным социал-демократом Блосом, который в своей „Германской революции“ следующим образом описывает работу этого комитета:

„... Император оставил свою резиденцию при таких условиях, которые делали его отъезд равносильным бегству. Министерство, которому не доверяли ни двор ни народ, лишилось всякого влияния и, казалось, доживало свои последние дни. Учредительное собрание не было не только созвано, но и избрано. Войско, и без того сравнительно ничтожное, так как главные силы направились на театр итальянской войны³, было вынуждено удалиться из Вены. И над всеми развалинами старого строя возвышался Комитет безопасности, снабженный безграничными полномочиями. Вся политическая власть сосредоточилась теперь в его руках; он мог выступить в качестве нового правительства. Ему для этого стоило только взять власть в свои руки.

„Но он не взял ее и дал трепещущему от страха министерству Пиллерсдорфа время оправиться. Вся Европа с изумлением взирала на Вену, население которой проявило такую мощь, такую силу. Если бы венцы учредили новое, демократическое правительство, ни для кого это не

¹ См. в хрестоматии, под № 10, отрывки из протоколов заседаний Комитета безопасности.

² Само собой разумеется, что мы имеем здесь в виду лишь мелкобуржуазные правительства, существующие в эпоху промышленного или финансового капитализма, вследствие чего сказанное в тексте никоим образом не относится к Великой французской революции, происходившей в эпоху капитализма торгового.

³ В итальянских провинциях Австрии происходила в это время революция, которую умирляли австрийские войска под начальством фельдмаршала Радецкого.

было бы чем-то неожиданным, чем-то необъяснимым. За комитетом стояла вся вооруженная Вена, а за Веной—почти вся Австрия. В распоряжении министерства было ничтожное количество войск... Но комитет, повидимому, совсем не понимал создавшегося положения,—иначе он не потерпел бы, чтобы в Вене оставалось правительство, которое делало все возможное, чтобы повсеместно подавить борьбу и потом, собравшись с силами, направить их против самой Вены*.

Действительно, Комитет безопасности был подлинным мелкобуржуазным правительством. И, отказавшись от борьбы, возложив все свои надежды на грядущее Учредительное собрание, он сделал то, что в его положении всегда делают правительства мелкой буржуазии,—подготовил торжество контр-революции.

Глава VII.

Три говорильни.

Франкфуртский парламент.

Общегерманский парламент, созданный по постановлению парламента и Союзного сейма, открыл свои заседания 18 мая 1848 г. в церкви св. Павла во Франкфурте-на-Майне. В парламенте этом были представлены четыре партии, которые впрочем правильнее было бы называть не партиями, а течениями, ибо, несмотря на отчетливую разницу в своей классовой сущности и стремлениях, течения эти все же не имели ни писанных программ ни—тем более—какой-либо четкой организационной структуры.

✓ Правое крыло Франкфуртского парламента составляла партия, выражавшая классовые интересы феодальной аристократии и поземельного дворянства и прятавшая свои абсолютистские тенденции под маской конституционного монархизма. За ней шел так называемый правый центр, умеренно-либеральная партия крупной буржуазии, представленная главным образом либеральными деятелями прошлых времен и отстаивавшая принципы цензовой конституционной монархии. Далее следовал левый центр—несколько более демократическая партия средней буржуазии и среднебуржуазной интеллигенции; и, наконец, так называемая левая, которая делилась на собственно левую и очень немногочисленную крайнюю левую. Собственно

левая фракция Франкфуртского парламента, вождем которой был известный Роберт Блюм из Лейпцига, была типичной представительницей мелкобуржуазной интеллигенции того времени. Ее расплывчатая идеология, колебавшаяся между парламентской монархией и республикой, находила себе достойное продолжение в ее тактике, представлявшей смесь революционной фразы и парламентского кретинизма. То же самое можно сказать и о крайней левой, выразившей настроения мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции южно-германских государств и отличавшейся от собственно левой лишь несколько большей определенностью своей республиканской программы.

Слабость позиции левой части франкфуртского собрания заключалась не столько в том, что она была в меньшинстве (это естественно вытекало из двухстепенной системы выборов), сколько в том, что вполне реальной умеренно-конституционной программе правой половины парламента она могла противопоставить лишь свой культ революционной фразы и наивную веру во всемогущество резолюций и деклараций. Эта характерная черта деятельности Блюма и его товарищей, сказавшаяся уже в первые дни существования собрания, неизменно проявлялась и в течение всей последующей деятельности франкфуртской учредилки. Тактика ее левой части может служить таким же классическим примером тактики мелкобуржуазных „революционеров“, как тактика Луи Блана во Франции или Керенского и компании в России.

Впрочем, и центр и даже правую часть Франкфуртского парламента также нельзя упрекнуть в безразличии к фразеологии. Разница заключалась лишь в том, что, тогда как левая самым искренним образом верила во всемогущество произносимых в церкви св. Павла революционных речей, центр и правая произносили речи только для того, чтобы за спиной собрания совершать действия отнюдь не революционного характера. Это сказалось в первые же дни работы Франкфуртского парламента, когда, провозгласив себя 27 мая Учредительным собранием, он почти одновременно с этим категорически отказался вмешаться в действия майнцких военных властей, которые, после происшедшей стычки между регулярными войсками и национальной гвардией, добились ее разоружения. Еще блистательнее был разрешен вопрос об армии. Франкфуртский парламента, похоронив в одной из своих комиссий предложение об образовании подчиненного ему общегерманского войска, что одно только могло придать „учредительному“ собранию некоторое подобие действи-

тельной власти,—вместе с тем разрешил правительствам отдельных государств удвоить контингент их вооруженных сил. Тем самым было подготовлено прекрасное оружие для разгрома всей революции вообще и Франкфуртского парламента в частности.

Главным вопросом, который предстояло разрешить общегерманскому Учредительному собранию, был вопрос об организации временного общегерманского правительства. Сложность этого вопроса заключалась в том, что при разрешении его сталкивались не только интересы различных партий и стоявших за ними классов, но равным образом и стремления правительств различных германских государств: каждое из них мечтало о преобладающей роли в будущем правительстве объединенной Германии. И вот, в то время как представители всех партий франкфуртской говорильни бесконечно долго и цветисто упражнялись в разговорах на эту тему по всем правилам парламентского красноречия, за спиной парламента состоялось соглашение главнейших правительств. В результате его Учредительное собрание большинством 403 голосов против 135 приняло нижеследующие основания организации временной центральной власти объединенной Германии:

1. Пока не будет окончательно организована правительственная власть Германии, учреждается временная центральная власть для всех общих дел германской нации. Эта власть: а) должна исполнять функции исполнительной власти во всех делах, касающихся общей безопасности и благоденствия Германского союзного государства; б) должна взять на себя высшее управление всеми вооруженными силами и в частности назначить для них временных высших начальников; в) должна играть роль представительства Германии во всех международных и торгово-политических сношениях и с этой целью назначать посланников и консулов.

2. В круг деятельности центральной власти не входит участие в выработке конституции.

3. Относительно войны и мира, а также договоров с иностранными державами, право принятия решений принадлежит центральной власти по соглашению с Национальным собранием.

4. Центральная власть возлагается на имперского правителя, который избирается Национальным собранием.

5. Имперский правитель исполняет свои функции посредством назначенных им министров, ответственных перед Национальным собранием.

6. Власть имперского правителя не ответственна.

7. С того момента, как начнется деятельность временной центральной власти, прекращается существование Союзного сейма.

8. Исполняя дела управления, центральная власть должна входить, насколько возможно, в соглашение с уполномоченными союзных правительств.

9. Деятельность временной центральной власти прекращается, как только закончится выработка конституции для Германии и она вступит в силу.

После этого оставалось только избрать имперского правителя. Так как закулисное соглашение по этому поводу между отдельными правительствами уже состоялось, то задача эта никаких трудностей не представляла. 29 июня большинством 436 голосов из 579 голосующих на должность имперского правителя был избран австрийский эрцгерцог Иоанн, популярный в буржуазных кругах вследствие приписывавшейся ему и вряд ли произнесенной им в действительности фразы: „Ни Пруссии ни Австрии, а единая Германия, крепкая как ее горы!“ Этим первая часть деятельности Франкфуртского парламента была завершена.

Избрание эрцгерцога Иоанна и принятие регулировавшего его деятельность закона, в силу которого вся реальная власть оставалась за правительствами отдельных германских государств, а из чрезвычайно скромных функций центральной власти львиная доля принадлежала не Учредительному собранию, а имперскому правителю, означали полную победу правой части Франкфуртского парламента и жестокое поражение его левого крыла. Но правое большинство собрания, до поры до времени нуждавшееся в содействии левой оппозиции и во всяком случае не желавшее идти с ней на разрыв, решило дать левым удовлетворение, предоставив им полную возможность упражняться в столь излюбленном ими парламентском красноречии. С этой целью на обсуждение Франкфуртского парламента был поставлен вопрос об издании декларации основных прав германского народа, и почти весь остаток года был посвящен разрешению этой задачи. Заняв таким образом „левых“ болтунов франкфуртской говорильни обсуждением великой и глубоконасущной для судьбы революции проблемы декларации прав, реакционные элементы собрания развязали себе руки и могли исподволь готовиться к скоро предстоявшему им переходу в наступление. Так была разыграна старая, но вечно новая комедия „революционности“ буржуазии, своими действиями подготавливающей торжество дворянской контр-революции. Недаром В. И. Ленин

в своих „Двух тактиках“ сравнивает русских „освобождenceв“ типа Петра Струве с буржуазными болтунами Франкфуртского парламента, которые „занимались сочинением резолюций, решений... в такое время, когда дело шло об отпоре вооруженной силе правительства... когда одно словесное воздействие... превратилось в пошлую бездеятельность и трусость“.

Такова была франкфуртская учредилка, или вернее, по бессмертному выражению Энгельса, франкфуртское „собрание старых баб“¹.

Прусское „согласительное“ собрание открыло свои заседания 22 мая, всего лишь через четыре дня после Франкфуртского, и состав его, был еще более реакционен. Объясняется это тем, что в южных и западно-немецких государствах, где мелкая буржуазия составляла численно преобладающую часть населения, представители этого общественного слоя, несмотря на двухстепенную систему подачи голосов, все же смогли, хотя и в не особенно значительном числе, проникнуть в парламент. В аристократическо-аграрной Пруссии картина была совершенно иной. Мы уже видели, что значительная часть крестьянства Пруссии была, в качестве так называемой „прислуги“, отстранена от участия в голосовании. Ясно, что решающее значение во время выборов должны были иметь крупная буржуазия и земледельческое дворянство. Вот почему в прусском Национальном собрании мы встречаем, если не брать в счет чрезвычайно слабую демократическую левую, лишь две почти одинаково сильные партии — дворян-монархистов и буржуа-конституционалистов, а классовый состав этого собрания лучше всего может быть охарактеризован перечислением профессий его членов: 16 рыцарей и дворян, 98 судейских чиновников, 48 чиновников министерства внутренних дел, 28 городских служащих, 52 духовных, 27 учителей, 31 купец, 28 ремесленников, 68 крестьян, 11 врачей, 3 литератора, 4 офицера, 6 комми-воажеров, 1 подмастерье и 1 поденщик.

Первым вопросом, который предстояло разрешить прусскому Национальному собранию, был вопрос о том, является ли оно собранием учредительным или же только согласительным. Мы уже знаем, что оно было созвано лишь как собрание согласительное. Когда в одно из его первых же заседаний депутат Отто потребовал внести в регламент

¹ Отзывы Маркса и Энгельса о деятельности Франкфуртского парламента см. в хрестоматии под №№ 11 и 12.

собрания пункт о том, что оно не может быть распущено королем (а это значило как раз объявить собрание учредительным), то предложение это, против которого решительно выступило министерство Кампгаузена, было отвергнуто подавляющим большинством голосов. Тем самым собрание добровольно ограничило свои полномочия и заранее отказалось от всякой действительной борьбы с правительством.

Не менее характерным для физиономии прусского Национального собрания было его постановление 9 июня. Отвергнув большинством 196 против 177 голосов предложенную депутатом Берендсом резолюцию, в которой говорилось, что „борцы 18 и 19 марта стяжали себе великую заслугу перед отечеством“, собрание приняло нижеследующую резолюцию Цахарие: „Принимая во внимание, что значение совершившейся революции и ее борцов бесспорно и что собрание видит свою задачу не в произнесении приговоров, а в том, чтобы по соглашению с королем выработать конституцию, собрание переходит к очередным делам“.

Сущность этого постановления была по достоинству оценена Марксом в его статье в номере „Новой рейнской газеты“ от 13 июня.

„Согласительное собрание высказалось наконец решительно. Оно отвергло революцию и приняло теорию соглашения...“

„Согласительное собрание должно было высказаться теперь, признает оно или не признает революцию.“

„Но признать при данных условиях революцию — значило признать демократическую сторону революции в противовес буржуазии, которая хотела эту сторону революции аннулировать.“

„Признать революцию — означало в данный момент признать половинчатость революции и тем самым демократическое движение, которое направлено против некоторых результатов революции. Это значило признать, что Германия находится в состоянии революционного движения, в котором министерство Кампгаузена, теория соглашения, непрямые выборы, господство крупных капиталистов и результаты деятельности собрания, хотя и могут стать неограниченными промежуточными этапами, но ни в коем случае последними результатами.“

„Дебаты о признании революции велись в палате обеими сторонами с большим размахом и с большим интересом, но с удивительно малым остроумием... Левая также не особенно отличилась в этих дебатах. Большинство ее ораторов повторяли друг друга: никто не осмелился решительно поставить вопрос во всей его ясности и полноте“

и выступить открыто революционно. Если бы борцы 18 марта проявили в борьбе не больше энергии и страсти, чем господа из левой в дебатах о революции, плохо бы обстояло дело в Германии“.

Но несравненно важнее была деятельность или, вернее, полная бездеятельность прусского Национального собрания по основному вопросу всей революции — вопросу крестьянскому.

„Берлинская революция сделала все феодальные повинности навсегда невозможными. Крестьяне, разумеется, сейчас же отменили их на практике. Правительству ничего не оставалось больше, как облечь в законную форму фактически осуществленную волей народа отмену феодальных тягот.

„Но, прежде чем аристократия решилась на четвертое августа ¹, должны были запылать ее замки ². Правительство, как раз в данном случае представленное аристократом ³, высказалось в пользу аристократии: оно представило собранию проект, в котором требовало от соглашателей, чтобы они предали аристократии крестьянскую революцию, вспыхнувшую в марте по всей Германии. Правительство ответственно за последствия, которые вызовет применение в деревне принципов г. Патова.

„А именно: г. Патов хочет, чтобы крестьяне заплатили выкуп за отмену всех феодальных повинностей, даже лаудемиев ⁴! Лишь те повинности должны быть отменены без выкупа, которые вытекают из личной крепостной зависимости, из прежней системы налогов и из вотчинной юрисдикции, или же те, которые не представляют ценности для господ феодалов (как милостиво!); иначе говоря, те повинности, которые составляют самую ничтожную часть всех феодальных повинностей.

„Напротив того, все выкупы феодальных повинностей, урегулированные уже путем договоров или судебных решений, сохраняют свою силу. Это значит, что крестьяне, которые выкупили свои повинности при действии реакционных, благоприятных дворянству законов, издававшихся начиная с 1816 г. и особенно с 1840 г., и при этом были обмануты в своих собственных интересах, сначала

¹ 4 августа 1789 г., когда французское Учредительное собрание провозгласило отмену феодальных прав.

² Мартовские революции повлекли за собой во многих германских государствах острый взрыв крестьянского движения, которому не осталась чужда и Пруссия.

³ Министр земледелия фон-Патов.

⁴ Взносы при переходе крестьянских земель.

по закону, потом подкупленными чиновниками, разумеется — в пользу помещиков, — что они не получают никакого вознаграждения.

„А для того, чтобы пустить пыль в глаза крестьянам, должны быть учреждены земельные банки...“

„Настоящее заглавие проекта г. Патова: «Доклад о сохранении на вечные времена феодальных повинностей посредством их выкупа» (К. Маркс, статья в „Новой рейнской газете“ от 24 июля 1848 г.).“

Но даже и этот проект показался „согласительной“ палате чересчур либеральным. Оттянув его рассмотрение до сентября, когда столкновения между крестьянами и помещиками участились, она в конце концов решила отменить лишь помещичье право охоты на крестьянской земле и особенно ненавистные крестьянам лаудемии (последние, впрочем, лишь с большими оговорками). Одновременно с этим Национальное собрание отвергло предложение об отмене барщины и сдало весь правительственный проект, который защищал сменивший к этому времени Патова Гирке, в одну из своих многочисленных комиссий, где он и упокоился сном праведных ¹.

„Французская буржуазия 1789 г. ни на один момент не покидала своих союзников-крестьян. Она знала, что основой ее господства было разрушение феодализма в деревне, восстановление свободного, владеющего землей, класса крестьян.“

„Германская буржуазия 1848 года немедленно предала своих естественных союзников-крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства.“

„Французская революция начала с освобождения крестьян. При помощи крестьян завоевала она Европу. Прусская буржуазия была так ограничена своими узкими ближайшими интересами, что потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контр-революции“ (К. Маркс, статьи из „Новой рейнской газеты“ от 29 июля и 29 декабря 1848 года).

Национальное собрание Австрии, Австрийский рейхстаг, иначе называвшееся рейхстагом или сеймом, оказалось не менее реакционным, чем Франкфуртский парламент или прусская палата соглашений. Реакционность эта вытекала из отношений не только классовых, но также и национальных.

¹ Марксова критика этого проекта дана в хрестоматии под № 13.

Характернейшей чертой Австрийской империи 40-х годов являлся исключительно сложный переплет существовавших в ней классовых и национальных отношений. Эта черта не могла не наложить самого яркого отпечатка на весь ход австрийской революции. Поэтому имело место парадоксальное на первый взгляд явление: угнетенные доколе славянские национальности империи, в силу своей экономической отсталости, с самого же начала революции стали на сторону императорского правительства в его борьбе с немецкими и венгерскими революционерами¹. То же произошло со славянским конгрессом, открывшимся в Праге 2 июня с полного благословения правительственных властей. Происшедшее в Праге 12—17 июня восстание городской мелкой буржуазии и рабочих, единственных революционных элементов местного населения, принадлежавших к тому же в своем большинстве к немецкой национальности, было легко подавлено правительственными войсками, которые под командой князя Виндишгреца вышли из города и бомбардировали его с окрестных высот. Это еще более усилило сближение между испугавшимися революции помещиками Чехии и австрийским правительством.

Аналогичная ситуация создалась и в Венгрии. Там, со времени образования (после венской революции 13 марта) автономного национального мадьярского правительства во главе с Кошутом, австрийское правительство неизменно поддерживало славянские национальные меньшинства, угнетаемые венграми и поэтому явно враждебные венгерской, а следовательно и австро-немецкой революциям. В результате этих обстоятельств на происходивших 26 июня выборах славянские области империи послали в рейхстаг сплошь реакционных депутатов; значительную долю последних составляли не только дворяне, но и совершенно темные крестьяне, которым их помещики в награду за поддержку обещали быструю отмену всех остатков феодальной системы. Вот почему славянское большинство открывшегося 22 июля рейхстага было вместе с тем и большинством реакционным, и немецкое демократическое меньшинство с самого же начала не имело никаких оснований рассчитывать на влияние в этой типичной „палате деревенщины“.

Но, если таким образом австрийский рейхстаг 1848 года был в общем и целом таким же реакционным, как и прусская палата соглашения, в их деятельности было однако одно очень важное отличие, вытекавшее из разницы

¹ См. в хрестоматии, под № 14, обращение чехов к императору Фердинанду по поводу майской революции в Вене.

в классовом строении обоих государств. В то время как прусское Национальное собрание, состоявшее из дворян-землевладельцев и крупных буржуа, постаралось, как мы видели выше, возможно основательнее похоронить все представленные ему проекты аграрных реформ,— в австрийском рейхстаге не только крестьяне, но и помещики были заинтересованы в быстрейшем разрешении вопроса об отмене сохранившихся до этого времени феодальных пережитков. Ибо, если австрийское дворянство видело свое единственное спасение в союзе со славянскими национальностями империи, громадное большинство которых состояло из крестьян, то само собой разумеется, что неизбежной предпосылкой такого союза было предварительное удовлетворение, хотя бы и частичное, наиболее насущных требований этих крестьян. Вот почему одним из первых мероприятий рейхстага была отмена сохранившихся до этого времени феодальных повинностей. Хотя эта отмена была произведена не бесплатно, а за выкуп, все же и эта куца реформа означала частичное удовлетворение основного требования крестьянства. Она имела своим следствием отказ крестьянства от революции и даже (в славянских областях) его переход на сторону контр-революции. Таким образом, если в Пруссии отход крестьянства от революции был обусловлен стихийным прекращением исполнения крестьянами большинства лежавших на них феодальных повинностей и предательским поведением крупной буржуазии в отношении своего основного и естественного союзника, то в Австрии произведенная рейхстагом реформа в связи с национальными особенностями этой страны неизбежно приводила к тому же самому результату, чреватому самыми печальными последствиями для конечной судьбы революции.

Другим важным мероприятием австрийского рейхстага была принятая им резолюция, просившая императора Фердинанда возвратиться в покинутую им в мае столицу. Последовавшее вскоре затем исполнение этой просьбы означало по существу ликвидацию майских завоеваний и возврат к домайскому положению вещей, но лишь в гораздо ухудшенных (в связи с выяснившимся к этому времени союзом императорского правительства со славянами) формах. Таким образом австрийский рейхстаг, созыва которого с таким нетерпением ожидал отказавшийся ради него от власти, рожденный на майских барикадах Комитет безопасности, открывал дорогу победному шествию контр-революции. В Вене, как и в Берлине и Франкфурте, контр-революция была не за горами.

Глава VIII.

Революция на распутии.

Начало реакции в Пруссии. Революция 18 марта лишь очень не надолго испугала реакционное дворянство Пруссии и отстранила его от руководства правительственной деятельностью. Уже в конце марта, т. е. одновременно с образованием „мартовского“ министерства Кампгаузена, при дворе Фридриха-Вильгельма IV создается как бы второе неофициальное министерство, состоящее из наиболее отъявленных реакционеров, и это второе правительство фон-Герлаха, Радовица и других пользуется у короля отнюдь не меньшим доверием, чем официальное министерство Кампгаузена. К концу июня это второе правительство, действовавшее до сих пор лишь за кулисами, выступает полуоткрыто и предлагает королю различные планы контр-революции. Реакционное юнкерство в ожидании будущих событий почти открыто концентрирует свои силы. В наиболее экономически отсталых областях страны дворянство в это время прилагает все усилия для привлечения на свою сторону кулацких элементов деревни, что, при известной уже нам крестьянской политике Национального собрания, осуществить было особенно трудно. Вместе с тем прусское офицерство, почти сплошь состоявшее из дворян, пользуясь предательским поведением буржуазии в отношении крестьянства, обрабатывает в желательном ему духе одетых в солдатские мундиры крестьян и обеспечивает таким образом поддержку армией грядущего контр-революционного переворота.

Буржуазия и рабочие в Пруссии. Впрочем главная опасность, грозящая революции, заключалась не столько в консолидации дворянско-реакционных элементов, сколько в прогрессирувавшем с каждым днем усилении контр-революционного настроения крупной буржуазии. Толчком к такой эволюции этого класса служили как продолжавшееся и развивавшееся вмешательство в ход событий со стороны революционной демократии вообще, так и обострение экономической борьбы рабочего класса в особенности.

В течение мая и июня выступления берлинской демократии значительно усилились. 14 мая произошла чрезвычайно многолюдная мирная демонстрация, направленная против министерства Кампгаузена (толпа даже ворвалась в дом этого министра) и шедшая под лозунгом протеста

против возвращения принца Прусского. 4 июня на могилах жертв 18 марта происходила манифестация, в которой, по сведениям газет, участвовало от одной четверти до двух третей всего населения Берлина. И, наконец, 14 июня берлинская демократия, обеспокоенная слухами о готовящейся контр-революции, напала на арсенал и разобрала находившееся там оружие. При этом буржуазная национальная гвардия стреляла в народ, и только случайная уступчивость офицера, командовавшего воинской частью, занимавшей арсенал, спасла в этот день население Берлина от колоссального расстрела и предотвратила превращение этого дня в первый день открытой контр-революции. Единственной наградой, полученной этим офицером за его уступчивость, был приговор к многолетнему тюремному заключению.

Выступления берлинской демократии, угрожавшие власти вполне наладившегося к этому времени буржуазно-бюрократического блока и, главное, препятствовавшие установлению „порядка“, необходимого буржуазии для урегулирования нарушенных революцией коммерческих сношений, обострили и без того явно наступавший поворот этого класса в сторону реакции. К этому же самому вело и развитие рабочего движения.

Среди буржуазных кругов Пруссии организация в Берлине общественных работ для безработных вызвала крайнее негодование, и уже в мае месяце правительство Кампгаузена, которое лишь испуг перед рабочими заставил пойти на эту меру, ограничивает общественные работы, устраняя от них иногородних и заменяя поденную плату сдельной. Ответом на это явилась манифестация 8000 рабочих 29 мая, в результате которой правительство обещало дать работу трем тысячам безработных, а когда обещание это было выполнено лишь частично—произошла новая манифестация, добившаяся на этот раз своей цели. Ясно, что уже все эти события должны были сильно раздражать буржуазию, но еще важнее были относящиеся к этому же времени первые попытки создания самостоятельной классовой организации германского пролетариата.

„Уже 19 апреля 1848 года в Берлине составился Центральный комитет рабочих, во главе которого стоял книгопечатник Стефан Борн, принадлежавший к Союзу коммунистов¹ и поддерживавший дружеские отношения с Марксом и Энгельсом. Этот Центральный комитет развернул энергичную агитацию и с 1 июня начал издавать по три

¹ О Союзе коммунистов — см. ниже, в гл. XII.

раза в неделю собственную газету «Народ», которая обещала поддержку буржуазии в борьбе против всех исторически реакционных сил, как она обещала поддержку мелким буржуа и рабочим в борьбе против капитала, и всегда, раз дело шло о том, чтобы завоевать для народных масс новые политические права, намерена была идти в первых рядах.

„После того как эта газета, редактируемая Борном, подготовила почву, Центральный комитет созвал в Берлине рабочий съезд, который открылся 23 августа и привлек 40 участников, являвшихся представителями 35 рабочих организаций Берлина, Бреславля, Гамбурга, Лейпцига, Кенигсберга, Мюнхена и других крупных городов. В порядок дня этого конгресса было поставлено: обеспечение работы государством, государственная поддержка ассоциаций промышленных рабочих, государственное попечение обо всех беспомощных и инвалидных рабочих, ограничение чрезмерного рабочего времени, реформа налоговой системы в интересах трудящихся классов, уничтожение всех налогов на средства существования, народная школа с бесплатным обучением, бесплатное судопроизводство и учреждение в отдельных государствах Германии министерств труда, которые должны замещаться по свободному избранию трудящихся классов.

„Все эти вопросы обсуждались в девятидневных прениях, в которых обнаружилась еще довольно значительная путаница мнений. Но теоретические постановления были не столь важны, как организационный устав, выработанный для рабочих конгрессом: широкая система местных и окружных комитетов, возглавляемая Центральным комитетом, который был перенесен в Лейпциг и уполномочен издавать газету союза, которая появилась под названием «Братство», как назывался и новый союз, и попрежнему редактировалась Борном. Центральный комитет должен был находиться под контролем и подвергаться переизбранию на общем собрании всех германских рабочих, которое должно происходить по меньшей мере один раз в год.

„Этот союз распространился по значительной части Германии, чему в особенности способствовал ряд окружных конгрессов, происходивших в Альтенбурге, Лейпциге, Гамбурге, Гейдельберге, Нюрнберге и других местах. Во всех политических кризисах революционных годов он держался с полным достоинством, хотя его социальные стремления не отличались достаточной выдержанностью. Тем не менее, орган союза постоянно оказывал большое содействие тому, чтобы пробудить и обнажить классовое

сознание рабочих, между прочим и таким способом, что он активно поддерживал стачечную борьбу рабочих“ (Франц Меринг, История Германии с конца средних веков).

Совершенно ясно, что все эти события могли только обострить реакционное настроение крупной буржуазии, и результатом этой эволюции явилось падение кабинета Кампгаузена и его замена министерством Ауэрсвальда и Ганземана.

Поворот крупной буржуазии в сторону реакции.

„Министерство Кампгаузена разрешило свою задачу—задачу посредничества и перехода. Оно явилось посредником между буржуазией, поднявшейся на плечах народа, и буржуазией, уже не нуждавшейся в плечах народа; между буржуазией, якобы защищавшей народ против короля, и буржуазией, действительно защищавшей корону против народа; между буржуазией, которая отщепилась от революции, и буржуазией, которая была уже вылущена как ядро революции.

„Соответственно своей роли, министерство Кампгаузена в своей девичьей стыдливости ограничивалось пассивным сопротивлением революции. Правда, оно не отвергло революцию в теории, но на практике оно только противилось ее требованиям и допускало только реконструирование старых государственных властей.

„Между тем буржуазия решила, что она уже достигла того пункта, где пассивное сопротивление должно перейти в активное наступление. Министерство Кампгаузена ушло в отставку не потому, что оно допустило ту или иную ошибку, а просто потому, что оно было первым министерством после мартовской революции, потому что оно было министерством мартовской революции и в виду своего происхождения должно было еще скрывать представителя буржуазии под видом народного диктатора. Это его двойственное происхождение и двусмысленный характер еще возлагали на него по отношению к суверенному народу известные условности, сдержанность и осторожность, которые были в тягость буржуазии и с которыми уже не нужно было считаться второму министерству, вышедшему непосредственно из собрания соглашателей“ (К. Маркс, статья в „Новой рейнской газете“ 15 декабря 1848 года).

Министерство Ауэрсвальда-Ганземана оказалось однако не более долговечным, чем министерство Кампгаузена. После столкновения, происшедшего между ним и Национальным собранием, оно 11 сентября уступило место кабинету генерала Пфуля. Еще после отставки Кампгаузена, Маркс в статье, напечатанной в номере „Новой рейнской

газеты“ от 22 июня отметил, что „его (Кампгаузена.—Я. Э.) действительным наследником является министерство Прусского принца“, т. е. главного сторонника дворянской контр-революции. Министерство Пфуля вполне соответствовало этому определению. При всей формально-лояльной позиции, занятой Пфулем в отношении Национального собрания, уже в первые дни его министерства к Берлину было стянуто до 50000 солдат. Главнокомандующим в Бранденбургской провинции (в состав которой входила столица) был назначен знаменитый реакционер генерал Врангель. Прибыв в Берлин в середине сентября, новый главнокомандующий, восторженно встреченный как местной „национальной“ гвардией, так и всей вообще берлинской буржуазией, не считал нужным скрывать смысла своего назначения. Он торжественно заявил, что его задача— „защищать свободу против анархии“. Затем генерал Врангель продолжал: „В каком печальном состоянии вижу я вновь Берлин! Улицы поросли травой, дома обезлюдели, лавки полны товаров, но нет покупателей. Трудолюбивые граждане не находят работы, не имеют заработка; ремесленники впадают в нищету. Этому надо положить конец; анархия должна прекратиться, я обещаю вам это; Врангель еще никогда не нарушал своего слова“.

Начало реакции в Австрии. Если таким образом недовольство берлинской демократии половинчатой политикой Национального собрания и в особенности рост классового рабочего движения толкнули прусскую буржуазию на открытую поддержку контр-революционных заявлений Врангеля, то совершенно аналогичные события происходили и в Вене. Мы видели выше, что и там, подобно Берлину, промышленный кризис 1847 года, до крайности обостренный революцией, привел к необычайному росту безработицы и заставил напуганное рабочим движением правительство организовать общественные работы для безработных. Результатом этого (подобно тому, как это в то же самое время происходило в Париже и в Берлине) был необычайный наплыв в Вену безработных из провинции, и скоро число одних только рабочих, занятых на земляных работах, дошло до 50000 человек. Сопреженные с этим расходы донельзя озлобляли буржуазию; к тому же следует иметь в виду, что относительно сносная заработная плата, установленная вначале на общественных работах, имела своим естественным следствием поступление на эти работы не только безработных, но даже и рабочих, занятых на частных предприятиях, соблазненных более высокой заработной платой. Ясно, что такое поло-

жение вещей долго продолжаться не могло. Уже в начале лета венское правительство принимает первые меры, направленные против общественных работ, а именно снимает с них иногородних и запрещает прием туда всех рабочих, оставивших своих прежних хозяев „без достаточных к тому оснований“. Когда же эти меры вызвали понятное недовольство рабочих и дело чуть было не дошло до вооруженного столкновения, предупрежденного лишь соглашательским поведением Комитета безопасности, который, как ему и подобало, играл во всем этом деле самую двусмысленную роль,—австрийская крупная буржуазия решила положить предел своему долготерпению. 22 августа министр труда Шварцер издал распоряжение, сокращавшее заработную плату занятых на общественных работах рабочих на 5 крейцеров в день (до этого мужчины получали 25 крейцеров, а женщины и подростки — 18). Когда рабочие ответили на это внушительной манифестацией, национальная гвардия поспешила доказать свою преданность буржуазии. Произошло столкновение, во время которого рабочие потеряли до 20 убитых и 200 раненых. При этом важно отметить, что связанная с этим событием реакция захватила не только крупную, но равным образом и мелкую буржуазию, доселе, как мы видели, поддерживавшую рабочих, и следствием августовских событий было самораспускание Комитета безопасности и значительное ослабление влияния академического легиона.

Таким образом и в Вене, как и в Берлине, крупная буржуазия вполне подготовилась к тому, чтобы перейти в лагерь контр-революции и броситься в объятия дворянской реакции, этого только и ожидавшей. Но в Австрии помимо этого был еще один могущественный рычаг контр-революции, важности которого ни в коем случае нельзя преуменьшать,—сложный переплет национальных и классовых взаимоотношений, о значении которого мы неоднократно говорили. В частности мы видели выше, каким образом ко времени созыва рейхстага окончательно сформировался блок между славянами и правительством императора Фердинанда. Первой жертвой этого союза, по мысли его организаторов, должна была явиться Венгрия, „революционное“ правительство которой преследовало славянские меньшинства страны и тем заслужило их жгучую ненависть.

Венгерские дворяне-самостийники, в результате мартовской революции в Вене получившие весьма значительную самостоятельность и собственное министерство, ответственное перед венгерским сеймом, использовали свою свободу прежде всего в том отношении, что уничтожили

в своей стране остатки феодализма и тем самым привлекли на свою сторону крестьянство. Затем, хорошо понимая, что австрийское правительство, отнюдь не желавшее примириться с фактическим отложением Венгрии, для открытого нападения на нее ждет только оформления своего союза со славянами и окончания итальянской войны, — венгерский сейм 24 июля принимает закон, ассигновавший правительству 42 миллиона гульденов и разрешавший ему вооружить 200 000 человек. Это являлось открытым вызовом венскому правительству, и последнее недолго оставалось в долгу.

9 августа итальянская война была закончена полной победой австрийцев. 31 числа того же месяца императорское правительство издало „памятную записку“, требовавшую подчинения Венгрии „требованиям всей монархии“. Отправленная венгерским сеймом делегация к императору аудиенции не удостоилась, а 11 сентября кроатский бан Елачич, на которого венское правительство решило поставить главную ставку, во главе своих войск перешел венгерскую границу, открыто угрожая самостоятельности королевства. Одновременно с этим славянское большинство австрийского рейхстага отказалось принять посланную в Вену делегацию венгерского сейма. Таким образом оно явно солидаризировалось с политикой императорского правительства. Наступление контр-революции началось.

Франкфуртский парламент и реакция. В то время как в Пруссии контр-революция открыто готовилась к переходу в наступление, а в Австрии наступление это уже стало совершившимся фактом, Франкфуртский парламент также не отставал от общего тона происходивших вокруг него событий. Не особенно торопясь выходить из охватившей его конституционной летаргии и ради отклика на низменные факты практической жизни прервать свои дебаты по поводу высоких материй — декларации прав и конституции, франкфуртское собрание все же не преминуло отклонить сделанное ему предложение об амнистии участникам апрельского восстания в Бадене. Точно так же, при первой же угрозе прусского правительства, собрание 16 сентября взяло обратно свое опрометчивое постановление от 5 сентября, возражавшее против перемирия, заключенного между Пруссией и Данией (между которыми перед этим велась война из-за Шлезвига и Гольштинии). Когда же это позорное поведение учредилки вызвало 18 сентября восстание франкфуртских рабочих и мелкой буржуазии, подавленное имперским правительством при помощи австрийских и прусских войск, Франкфуртский

парламент от пассивного сопротивления революции перешел к активной поддержке контр-революции: в принятом им постановлении он благодарил войска за подавление восстания. Кроме того, собрание не возражало против введения во Франкфурте осадного положения. Наконец, отклонив предложение властей о немедленном аресте членов учредилки, участвовавших в восстании 18 сентября, оно одобрило вместе с тем предание их суду по обвинению в государственной измене. Таким образом Франкфуртский парламент был достойным сподвижником начавшейся по всей Германии реакции. Поддержав при ее зарождении дворянско-буржуазную контр-революцию, он сам себе приготовил ту могилу, в которую эта контр-революция должна была вскоре его опустить.

Глава IX.

Октябрьская революция в Вене.

Восстания в южной и западной Германии.

В главе VI, посвященной апрельскому восстанию в Бадене и майским событиям в Вене, мы имели случай выяснить, каким образом соглашение, заключенное в самом начале революции между крупной буржуазией и представителями старой государственной власти, имело своим результатом революционное выступление мелкой буржуазии экономически отсталых южно-германских государств. Тем более понятно, что, когда соглашательское поведение крупной буржуазии сменилось ее открытым переходом на сторону контр-революции, мелкая буржуазия (по крайней мере там, где она была сильна и не была, как напр. в Пруссии, такой же реакционной, как и сама крупная буржуазия) не смогла остаться спокойной. Она неизбежно должна была попытаться взять на себя ту задачу борьбы с дворянской реакцией, от которой крупная буржуазия так позорно уклонялась. Следствием такого настроения мелкой буржуазии явились сентябрьские восстания в южной и западной Германии и октябрьская революция в Вене.

20 сентября, всего лишь через два дня после восстания во Франкфурте, началось волнение среди мелкой буржуазии пограничного со Швейцарией баденского городка Дерраха. Уже известный нам Густав Струве, живший в это время в качестве эмигранта в Базеле (в нескольких

километрах от Лерраха), перешел с горсточкой товарищей границу, чтобы стать во главе начавшегося движения¹.

Второе баденское восстание, еще более лишенное поддержки широких народных масс, чем первое, окончилось таким же полным и быстрым разгромом. Разница заключалась лишь в его несравненно более трагическом финале: около 800 пленных повстанцев, попавших в руки разъяренных правительственных войск, были ими расстреляны без суда.

Почти одновременно с баденским восстанием произошли столь же безуспешные попытки революции в Вюртемберге и в области верхнего Неккара. В центре Рейнской области—Кёльне полученные из Берлина известия о контрреволюционных угрозах Врангеля имели своим следствием выступления 25 сентября, закончившиеся введением осадного положения и закрытием ряда газет. Была, между прочим, закрыта и редактировавшаяся Марксом „Новая рейнская газета“, и только 4 октября, когда осадное положение было снято, газета эта получила возможность снова выходить.

Октябрьская революция в Вене.

Несравненно важнее были события, происшедшие в эти же дни в Вене. Ближайшим поводом для них была вооруженная борьба, начатая венским правительством против революционной Венгрии. Дело в том, что ответом венгерского сейма на нападение Елачича был отказ в признании назначенного императором генерала Ламберга в качестве главнокомандующего венгерскими войсками. Когда этот генерал все же осмелился явиться в Венгрию, он был 28 сентября растерзан возмущенным народом Будапешта. В этот же самый день венгерский сейм избрал временное правительство во главе с Кошутом, которому вместе с тем присваивалась диктаторская власть. Ответ венского правительства не замедлил последовать: императорский манифест 4 октября распускал венгерский сейм и назначал главнокомандующим всеми вооруженными силами Венгрии генерала Елачича. На следующий день, 5 октября, находившиеся в Вене австро-немецкие полки получили приказание отправиться на его поддержку.

Начавшееся таким образом наступление венского правительства против венгерской революции, за которым должно было, в случае его удачи, неминуемо последовать такое же наступление против революции австрийской, имело своим результатом крутой поворот в настроении

¹ См. в хрест., под № 15, постановления, изданные 21 сентября Струве в качестве главы „Временного правительства Германской республики“.

мелкой буржуазии. Если раньше, в августе, развитие рабочего движения толкнуло мелкую буржуазию вправо, вследствие чего она безразлично созерцала разгром крупной буржуазией рабочей демонстрации 23 августа и пошла даже, как мы видели, на роспуск своих собственных организаций, то теперь положение вещей изменилось быстро и решительно. С другой стороны, недовольство венских рабочих посыпавшимися на них со стороны буржуазии жестокими репрессиями создавало в городе весьма ощутительную революционную ситуацию. Мелкой буржуазии было легко, возобновив свой союз с пролетариатом, поднять его на вооруженное восстание против готовившегося к расправе с революцией правительства. Толчком к восстанию послужило известие об отправке венского гарнизона на усиление армии Елачича. Рано утром 6 октября Вена, по примеру мартовских и майских дней, покрылась барикадами. Вооруженные рабочие двинулись из предместий к центру города. К утру следующего дня Вена была в руках восставших. Император, вечером 6 октября обещавший перепуганному рейхстагу составить новое „дружественное народу“ министерство, предпочел повторить свой майский опыт: в сопровождении своего двора с максимальной поспешностью он „отбыл“ в Ольмюц, чтобы укрыться там под крылышко реакционного славянского населения, приглашавшего его в свое лоно еще после восстания 15 мая. Таким образом в точности повторилась майская ситуация. Но и на этот раз, как и тогда, поведение венской мелкой буржуазии свело на-нет все завоевания революции 6 октября.

Венская октябрьская революция, так же как оба майские восстания, была результатом союза между рабочими предместий и городской мелкой буржуазией, недовольной соглашательским поведением крупной буржуазии и стремившейся довести революцию гораздо дальше, нежели было желательно этой последней. Но, если еще только зарождавшийся венский рабочий класс того времени был типичным „классом в себе“ и, как таковой, во всем (за исключением узкоэкономических вопросов, в отношении которых он выставлял, как мы видели, и свои собственные требования) следовал за мелкой буржуазией, то и эта последняя, лишенная руководства какой-либо партии¹, в полном соответствии со своей

¹ Следует иметь в виду, что в Австрии, где классовые противоречия до революции были сравнительно мало обострены и где продолжавшийся много десятилетий режим Меттерниха одинаково подавлял все без исключения проявления общественного духа, — не было вообще никаких политических партий и образование таковых относится ко времени гораздо более позднему чем революция 1848 г.

классовой сущностью¹ была меньше всего способна руководить революцией. Своим соглашательским поведением весной и летом 1848 года она уже успела ликвидировать все завоевания обоих майских восстаний. То же самое произошло и теперь. Победившая 6 октября при поддержке пролетариата мелкая буржуазия Вены, не подумав даже о захвате освободившейся, благодаря бегству правительства, власти в свои руки, спокойно передала ее оставшемуся в столице рейхстагу. Правда, благодаря тому, что наиболее реакционные депутаты покинули Вену вместе с правительством, октябрьский рейхстаг не был уже ярко реакционным рейхстагом прежнего времени. Но даже и теперь, при господстве его „левой“ части, рейхстаг меньше всего готовился к вооруженной борьбе с правительством и мечтал лишь о соглашении с бежавшим императором.

Правительство между тем самым деятельным образом готовилось к походу на Вену. Не без основания рассчитывая на поддержку крупной буржуазии, вслед за правительством покинувшей Вену и мечтавшей возвратиться туда в качестве триумфатора, и уже удовлетворенного крестьянства, которому император особым манифестом² гарантировал сохранение всех полученных им в результате революции завоеваний, правительство стягивало свои вооруженные силы. Уже 11 октября произошло соединение покинувших Вену войск Ауэрсперга с армией Елачича. Когда же эти войска влились в армию Виндишгреца, назначенного главнокомандующим всеми вооруженными силами правительства, последнее сочло себя достаточно подготовленным и в начале 20-х чисел октября начало наступление на Вену.

Что же касается венцев, то их подготовка к борьбе вряд ли вообще заслуживает этого названия. Ни избранный после 6 октября командующим национальной гвардией бывший лейтенант поэт Мессенгаузер, ни тем более рейхстаг не подумали о наступлении на покинувшего Вену Ауэрсперга, разбить деморализованные войска которого в первые дни после 6 октября никакой трудности не представляло³. В дальнейшем венские вожди также ровно ничего не предприняли для того, чтобы маломальски укрепить обороноспособность столицы как в чисто

¹ См. по этому поводу прим. на стр. 57.

² См. в хрестоматии, под № 16, манифесты, изданные императором после бегства из Вены.

³ Нельзя по этому поводу не отметить сходства в истории октябрьской революции в Вене и Парижской коммуны 1871 года, еще более усиливаемого аналогией в деле с бавком, о чем речь будет ниже.

стратегическом, так и в общеполитическом смысле. Поэтому Маркс в статье в „Новой рейнской газете“ от 6 ноября 1848 г. с полным основанием утверждал, что „предательство всякого рода подготовило падение Вены. Вся история рейхстага и общинного совета после 6 октября есть непрерывная история предательства“. В самом деле, рейхстаг не только не подумал о том, чтобы наложить руку на богатства оставшегося в столице государственного банка, что крайне бы затруднило положение ольмюцкого правительства, но вообще все время говорил лишь о „моральной“ борьбе. Даже 20 октября, когда правительство перешло уже против Вены в открытое наступление, рейхстаг продолжал умолять императора отозвать войска и назначить новое министерство, „дружественное народу“. С другой стороны, Мессенгаузер решительно ничего не делал для усиления обороноспособности национальной гвардии. Единственный находившийся в ее рядах энергичный человек и революционер — польский офицер-эмигрант Бем — не мог, конечно, один пересилить окружавший его со всех сторон саботаж. Но самым большим предательством со стороны рейхстага и венского коммунального совета было отклонение вооруженной помощи, предложенной им 10 октября венгерским сеймом. Этот поступок оказался чреватым самыми печальными последствиями не только для самих венцев, но и для венгров. Впрочем идея союза с венцами встречала значительное сопротивление и среди некоторой части венгерских правителей. Лишь после категорического отказа Виндишгреца разговаривать с мадьярскими властями, которых он квалифицировал как бунтовщиков, венгерские войска 28 октября двинулись на Вену. Но было уже слишком поздно.

20 октября Виндишгрец объявил Вену на осадном положении, а 22-го император Фердинанд в изданном им декрете распускал рейхстаг и приглашал его возобновить свои заседания лишь через месяц, 22 ноября, но уже не в Вене, а в небольшом городке Кремзире. В ответ на это рейхстаг не придумал ничего лучшего, как провозгласить действия Виндишгреца „враждебными правам народа“ и обратиться к императору с адресом, умолявшим его отменить декрет 22 октября.

Таково было состояние Вены к моменту решительного наступления армии Виндишгреца. При создавшемся положении вещей дело могло кончиться лишь неизбежным поражением, причины которого с исчерпывающей полнотой выяснены в „Революции и контр-революции в Германии“ Фридриха Энгельса:

„... В Ольмюце двор оказался в гораздо лучших условиях, чем в Инсбруке. Он мог теперь предпринять поход непосредственно против революции. Его окружали здесь славянские депутаты Учредительного собрания, массами устремившиеся в Ольмюц, и славянские энтузиасты со всех концов Австрийской монархии. Кампания против Венгрии должна была, как им казалось, превратиться в войну за возрождение славянства и истребить мадьяр и немцев, захвативших славянскую территорию. Виндишгрец, покоритель Праги, ныне главнокомандующий собранной у Вены армией, сделался сразу героем славянской нации. Армия его усиливалась со всех сторон. Из Богемии, Моравии, Штирии, верхней Австрии и Италии шли полки за полками по направлению к Вене, чтобы присоединиться к армии Елачича и к прежнему гарнизону Вены. Таким образом к концу октября собралось 60 тысяч человек; скоро они начали со всех сторон блокаду Вены и были уже достаточно сильны, чтобы отважиться 30 октября на решительное нападение.

„А в Вене в это время царили замешательство и беспомощность. Буржуазией¹ после победы, одержанной ею с помощью пролетариата, вновь овладело недоверие к «анархистским» рабочим. Рабочие же, памятуя обращение с ними шесть недель тому назад со стороны вооруженных торгашей и вообще неустойчивую политику среднего класса, не хотели доверить защиту города этим элементам и требовали для себя оружия и военной организации. Академический легион горячо порывался в бой против императорского деспотизма, но был совершенно неспособен понять сущность взаимного между обоими классами отчуждения; не мог он постичь также того, чего собственно требует данное положение вещей. Полная путаница господствовала как в народных массах, так и в руководящих кругах. Оставшиеся немецкие депутаты сейма и пара славян (за исключением некоторых революционных польских депутатов), занимавшаяся шпионством для своих друзей в Ольмюце, заседали непрерывно. Но вместо энергичных действий они теряли время в бесплодных дебатах о том, можно ли сопротивляться императорской армии, не нарушая конституционных форм. «Комитет безопасности», состоявший из депутатов почти всех популярных организаций Вены, хотя и решил оказать сопротивление, но покорился под влиянием большинства

¹ Под „буржуазией“ Энгельс подразумевает здесь мелкую и отчасти среднюю буржуазию, но никак не крупную, с самого же начала занявшую в отношении революции 6 октября резко враждебную позицию.

горбжан и мелких торговцев, которые не допускали решительных энергичных действий. Комитет академического легиона постановлял геройские резолюции, но никоим образом не в состоянии был принять на себя руководящую активную роль. Рабочие, встречая недоверие, без оружия, неорганизованные, едва выбравшиеся из болота духовного рабства старого режима и еле пробудившись не к сознанию, а лишь к инстинктивному пониманию своего общественного положения и соответствующей их интересам политики, могли только шумными демонстрациями обратить на себя внимание. Нельзя было ожидать, что трудности исторического момента окажутся им по плечу. Но они были готовы, как везде во время революции в Германии, бороться до последнего издыхания, если только им дадут оружие.

„Так обстояли дела в Вене. Извне — организованная австрийская армия, упоенная победами Радецкого в Италии, насчитывающая от шестидесяти до семидесяти тысяч человек, хорошо вооруженных и хорошо организованных и, если не хорошо руководимых, то все же имеющих предводителей. Внутри — замешательство, классовые противоречия, распад; национальная гвардия, часть которой вообще решила не воевать, другая часть колебалась и лишь самая меньшая часть была готова действовать. Затем пролетарская масса, могучая численно, но без вождей, без всякого политического образования; одинаково легко поддающаяся паническому страху и так же легко и почти без всякого повода взрывающаяся ярости; жертва всякого распространившегося ложного слуха; вполне готовая воевать, но не вооруженная, по крайней мере вначале; недостаточно вооруженная и едва организованная и тогда, когда ее наконец повели в бой. Беспомощный сейм, споривший о волосах, когда над головой висел уже меч; наконец, руководящий комитет без воодушевления и энергии... Едва ли можно было сомневаться в исходе борьбы“.

Взятие Вены Виндишгрецем.

28 октября Виндишгрец начал бомбардировку Вены и, несмотря на героическую борьбу вооруженных рабочих или, вернее, именно благодаря ей, Мессенгаузер и венский коммунальный совет решили начать переговоры о сдаче. С другой стороны, оставшаяся в городе крупная буржуазия стала с величайшей энергией наседать на коммунальный совет, требуя безусловной капитуляции. По состоявшемуся соглашению войска Виндишгреца должны были вступить в Вену 30 октября, когда утром этого дня по городу неожиданно распространился слух о приближении спасителей — венгров. Под влиянием этого известия прерванная оборона

была снова возобновлена, но, когда к вечеру того же дня венгры были разбиты и отошли за Лейту, судьба Вены была окончательно решена. Не взирая на уговоры венских властей, во главе с Мессенгаузером настаивавших на капитуляции, революционные части национальной гвардии и вооруженные рабочие продолжали оборону, героически защищая все подступы к городу. В ответ на это сопротивление, Виндишгрец в 3 часа дня 31 октября открыл безжалостную бомбардировку. Последствия огня были столь ужасны, что уже в 5 часов вечера кроатские войска ворвались внутрь городских стен и еще через несколько часов восторженно приветствуемая крупной буржуазией ¹ армия Виндишгреца сделалась полным хозяином Вены, снова ставшей столицей „его апостолического величества“ императора Фердинанда. Революция кончилась, контр-революция началась.

За захватом Вены, как водится, последовало усмирение „мятежников“. По официальным правительственным данным, наверняка преуменьшенным, за все время осады погибло от пяти до шести тысяч человек. Нет никакого сомнения, что значительная часть этих жертв падает на долю казненных без суда в первые дни после восстановления власти „законного“ правительства. Кроме того, начали функционировать военные суды. В числе их многочисленных жертв находился, между прочим, депутат Франкфуртского парламента Роберт Блюм, приехавший в Вену еще 17 октября и сыгравший довольно видную роль в происходивших там в это время событиях. Уцелевшие после всего этого инсургенты были насильно мобилизованы и влиты в императорские войска, сражавшиеся в Венгрии. Академический легион и национальная гвардия были распущены. Так кончилась венская октябрьская революция, представлявшая собой высшую ступень, достигнуую в течение всей германской революции 1848 года. Подобно тому как мартовская революция в Вене послужила решающим толчком к событиям 18 марта в Берлине, так и грохот венской бомбардировки 31 октября должен был послужить знаком к наступлению контр-революции в Пруссии, а за нею и во всех прочих германских государствах.

¹ См. в хрестоматии, под № 17, текст обращения венской буржуазии Виндишгрецу.

Глава X.

Контр-революция.

Контр-революция в Пруссии.

Подготовка контр-революционного переворота в Пруссии совершенно явно обозначилась еще в середине сентября. Последовавшие за этим недели были временем, когда прусские контр-революционные элементы делали последние приготовления, необходимые для предстоящего выступления, и для осуществления его ждали лишь наиболее удобного повода. В начале октября фон-Герлах и другие представители придворной камарильи входят в сношения с находившимся в то время в Бреславле одним из наиболее видных вождей контр-революционной клики — графом Бранденбургом (внебрачным сыном короля Фридриха-Вильгельма II) и получают его согласие занять должность премьер-министра будущего кабинета государственного переворота. А принятые в октябре Национальным собранием, наконец приступившим к обсуждению конституции, постановления об отмене дворянства и упразднении в титуле короля слов „божьей милостью“ могли только укрепить придворные круги в их контр-революционных намерениях.

С другой стороны, и крупная буржуазия, уже в середине сентября приветствовавшая контр-революционные угрозы Врангеля, к началу ноября еще более укрепилась в своих реакционных настроениях, чему не в малой степени содействовало происшедшее 16 октября вооруженное столкновение между национальной гвардией и рабочими, закончившееся расстрелом последних. К тому же правительство, стремившееся склонить на свою сторону рабочих, разрыв коих с буржуазией сделался к этому времени совершенно очевидным, выработало законопроект, запрещающий расплату с рабочими товарами, и следствием этого явилось значительное ослабление в крупно-буржуазных кругах доверия к переходному министерству генерала Пфуля.

Таким образом уже к концу октября все было готово для контр-революции. Естественным толчком, сдвинувшим с места нависший над пропастью камень, явилось известие о взятии Вены войсками Виндишгреца. 2 ноября в Национальное собрание, незадолго перед тем принявшее смехотворную резолюцию, поручавшую прусскому правительству добиться от центрального правительства Германии, чтобы „пострадавшая в Австрии народная свобода и рейхстаг,

угрожаемый в своем существовании, получили действительную и надежную защиту“, — явился генерал Пфуль и сообщил о своем выходе в отставку „вследствие слабости здоровья“. Одновременно с этим генерал Бранденбург заявил, что ему поручено образование нового министерства. Смысл этого события был до того ясен, что был понят даже далеко не отличавшимися особой проницательностью депутатами доблестного „согласительного“ собрания. По меткому выражению Маркса (в статье „Новой рейнской газеты“ от 11 ноября 1848 г.), „министерство Пфуля представляло собой «недоразумение»; его истинный смысл составляет министерство Бранденбурга. Министерство Пфуля представляло только указатель содержания, министерство Бранденбурга — это само содержание“. Национальное собрание, поняв это, нашло в себе силы, достаточные только для того, чтобы отправить к королю депутацию с просьбой об отставке Бранденбурга и назначении „дружественного народу“ министерства. Депутация эта была принята королем чрезвычайно враждебно (король напрямик отказался выслушать депутатов), а Национальное собрание, узнав об этом, молча проглотило преподнесенную ему горькую пилюлю. Боясь стать на путь „неконституционных“ методов, оно стало спокойно выжидать дальнейших событий. Выжидать пришлось недолго: уже 9 ноября, всего лишь через неделю, новое министерство сообщило собранию текст королевского послания, согласно коему заседания собрания прерывались до 27 ноября, с тем, чтобы быть возобновленными не в Берлине, где палата якобы постоянно находится под угрозой „анархистских“ выступлений, а в маленьком прусском городке Бранденбурге, где ничто уже не будет мешать спокойному ходу ее работ¹.

Что было делать собранию? Раздавшееся со стороны его левых скамей предложение арестовать Бранденбурга не могло, само собой разумеется, прийтись по душе большинству членов этой жалкой пародии на Учредительное собрание 1789 г. Единственное, чем собрание ограничилось, было платоническое постановление о незаконности правительственных действий и торжественное обещание не расходиться, что впрочем отнюдь не помешало депутатам сразу же разойтись по домам.

Заседание палаты возобновилось в 5 час. утра 10 ноября. Явившиеся в собрание представители национальной гвардии и рабочих обещали ему свою поддержку

¹ „Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге“ — так со свойственным ему остроумием и меткостью формулировал Маркс сущность королевского постановления 9 ноября.

в случае, если собрание решится на вооруженную борьбу с правительством. Но это, ясное дело, меньше всего входило в намерения „согласительной“ палаты, и, ограничившись провозглашением принципа „пассивного“ сопротивления, она дала генералу Врангелю возможность в тот же день беспрепятственно ввести в Берлин сконцентрированные им в окрестностях войска и тем заранее предрешить исход дальнейшей „моральной“ борьбы. Предпринятые Национальным собранием в течение ближайших дней попытки собираться в самых различных помещениях (ибо его собственное помещение было занято войсками) оканчивались лишь трагикомическими столкновениями с правительственными войсками. Принятое собранием 16 ноября постановление, гласившее, что „министерство Бранденбурга не в праве взимать налоги до тех пор, пока палата поставлена в невозможность беспрепятственно продолжать свои занятия в Берлине“, так и осталось на бумаге и почти никаких последствий не имело.

Между тем в Берлине 12 ноября было объявлено осадное положение. Национальная гвардия была разоружена, демократические газеты закрыты, клубы и собрания распущены, и, после того как всякая опасность сопротивления правительству была таким образом ликвидирована, у этого последнего не могло быть никаких оснований церемониться со ставшим никому уже ненужным Национальным собранием. Это было тем более просто, что собравшаяся 27 ноября в Бранденбурге „палата соглашения“ в течение целой недели не могла никак сконструироваться. Жалкие потуги импотентных представителей прусской буржуазии были прерваны королевским указом 5 декабря, распускавшим Национальное собрание и октроировавшим стране конституцию, согласно которой вводилась двухпалатная система и гарантировались все обычные буржуазные „свободы“, причем за королем сохранялось однако право пересмотра этой конституции в любой момент, когда ему это заблагорассудится.

Оценивая эту конституцию, Маркс в статье в „Новой рейнской газете“ от 29 декабря писал:

„Действительная конституция Пруссии—осадное положение. Октроированная французская конституция содержала только один § 14, который ее отменял. Каждый из параграфов октроированной прусской конституции представляет § 14. Этой конституцией корона октроировала новые привилегии, а именно себе самой.

„Она предоставляет себе самой право распускать палаты *in indefinitum* (без срока). Она предоставляет

министрам право издавать в промежуточное время любые законы (в том числе о собственности и т. п.). Она предоставляет депутатам обжаловать эти действия министров, но с опасностью быть объявленными «внутренним врагом» при осадном положении. Она, наконец, предоставляет самой себе право, если весной акции контр-революции поднимутся, поставить на место этого витающего в воздухе «ключка бумаги» какую-нибудь христианско-германскую Magna charta, органически выросшую из средневековых сословных различий, или вообще положить конец конституционной игре. Даже в этом последнем случае консервативная часть буржуазии будет простирает руки и произносить слова молитвы: Господь дал, господь взял, да святится имя господне!

„Но нет сомнения, что... жизнеспособная часть буржуазии должна будет опять проснуться от своей апатии; порукою в этом служит прежде всего тот чудовищный счет, которым контр-революция ошеломит ее весной, а ведь, как разумно сказал Ганзема́н¹: «Господа! В денежных делах нет места никаким сантиментам»“.

Прогноз Маркса оказался совершенно правильным. Если наиболее реакционная часть крупной буржуазии, испуганная „ужасами“ революции, с восторгом приняла государственный переворот Врангеля и Бранденбурга, то ее относительно более либеральная часть, не говоря уже о буржуазии средней и мелкой, отнеслась к делу совершенно иначе. Дворянская контр-революция 9 ноября — 5 декабря означала ликвидацию значительной части завоеваний 18 марта, и большинство буржуазии с этим примириться не могло. Поэтому неудивительно, что избранная на основе октроированной конституции нижняя палата, приняв самую конституцию, отвергла пункт о ее пересмотре и потребовала снятия осадного положения в Берлине. В ответ на это палата была распущена королевским указом 27 апреля 1849 года.

Контр-революция в Австрии. В Австрии контр-революция совершилась еще проще, чем в Пруссии. После разгрома венской революции, главным врагом правительства 18-летнего императора Франца-Иосифа, 2 декабря сменившего отрекшегося от престола Фердинанда, была революционная Венгрия. Ясно, что все усилия нового австрийского министерства Шварценбурга были направлены на борьбу с этой последней. В результате этих усилий 5 января 1849 г. армия Виндиш-

¹ В одном из заседаний Соединенного ландтага.

греца вступила в Будапешт. Победа, одержанная венским правительством над венграми, развязывала ему руки для окончательной ликвидации австрийской революции. Рейхстаг, начиная с 22 ноября влачивший в Кремзире самое жалкое существование, был без всяких осложнений разогнан 6 марта 1849 г., а октроированная императором за два дня до этого конституция устанавливала для всей империи строгую централизацию властей и предусматривала двухпалатную систему, причем верхняя палата являлась чисто аристократической, а нижняя избиралась на основе очень высокого избирательного ценза.

Но победа австрийского правительства далеко еще не была окончательной. Правительство Кошута, покинув Будапешт, еще отнюдь не считало себя побежденным, а невероятные зверства, учиненные армией Виндишгреца в захваченных ею областях, могли только толкнуть мадьяр на самое решительное сопротивление австрийцам. С другой стороны, крестьянство, освобожденное венгерскими помещиками от крепостного права и хорошо понимавшее, что победа Вены не сулит ему ровно ничего хорошего, энергично поддерживало правительство Кошута. В результате всех этих обстоятельств мадьярскому вождю удалось укрепиться и даже нанести австрийцам ряд решительных поражений. 14 апреля венгерский сейм провозгласил Венгрию республикой под временным управлением Кошута. Правительство Франца-Иосифа, не видя другого исхода, решило обратиться за помощью к „европейскому жандарму“—Николаю I. На основании заключенного обоими императорами 2 мая соглашения, подкрепленного личным свиданием в Варшаве, русская армия под командой Паскевича вторглась в пределы Венгрии. 13 августа того же года венгерская армия при Вилагоше была вынуждена капитулировать перед значительно превосходящими силами объединенных русско-австрийских войск.

Вопрос об имперской конституции.

Но что же делал в это время Франкфуртский парламент и каким образом реагировал он и созданная им „центральная власть“ на происходившую в различных частях Германии контр-революцию, неизбежно грозившую в самом корне подорвать то дело объединения страны, ради одного только которого этот парламент и был созван?

„Когда началось восстание в Вене, в Национальном собрании поднят был ряд интерпелляций, предложений и контр-предложений, которые, конечно, ни к чему не привели. Понадобилось вмешательство центральной власти. Она отправила в Вену двух своих комиссаров—экс-либералов

Велькера и Мосля. Похождения Дон-Кихота и Санчо-Пансо — это материал для одиссеи в сравнении с героическими подвигами и чудесными приключениями этих двух странствующих рыцарей германского единства. Так как они не отважились отправиться в Вену, то Виндишгрец обругал их, полоумный император изумлялся им, а министр Стадион самым бесстыдным образом их высмеял. Их телеграммы и доклады представляют собой, пожалуй, единственную часть франкфуртских протоколов, которая займет известное место в немецкой литературе: это настоящий сатирический роман и вечный памятник позора франкфуртского Национального собрания и правительства“ (Энгельс, Рев. и контр.-рев. в Германии).

Когда же Франкфуртский парламент узнал о расстреле Роберта Блюма, он разразился по этому поводу следующей резолюцией, могущей явиться одним из лучших мировых памятников парламентского кретинизма¹:

„Национальное собрание торжественно указывает на совершенное перед глазами всей Германии с нарушением имперского закона от 30 октября сего года² задержание и убийство депутата Роберта Блюма и предлагает имперскому министерству принять самые решительные меры к наказанию непосредственных и косвенных виновников преступления“.

Аналогичным же образом повело себя франкфуртское собрание и в отношении переворота 9 ноября в Пруссии, предложив прусскому правительству отменить, как незаконный, свой приказ о перенесении места заседаний палаты в Бранденбург. Впрочем справедливость требует отметить, что постановление самой палаты об отказе во взимании налогов было также признано Франкфуртским парламентом незаконным.

„Итак, в течение двух месяцев вполне обнаружилось полное бессилие франкфуртского Национального собрания.“

¹ Энгельс в своей „Революции и контр-революции в Германии“ со свойственной ему яркостью выражений определяет парламентский кретинизм как недуг, „преисполняющий свои несчастные жертвы величавым убеждением, будто весь мир, вся мировая история и вся будущность мира зависят от большинства голосов в том особенном представительном учреждении, которое имеет честь считать их своими членами, и что все происходящее вне стен парламента — войны, революции, постройки железных дорог, колонизация земель новых континентов, калифорнские золотые прииски, каналы Центральной Америки, русская армия и вообще все, что имеет некоторые основания претендовать на известное влияние на судьбы человечества, — все это ничто в сравнении с неизмеримыми событиями, зависящими от тех вопросов, которые — каковы бы они ни были — в данный момент занимают внимание «высокой палаты»“.

² О неприкосновенности депутатов.

Нельзя было резко доказать, что учреждение это не годится для своей задачи или, вернее, что оно не имеет ни малейшего представления, в чем заключается его действительная задача. Уже тот факт, что судьба революции в Вене и Берлине была решена и что в обеих этих столицах важнейшие и существеннейшие вопросы разрешались королевским правительством, вовсе не справляясь с мнениями франкфуртского собрания, — уже этот один факт достаточно красноречиво показывает, что собрание во Франкфурте было простым клубом для прений; он состоял из левоверных простаков, служивших парламентскими марионетками в руках правительств, которые пользовались ими к удовольствию мещан мелких государств и мелких городов до тех пор, пока правительства считали выгодным развлекать этих господ“ (Энгельс, Рев. и контр.-рев. в Германии).

Между тем Франкфуртский парламент, свято блюдя принципы законности и, в силу усвоенного им понимания своих полномочий, не вмешиваясь в действия прусских и австрийских властей иначе, как в форме торжественных резолюций и протестов, приступил 19 декабря к разрешению своей задачи — рассмотрению проекта общегерманской конституции. Но, лишь только началось обсуждение основных пунктов будущего государственного устройства объединенной Германии, сразу же выяснилась наличность колоссальных трудностей, разрешить которые было во всяком случае не по плечу убудочной франкфуртской говорильне. Образовавшиеся в парламенте великогерманская (т.-е. хотевшая объединения всей Германии, включая сюда и Австрию) и малогерманская (стремившаяся к объединению без Австрии) партии вступили между собой в отчаянную грызню. В то же время правительства отдельных государств дали Национальному собранию самым недвусмысленным образом понять, что последнее слово по вопросу об объединении будет принадлежать им, правительствам, а вовсе не Франкфуртскому парламенту. Когда же император Франц-Иосиф в своем манифесте 4 марта октроировал Австрии уже известную нам конституцию, рассматривавшую Австрию, как независящую от остальной Германии империю, то все карты Франкфуртского парламента оказались окончательно спутанными. „Манифест этот, — говорит Энгельс в своей „Революции и контр-революции в Германии“, — был издан вопреки положениям и статьям будущей имперской конституции, уже принятым франкфуртским собранием. Это было перчаткой, брошенной австрийским правительством, и бедное собрание, не имея другого выхода, должно

было поднять ее. Оно это сделало, не пожалев высокопарных фраз, к которым Австрия, в сознании своей силы и полной ничтожности собрания, могла отнестись совершенно спокойно и равнодушно. И это драгоценное «представительство немецкого народа», как Франкфуртский парламент сам себя величал, не нашло лучшего средства отомстить австрийскому правительству за свой позор, как, дав связать себя по рукам и ногам, припасть к стопам прусского правительства».

28 марта 1849 г. Франкфуртский парламент принял окончательный текст имперской конституции, устанавливавшей для объединенной Германии конституционно-монархическую систему управления с наследственным императором во главе. Законодательная власть, согласно конституции 28 марта, вручалась двум палатам: „палате государств“, состоявшейся из представителей, назначаемых правительствами и палатами отдельных государств, и „народной палате“, в состав которой должны были входить депутаты, избираемые на основе системы всеобщего избирательного права. При этом функции центральных германских властей ограничивались лишь делами, имеющими общегосударственное значение. К числу их были отнесены: война и мир, войско, монета, общее законодательство в области уголовного, гражданского и торгового права и т. д. Одновременно с принятием конституции 28 марта состоялись и выборы императора, причем большинством 290 голосов из 538 голосующих при 248 воздержавшихся императором был избран прусский король Фридрих-Вильгельм IV.

Но надежды Франкфуртского парламента на то, что избрание прусского короля германским императором обеспечит ему поддержку Пруссии и тем самым укрепит его пошатнувшееся после контр-революции в обоих крупнейших государствах Германии положение, оказались построенными на песке. Если Фридрих-Вильгельм IV и мечтал об императорской короне, то во всяком случае лишь о такой, которая была бы ему преподнесена не парламентом, а монархами отдельных германских государств¹. Поэтому согласие его на предложение Франкфуртского парламента было заранее исключено. В ответ на торжественные слова явившейся к нему 3 апреля депутации Национального собрания, прусский король напрямик заявил, что согласие

¹ См. в хрестоматии, под № 18, отрывок из письма Фридриха-Вильгельма IV к его другу Бунзену от 13 декабря 1848 г., в котором в исключительно яркой форме выражен его взгляд по данному вопросу.

его на принятие императорского титула обуславливается предварительным одобрением конституции 28 марта правительствами всех германских государств ¹. Это было равносильно отказу, ибо, если 14 апреля правительства 29 мелких германских государств и выразили свое одобрение выработанной Национальным собранием конституции, то, с другой стороны, Австрия, Бавария, Саксония и Ганновер (в последних двух государствах палаты высказались за конституцию, за что и были распущены, равно как и прусская вторая палата, распущенная 27 апреля) заявили о своем решительном отказе признать злосчастное детище Франкфуртской учредилки. За этим последовало заявление Фридриха-Вильгельма IV от 28 апреля, в котором он, категорически отказываясь от императорской короны, в самых резких выражениях критиковал конституцию 28 марта за ее чересчур, по его мнению, демократический характер. Таким образом к 1-му мая 1849 г. результаты деятельности Франкфуртского парламента оказывались столь же плачевными, как и судьба прусской и австрийской революций.

Глава XI.

Майские восстания 1849 г. и конец Франкфуртского парламента.

Предпосылки майских восстаний.

Неудача выработанной Франкфуртским собранием общеимперской конституции означала не что иное, как полное крушение сделанной этим парламентом попытки разрешения вопроса об объединении Германии, т. е. самого основного вопроса всей революции. Если крупная буржуазия Пруссии и Австрии, частично удовлетворенная полученными ею более чем скромными приобретениями и, главное, напуганная имевшими место во время событий 1848 г. выступлениями широких народных масс, жаждала лишь „порядка“ и ради его достижения была готова пожертвовать всем остальным, то в средних и мелких германских государствах положение было значительно иным. В этих государствах не было таких грандиозных выступлений

¹ См. в хрестоматии, под № 19, текст речей, которыми 3 апреля обменялись глава Франкфуртской делегации Симсон и король Фридрих-Вильгельм IV.

демократии, как в Пруссии и особенно в Австрии, и крупная буржуазия была там поэтому гораздо менее напугана. С другой стороны, именно буржуазия второстепенных германских государств острее всего чувствовала потребность в объединении страны. Поэтому неудача общегерманской конституции имела своим следствием значительный поворот налево в настроении крупной буржуазии этих государств. Это, при наблюдавшейся там значительной слабости реакционно-дворянских элементов, несравненно менее влиятельных, чем в Австрии или Пруссии, создавало весной 1849 г. относительно благоприятную обстановку для возможности взрыва новых революционных бурь. Далее, мы уже говорили о значительно большей революционности мелкой буржуазии средних и мелких государств (а также и Австрии), по сравнению хотя бы с мелкой буржуазией Пруссии. Это также содействовало тому, что во многих местностях южной и западной Германии весной 1849 г. создалась определенно революционная ситуация. Наконец немалое значение в создании этой ситуации играл и рабочий класс. По меткому замечанию Энгельса, он не мог не выступить „при всяком революционном движении, от которого мог ожидать, что оно или устранил некоторые препятствия на пути к его политическому господству и социальной революции, или же по меньшей мере направит, более влиятельные, но менее смелые классы общества на более решительный и более революционный путь“.

Но, если таким образом, в результате изложенных обстоятельств, во многих частях Германии к весне 1849 г. положение вещей складывалось более или менее благоприятно для возможности новых революционных вспышек, то, с другой стороны, у различных участвующих в движении классов были совершенно различные цели. Разница эта не могла не сказаться немедленно после хотя бы временной победы этой новой революционной волны. Если для крупной буржуазии целью всего движения являлось осуществление выработанного Франкфуртским парламентом проекта общегерманской конституции, то для мелкой буржуазии и тем более для рабочих борьба за эту совершенно их не удовлетворявшую конституцию являлась лишь средством для разжигания нового революционного пожара. Дрезденский рабочий союз, требуя в начале мая 1849 г. осуществления конституции 28 марта, вместе с тем открыто заявлял, что „она оставляет еще для будущего много работы над материальным благосостоянием народа“. Эта мысль может служить вполне точной иллюстрацией для выяснения тех настроений, с которыми рабочий класс Германии вы-

ступил весной 1849 г. на поддержку борьбы за имперскую конституцию. То же самое, хотя и с некоторыми вариантами¹, можно сказать и о мелкой буржуазии.

Первым очагом революционного движения весны 1849 г. явился Дрезден, один из крупнейших городов Германии того времени.

Саксонская палата высказалась за принятие конституции 28 марта, за что она и была распущена королем, не желавшим и слышать об этом. Одновременно с этим вышло в отставку либерально-буржуазное министерство Гельда-Бейста. Сменившее его реакционное министерство Чшинского сразу же вызвало недовольство всех классов населения, не исключая и крупной буржуазии. Начались многочисленные собрания и манифестации, требовавшие принятия выработанной во Франкфурте конституции. В движении этом приняли участие не только дрезденский рабочий класс и республиканская мелкая буржуазия, но равным образом и крупнобуржуазный муниципалитет и гражданское ополчение.

Дрезденская революция 3 мая произошла точно так же, как и все германские революции того времени: сначала мирные манифестации, потом правительственные войска открывают огонь по безоружной толпе, которая разбегается, чтобы вскоре уступить место наспех вооружившимся рабочим и мелким буржуа. В ночь с 3-го на 4-е мая Дрезден был покрыт целой сетью барикад, а утром 4-го король и его правительство покинули Дрезден, чтобы вернуться туда во главе спешно вызванных на помощь саксонских и прусских войск.

Если таким образом начало дрезденского восстания было как две капли воды похоже на начало всех восстаний того времени и в частности на начало венских революций мая и октября 1848 года, то и его дальнейшее развитие ничем существенным не отличалось от уже известного нам хода майской и октябрьской революций в Вене. В то время как дрезденские рабочие, руководимые между прочим русским эмигрантом Бакуниным с героическим самоотвержением сражались на баррикадах не только против правительственных войск, но сплошь и рядом и против занимавших крайне неопределенную позицию отрядов национальной гвардии, — образовавшееся утром 4 мая мелкобуржуазное временное правительство Гейбнера-Чирнера

¹ Если целью рабочего класса было улучшение его экономического положения, то мелкая буржуазия, сражаясь за конституцию, имела в виду в дальнейшем преобразовать ее в республиканском духе.

не только ничего не сделало для обороны революции, но и поспешило заключить перемирие с ожидавшими подкреплений королевскими войсками. Тщетно потратив драгоценные часы 5 мая на переговоры с бежавшим из Дрездена „законным“ правительством, затягивавшим переговоры в ожидании вооруженной помощи Пруссии, временное правительство и коммунальная администрация Дрездена уже днем 6 мая оказались поставленными лицом к лицу с возобновившимся наступлением правительственных войск, усиленных значительными прусскими отрядами, и с этого момента судьба дрезденской революции была решена. После двухдневных ожесточенных боев на баррикадах, еще раз показавших, на какое геройство способен рабочий класс, даже лишенный вождей, действительно заслуживающих этого названия,—Дрезден к утру 9 мая был в руках правительственных войск, и революция была подавлена. Попытка части инсургентов, вечером 8 мая вышедших из Дрездена по направлению к Фрейбергу, перенести борьбу в провинцию окончилась полной неудачей, и большинство бежавших из Дрездена революционеров уже очень скоро попало в руки правительства. Приговоренный к смерти, но затем помилованный и выданный Австрии Бакунин был передан австрийским правительством в руки Николая I, заточившего его в крепость; такие же каторжные приговоры получили и другие вожди. Нет надобности добавлять, что подавление дрезденского восстания сопровождалось обычными ужасами контр-революции: издевательствами над пленными, расстрелами без суда и т. д. Для характеристики действий победившей прусско-саксонской солдатчины достаточно сказать, что в числе убитых без суда оказался даже офицер австрийской службы принц Шварцбург-Рудольфштадтский!

Одновременно с Дрезденом произошло восстание в Бреславле. Хотя там дело также дошло до баррикадных боев, город все время оставался во власти правительственных войск, вследствие чего события приняли несравненно менее крутой оборот, чем в Дрездене. Тем не менее Бреславль все же был объявлен на осадном положении, и это позволило правительственным властям прибегнуть ко всем обычным в таких случаях репрессиям.

Восстания в Рейн-
ской области. Несравненно важнее были события, происшедшие в это же время в рейнской Пруссии, этой наиболее экономически развитой части тогдашней Германии. Здесь толчком к движению, на-ряду с недовольством всех классов населения отказом прусского правительства принять консти-

туцию 28 марта, послужило еще распоряжение властей о созыве земского ополчения, что, принимая во внимание состояние мира, явным образом противоречило прусской конституции. 8 мая в Кёльне собрался конгресс депутатов рейнских общинных советов, в громадном большинстве принадлежавших к крупной буржуазии. В принятой им резолюции¹ он потребовал принятия конституции, отмены приказа о созыве земского ополчения и отставки министерства Бранденбурга-Мантейфеля. Когда же прусское правительство в ответ на это ввело в Рейнскую область значительные воинские отряды, в Эльберфельде произошло восстание, в результате которого войскам пришлось выйти из города. За Эльберфельдом последовали Дюссельдорф, Золинген, Реймшейд, Гаген и другие города Рейнской провинции. Хотя часть этих восстаний была сразу же подавлена, все же очень скоро вся область оказалась охвачена огнем. Но и здесь, как всюду, поведение руководившей движением мелкой буржуазии свело на-нет все первоначальные успехи восстания.

Для выяснения положения различных классов в рейнском движении 1849 г. мы воспользуемся описанием хода событий в Эльберфельде, данным Энгельсом (принимавшим в этом движении личное и весьма заметное участие) в его написанной вскоре после этих событий статье „Германская кампания за имперскую конституцию“.

„... Мелкая буржуазия, благодаря образованному в первый же момент Комитету безопасности, захватила руководящую роль в событиях. Едва она этого достигла, как уже испугалась собственной власти, при всей ее незначительности. Ее первым делом было добиться своей легитимации со стороны городского совета, т. е. крупной буржуазии, и в благодарность за эту любезность городского совета она приняла пять его членов в Комитет безопасности. Расширенный таким образом Комитет безопасности немедленно отклонил от себя все опасные дела, передав заботу о внешней безопасности военной комиссии, над которой он сохранял контроль, имевший своей целью умерять и тормозить. Обеспеченные таким образом от всякого соприкосновения с восстанием, укрепившись на легальной почве при помощи самих отцов города, перепуганные мелкие буржуа Комитета безопасности могли ограничиться тем, что успокаивали население, занимались текущими делами, разъясняли «недоразумения», колебались, оттягивали дело и мешали всякому энергичному действию под

¹ Текст этой резолюции см. в хрестоматии под № 20.

тем предлогом, что необходимо сперва подождать ответа на депутации, отправленные в Берлин и Франкфурт. Остальная мелкая буржуазия не отставала, конечно, от Комитета безопасности, призывала повсюду к спокойствию, по возможности мешала всякому дальнейшему проведению мер обороны и вооружения и никак не могла определить степень своего участия в восстании...

„В первую минуту борьбы крупная буржуазия была поражена как громом. Ее испуганному воображению рисовались поджоги, грабежи, убийства и прочие неведомые ужасы. Учреждение Комитета безопасности, большинство которого составляли городские советники, адвокаты, государственные прокуроры, солидные люди, неожиданно дало ей гарантию жизни и собственности и потому преисполнило ее более чем фанатическим восхищением. Те же крупные купцы, владельцы красилен, фабриканты, которые раньше кричали, что господа Карл Геккер, Риотте, Гехстер и т. п. — кровожадные террористы, теперь массами устремились в ратушу, с лихорадочным жаром бросились обнимать этих мнимых кровопийц и выложили тысячи талеров на стол Комитета безопасности... Вообще же большая часть крупной буржуазии постаралась перебраться возможно скорее вместе со своими чадами и домочадцами в Дюссельдорф под охрану осадного положения, и только меньшая и более смелая часть осталась, чтобы всеми силами защищать свою собственность...

„Пролетариат, единый в момент борьбы, раскололся, как только обнаружилось колебания в Комитете безопасности и среди мелкой буржуазии. Ремесленники, настоящие фабричные рабочие, часть ткачей шелка стояли решительно за движение, но они, составлявшие ядро пролетариата, не имели почти никакого оружия. Красильщики, здоровые, хорошо оплачиваемые, неразвитые и потому реакционные... уже в первые дни проявили полнейшее равнодушие; они одни из всех промышленных рабочих не прерывали своей работы в дни барикад. Наконец люмпен-пролетариат здесь, как повсюду, обнаружил на второй же день движения свою продажность: утром он требовал от Комитета безопасности оружия и жалованья, а после обеда продался крупной буржуазии для того, чтобы защищать ее дома и разрушать к вечеру барикады. В целом люмпен-пролетарии стояли на стороне буржуазии, которая лучше всего оплачивала их и на деньги которой они во время движения весело проводили свои дни“.

При таком соотношении сил эльберфельдское восстание неизбежно должно было окончиться полным поражением.

Единственный подлинно-революционный элемент всего движения — рабочие, как только они раскусили сущность поведения руководившей ими мелкой буржуазии, решили покинуть город, чтобы попытаться перенести революцию в другое место. Части их действительно удалось пробраться в Пфальц, где в это время также происходило восстание. После этого эльберфельдская мелкая буржуазия, покорная приказу своих крупнобуржуазных хозяев, которым в достаточной степени успели надоесть все пережитые за последние дни треволения, разобрала баррикады и без всякого сопротивления впустила в город подошедшие к этому времени прусские войска. То же самое произошло в Гагене и Золингене, и только в Изерлоне имела место попытка обороны, раздавленная впрочем прусскими войсками уже через два часа после ее начала.

Баденско-пфальцкое восстание.

Несравненно грандиознее по своим размерам, чем восстания в Дрездене и рейнской Пруссии, было начавшееся также в первых числах мая революционное движение в юго-западной Германии, уже ранее, как мы видели, представлявшей один из главных очагов возбуждения. Движение началось с Пфальца, где 1 и 2 мая имели место многолюдные митинги, прошедшие под лозунгом борьбы за имперскую конституцию. Когда же баварское правительство отвергло все предъявленные ему требования, собранное наспех народное представительство объявило об отложении Пфальца от Баварии и избрало временное правительство, составленное впрочем из довольно-таки умеренных элементов. При этом пфальцкое восстание, деятели которого больше всего заботились о сохранении легальности, с самого же начала носило совершенно мирный и очень умеренный характер. Если затем ход вещей принял несколько иной оборот, то причиной тому были события в соседнем с Пфальцем Бадене.

Второе баденское восстание, несмотря на его позорную неудачу, все же не могло до конца скомпрометировать среди местного населения влияние демократической партии. К началу 1849 г. на территории этого государства имелось свыше 400 „народных союзов“, являвшихся мощным проводником демократической пропаганды. В связи с общими майскими событиями, в Оффенбурге 12 мая собрался конгресс представителей этих союзов, постановивший потребовать от баденского великого герцога, еще до этого признавшего конституцию 28 марта, отставки непопулярного среди населения министерства Бекка, общей политической амнистии и созыва Учредительного собрания. Когда же эти требования были отклонены, происшедший 13 мая

в том же Оффенбурге 35-тысячный митинг, подогретый к тому же известием о происшедшем в союзной крепости Раштатте победоносном восстании местного гарнизона, принял представленную ему видным вождем местных демократов Геггом программу. „Эта программа, — говорит в своей „Германской революции“ Блос, — шла дальше всех других программ, выставленных буржуазной демократией в 1848 и 1849 годах. Она требовала проведения имперской конституции, ухода министерства Бекка и образования нового министерства, порученного гражданам Брентано и Петеру; созыва Учредительного собрания, «которое было бы носителем всей законодательной и исполнительной власти баденского народа»; народного вооружения на государственный счет; амнистии; уничтожения военного судопроизводства; свободного избрания офицеров; безвозмездного уничтожения всех повинностей, тяготеющих на земле; самостоятельности общин; суда присяжных; уничтожения бюрократической администрации; учреждения национального банка для промышленности, торговли и земледелия с целью защиты их против преобладания крупных капиталистов; уничтожения старой податной системы; введения вместо нее прогрессивного подоходного налога на-ряду с сохранением таможенных пошлин; учреждения национального пенсионного фонда для поддержки каждого гражданина страны, утратившего работоспособность“.

Между тем избранный на Оффенбургском конгрессе Областной комитет вступил в связь с восставшим Раштаттом и окончательно привлек этот город на сторону движения; то же самое произошло и во многих других пунктах страны. Одновременно с этим в Карлсруэ произошло восстание, вынудившее великого герцога к поспешному бегству. Когда вслед за этим почти вся баденская армия перешла на сторону народа, могло показаться, что полная победа восставших уже не за горами.

„В Бадене восстание началось в самых благоприятных условиях, в каких может только находиться восстание. Весь народ был единоклужен в ненависти к вероломному, двоедушному и жестокому в своих политических преследованиях правительству. Реакционные классы — дворянство, бюрократия и крупная буржуазия — были немногочисленны. Крупная буржуазия существует в Бадене вообще только в зачаточном состоянии. За исключением этих немногих дворян, чиновников и буржуа, за исключением лавочников Карлсруэ и Баден-Бадена, живущих подачками

от двора и богатых иностранцев, за исключением некоторых гейдельбергских профессоров, и полдюжины деревень под Карлсруэ, — вся страна безраздельно была на стороне движения. Армия, которую в других восстаниях приходилось еще побеждать, здесь более, чем где-либо, терпела притеснения со стороны своих аристократических офицеров, в продолжение года подвергалась обработке со стороны демократической партии и с недавнего времени, благодаря введению всеобщей воинской повинности, еще более пополнилась мятежными элементами; армия эта стала во главе движения и повела его даже дальше, чем хотели буржуазные вожди оффенбургского собрания. Именно армия превратила в Раштагте и Карлсруэ «движение» в восстание.

„Таким образом революционное правительство при своем вступлении в должность нашло готовую армию, хорошо снабженные арсеналы, вполне организованную государственную машину, полную государственную казну и почти единоклассное население. Далее оно нашло на левом берегу Рейна в Пфальце уже готовое восстание, которое прикрывало его левый фланг; в Рейнской области — восстание, хотя и сильно угрожаемое, но еще не побежденное; в Вюртемберге, Франконии, обеих Гессенских областях и в Нассау — всеобщее возмущение, даже среди армии, которое нуждалось только в искре для того, чтобы повторить баденское восстание во всей южной и средней Германии и предоставить в распоряжение правительства не менее 50 000—60 000 регулярных войск“ (Энгельс, Германская кампания за имперскую конституцию).

Но мелкая буржуазия не была бы мелкой буржуазией, если бы она смогла использовать все эти открытые перед баденским восстанием широчайшие возможности. Перебравшийся в Карлсруэ после тамошнего восстания Областной комитет вместо того, чтобы готовиться к наступлению на соседние области, — что одно только могло обеспечить победу революционного Бадена, — поспешил в лице своего главного деятеля Брентано сразу же заявить, что решил действовать только в защиту имперской конституции и порядка! При этом Брентано словом не обмолвился об уже известной нам оффенбургской программе, а оглашение ее неким Гофманом из Мангейма вызвало со стороны большинства Областного комитета довольно явное недовольство. 17 мая Областной комитет заключил договор о военном союзе между Баденом и Пфальцем. Но вместо того, чтобы использовать этот союз для немедленного наступления против имперского и прусского правительств, готовившихся к вооруженной интервенции в баденско-пфальцские дела, комитет предпочел

употребить свои силы для борьбы с явившимися в Баден представителями крайнего левого крыла германской общенности (Иоганн-Филипп Беккер, Вильгельм Либкнехт и др.). Только решительный протест революционной демократии Карлсруэ спас их от неминуемого ареста баденским „революционным“ Областным комитетом.

„Этот Областной комитет, состоявший почти исключительно из баденских обывателей, отличавшихся «твердыми принципами» и путанными головами, — из «чистых республиканцев», которые смертельно боялись республики и открепивались от всякой мало-мальски энергичной меры, — этот истинно-филистерский комитет находился, конечно, в полной зависимости от Брентано... Он выбрал исполнительный комитет, во главе которого опять-таки встал Брентано. Вскоре этот исполнительный комитет почти совсем заменил Областной комитет, которому он в лучшем случае давал на утверждение кредиты и соответствующие мероприятия; более или менее ненадежных членов большого комитета он разослал в округа или в армию с различными второстепенными миссиями. Наконец он совсем заменил Областной комитет «конституантою», избранной всецело под влиянием Брентано, а себя он превратил во «временное правительство», во главе которого, конечно, опять-таки встал господин Брентано...

„Господин Брентано был самым совершенным представителем баденской мелкой буржуазии. От массы мелких буржуа и прочих их представителей он отличался только тем, что был слишком проникателен для того, чтобы разделять все их иллюзии. Господин Брентано с первой минуты предавал баденское восстание, и именно по той причине, что он с первой минуты лучше понимал положение дел, чем какое-либо другое официальное лицо в Бадене, и принял те единственные меры, которые должны были сохранить господство за мелкой буржуазией и именно вследствие этого погубить все движение... Баденские мелкие буржуа были в массе своей такими же предателями, как Брентано; но одновременно они были обмануты, чего нельзя сказать о нем. Они предавали из трусости и дали себя обмануть из глупости...“ (Энгельс, Германская кампания за имперскую конституцию).

„Что касается военных мероприятий, то боевые операции никогда еще не производились более небрежно и глупо, чем это было под руководством главнокомандующего Зигеля, отставного лейтенанта регулярной армии. Все было в беспорядке; благоприятные случаи пропускались; ценные моменты терялись на придумывание колоссальных,

но неосуществимых планов, пока наконец талантливый поляк Мирославский не перенял команды. Он нашел армию дезорганизованной, разбитой, павшей духом, плохо вооруженной, стоящей против в четыре раза сильнее врага. Ничего кроме отчаянного риска ему не оставалось; он дал славную, но безуспешную битву при Ваггойзеле; совершил удачное отступление; дал последнее безнадежное сражение у стен Раштагга и сложил командование...

„Восстание вспыхнуло в мае 1849 года, а в середине июля оно было совершенно подавлено. Первая германская революция кончилась“¹ (Энгельс, Рев. и контр-рев. в Германии).

Что же делал в это время Франк-
Конец Франкфурт-фуртский парламент? Он попрежнему
ского парламента. страдал неизлечимой болезнью парла-
 ментского кретинизма: палец о палец не ударив для помощи борющимся за имперскую конституцию восстаниям, франкфуртская учредилка на отказ большинства германских правительств признать конституцию 28 марта ответила постановлением 26 апреля, провозглашавшим эту конституцию действующим законом и предлагавшим всем правительствам принять меры для ее проведения в жизнь. Вскоре после этого прусское правительство, возмущенное резолюцией Национального собрания, объявлявшей вступление прусских войск в Саксонию нарушением имперского мира, отозвало из парламента всех прусских депутатов. Эрцгерцог Иоанн сформировал новое — открыто реакционное министерство, образование которого собрание объявило оскорблением германского народного представительства. После этого собранию не осталось ничего другого, как выбирать между призывом к восстанию и капитуляцией, и нет надобности добавлять, что избрано было второе. Торжественным постановлением вверив осуществление конституции „прогрессирующей самодеятельности нации“, Франкфуртский парламент, надеясь на защиту признавшего конституцию 28 марта правительства Вюртемберга, 30 мая постановил перенести свои заседания в Штутгарт. Но надежды эти оказались лишенными всякого основания. Собравшиеся в Штутгарте 6 июня 105 членов Национального собрания (к этому времени из собрания удалились как его правые члены, послушавшиеся призывов своих правительств, так и крайние левые, сражавшиеся в Бадене, вследствие чего

¹ Умирение баденского восстания прусскими войсками сопровождалось обычными в таких случаях военными судами, расстрелами, каторжными приговорами и т. п. зверствами. См. по этому поводу в хрестоматии № 21.

собрание еще 24 мая решило понизить обязательный для действительности своих решений кворум до 100 членов) встретили там самый холодный прием со стороны правительства, ради этого жалкого охвостья вовсе не желавшего ссориться с Пруссией и Австрией. Поэтому попытки созданного Национальным собранием „имперского регентства“ в составе пяти членов побудить вюртембергские власти выступить на его поддержку, естественно, встретили самый решительный отпор. Когда же эрцгерцог Иоанн потребовал от вюртембергского правительства принятия решительных мер против остатков некогда славного „национального представительства Германии“, судьба последнего была окончательно решена. 18 июня охвостье Франкфуртского парламента было бесславно разогнано войсками штутгартского правительства.

„Так исчез германский парламент, и с ним первое и последнее создание германской революции. Созыв его послужил первым доказательством, что в Германии действительно была революция; и он существовал до тех пор, пока эта первая германская революция не пришла к концу. . . Усмирением восстания в юго-западной Германии и разгоном германского парламента эта революция и заканчивается“ (Энгельс, Рев. и контр.-рев. в Германии).

Глава XII.

Маркс и Энгельс в германской революции.

Очерк истории германской революции 1848 г. был бы не полон, если бы мы не остановились на роли, сыгранной в этой революции обоими основоположниками научного социализма. В предыдущих главах этой работы нам уже неоднократно приходилось цитировать отдельные места из сочинений Маркса и Энгельса, относящиеся к истории 1848 года; теперь же мы специально займемся изучением их роли в революции и выяснением их позиции по ряду вопросов, поставленных в порядок дня сложными перипетиями 1848—1849 годов.

Как известно, к началу 1848 г. Маркс и Энгельс были уже не только вполне сложившимися теоретиками пролетариата, но и его выдающимися организаторами. Уже в середине 1846 г. в Брюсселе, Париже

Маркс и Энгельс
накануне револю-
ции.

и Лондоне по инициативе Маркса были организованы корреспондентские комитеты. В их задачу входила коммунистическая пропаганда среди рабочих. На съезде этих комитетов, состоявшемся в Лондоне летом 1847 г. (Маркс на этом съезде не присутствовал, Энгельс же участвовал в нем в качестве представителя парижского комитета) было положено начало организации „Союза коммунистов“. Одновременно с этим было решено выработать проект коммунистического „исповедания веры“ (уже из этого названия видно, что значительная часть членов союза еще не отделилась от утопизма), и ко времени второго съезда Союза коммунистов, состоявшегося в Лондоне в конце ноября 1847 г., были составлены различные проекты такового. После жарких прений, продолжавшихся несколько дней, большинство членов съезда высказалось за представленные Марксом и лично им защищавшиеся тезисы. По принятому съездом предложению Энгельса, Марксу было поручено написать от имени союза „Манифест коммунистической партии“ (уже манифест, а не „исповедание веры“). Так возник знаменитый „Коммунистический манифест“, напечатанный во второй половине февраля 1848 года, т. е. всего лишь за несколько дней до февральской революции во Франции. В Германию первые экземпляры „Манифеста“ попали не раньше мая-июня, и поэтому о более или менее значительном влиянии этого величайшего произведения научного социализма на германскую революцию 1848 г. говорить не приходится.

Февральская революция застала Энгельса в Париже, а Маркса — в Брюсселе. Арестованный бельгийской полицией сразу же после получения известий о событиях во Франции, Маркс был почти тотчас же выпущен, но под условием немедленно покинуть пределы Бельгии. Французское временное правительство пригласило его во Францию, и Маркс прибыл туда уже в первых числах марта, т. е. как раз в дни начала революции в Германии.

В Париже в это время среди немецких эмигрантов царило сильное возбуждение. Французское временное правительство, стремясь отделаться от представлявших тяжелый балласт при тогдашней безработице немецких рабочих-эмигрантов, предложило им свою материальную помощь для организации вооруженного отряда, долженствовавшего с революционными целями вторгнуться на германскую территорию. Предложение это встретило горячий отклик среди части находившихся в Париже иностранных эмигрантов во главе с Бакуниным и Гервегом. Само собой разумеется, что Маркс, хорошо понимавший весь авантюризм подобного

проекта, высказался решительно против него. Но голос его не был услышан. Попытка Гервега и компании была осуществлена и кончилась позорной неудачей. Но вместе с тем Маркс и Энгельс, отговаривая немецких эмигрантов от вступления в батальон Гервега, всячески побуждали их возвращаться в Германию индивидуальным порядком, и таким образом уже в самом начале германской революции в Германию попало значительное число членов Союза коммунистов. Вскоре затем оба друга, хорошо понимая, как важно их присутствие в самом центре событий, также переехали в Германию и поселились в Кёльне, центре Рейнской области, наиболее передовой в экономическом отношении части тогдашней Германии.

Рабочее движение в Германии в 1848—1849 гг. Нам уже пришлось отметить (см. главу II) исключительную экономическую отсталость германского пролетариата 40-х годов, в это время еще только начинавшего складываться в самостоятельный класс. Этой экономической отсталости соответствовала отсталость политическая. Изучая требования, выставленные берлинскими рабочими на их собрании 26 марта, мы видели, что наряду с требованиями прогрессивными среди них было не мало и чисто реакционных. Эта печать реакционности характерна для многих выступлений германского рабочего класса 1848—1849 гг. Так например, образовавшаяся летом 1848 г. организация германских типографчиков требовала ограничения работы машины, „поскольку последняя, обогащая отдельных лиц, не приносит пользы всему обществу и не может даже предотвратить заграничной конкуренции“. В Любеке обработанные цеховыми мастерами рабочие протестовали против всеобщего избирательного права и требовали сословных выборов. Еще дальше пошел открывшийся во Франкфурте-на-Майне в июле 1848 г. конгресс ремесленных подмастерьев: требуя введения 10-часового рабочего дня и признания „права на труд“, он вместе с тем высказался против свободы промышленности и требовал обязательной цеховой организации, охранительных пошлин и ограничения браков!

При таком уровне тогдашнего германского пролетариата всякая недостаточно осторожная попытка создания самостоятельных рабочих организаций, выделяющих рабочих из общей массы революционной демократии, могла усилить реакционные настроения отсталой части рабочего класса и повести к самым нежелательным результатам. Особенно опасно было отвлечь рабочих от борьбы за политическую свободу и демократию: их достижение составляло в то время, само собой разумеется, основную задачу рабо-

чего класса. Было бы ошибочно увлекать их на путь узкой экономической борьбы, а между тем именно в таком духе действовал Стефан Борн, один из довольно видных членов Союза коммунистов. Ясно, что его попытка встретила со стороны Маркса и Энгельса самую суровую отповедь.

Стефан Борн, хотя и был членом Союза коммунистов, но ни в коей мере не проникся идеологией, выраженной основоположниками научного социализма в их „Коммунистическом манифесте“. Во всяком случае он стоял гораздо ближе к Луи Блану и Прудону, чем к Марксу и Энгельсу. По выражению Энгельса, Борн и его товарищи „занимались устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи“. Этот исключительно экономический уклон чрезвычайно ярко отражался уже в деятельности организованного Борном в Берлине летом 1848 г. „Центрального комитета рабочих“. Открывшийся в Берлине 23 августа и руководимый тем же Борном рабочий конгресс (в состав его входили 40 делегатов от рабочих, ремесленных и образовательных союзов всей Германии), совершенно игнорируя политическую борьбу, обратил все свое внимание на организацию производительных товариществ, „кредитного банка“ и тому подобных вещей, целиком заимствованных из программы Прудона и Луи Блана. То же самое можно сказать и о созданном конгрессом „Братстве рабочих“ и его Центральном комитете, главным деятелем которых был все тот же Стефан Борн. Это значило не только отвлекать рабочих от борьбы за политическую демократизацию Германии, но вместе с тем и грубейшим образом затемнять их классовое сознание, вкореняя в них веру в возможность постепенного достижения социализма посредством производительных товариществ и тому подобной дребедени. Неудивительно, что Маркс и Энгельс выступили самым решительным образом против действий Борна и его единомышленников.

Какова же была в это время программа Маркса и Энгельса? Программа и тактика Маркса и Энгельса в 1848 г. Уже в выпущенном в марте 1848 г. манифесте организованного Марксом еще в Париже¹ Центрального комитета Союза

¹ Тотчас же после февральской революции Центральный комитет Союза коммунистов, находившийся в то время в Лондоне, передал свои полномочия брюссельскому комитету, а этот последний, учитывая трудности работы при воцарившейся в это время в Бельгии крайней реакции, уполномочил Маркса образовать в Париже новый ЦК.

коммунистов¹ программой германской революции является борьба за осуществление в Германии начал абсолютной демократии. В основанной ими в Кёльне „Новой рейнской газете“ Маркс и Энгельс целиком стояли на почве этой платформы. Для более подробной характеристики деятельности этой газеты, приводим нижеследующий отрывок из книги Д. Б. Рязанова „Маркс и Энгельс“:

„Что же являлось центральным пунктом всей внутренней и внешней политики „Новой рейнской газеты“? Прежде чем я перейду к этому вопросу, я хочу указать вам, что у Маркса и Энгельса не было никакого другого опыта революции кроме опыта Великой французской революции. Маркс внимательнейшим образом изучал историю этой революции и старался выработать принципы тактики в эпоху будущей революции, которую он, в противоположность Прудону, предсказал совершенно верно. А что показывает нам опыт французской революции, чему он учит нас? Революция вспыхнула в 1789 году. Она представляла собой процесс длительный, который тянулся 10 лет — от 1789 до 1799 г., т. е. того года, когда Бонапарт совершил свой переворот. Опыт английской революции XVII столетия тоже говорил, что грядущая революция, вероятно, будет длительной. Революция начиналась всеобщей радостью, всеобщим торжеством, начиналась таким образом, что буржуазия становилась во главе всего угнетенного народа, свержала абсолютизм и только потом внутри этой торжествующей буржуазии развивалась борьба, и в процессе этой борьбы, этой более крайней революции, власть переходила от буржуазии ко все более крайним партиям. На протяжении трех лет велась эта борьба, и наконец власть попадает в руки якобинцев. Марксу, который изучал внимательно процесс организации такой политической партии как якобинцы, казалось, что в процессе длительного развития революции удастся организовать ту силу, которая в то же время сама будет организовываться в разгаре этих политических действий.

„Эта теоретическая предпосылка объясняет его ошибку. Он долго держался этого мнения, и нужен был ряд событий, чтобы заставить его отказаться от этой теоретической предпосылки. Первым ударом, который нанесен был революции на Западе, послужило июньское поражение парижского пролетариата. Оно сразу дало возможность реакции поднять голову в Пруссии и Австрии. А за Пруссией

✕ ✕ ¹ Текст этого манифеста см. в хрестоматии под № 22.

и Австрией находилась наша родная Россия с Николаем I, который с самого начала предложил помощь прусскому королю. Сначала от нее отказывались, поскольку речь шла о вооруженной силе, но деньги взяли. Николай I был тогда владельцем самого крупного золотого запаса. Деньги помогли прусскому правительству. Австрийскому, против которого восстала вся Венгрия, Николай предложил дать помощь батальонами. Это было принято.

„Новая рейнская газета» выдвинула тогда следующую тактику, опять-таки опираясь на опыт французской революции. Война с Россией является единственным средством спасения для западно-европейской революции, которая получила в первый раз сильный удар в спину вследствие поражения парижского пролетариата. История французской революции показывает нам, что как раз нападение коалиции на Францию дало толчок новому усилению революционного движения. Умеренные партии были сброшены со счетов. Во главе движения стали те партии, которые сумели наиболее энергично отразить это внешнее нападение. В результате нападения коалиции на Францию мы имеем провозглашение 10 августа 1792 г. республики. Маркс и Энгельс ожидали, что война реакции против новой революции приведет к тем же последствиям. Поэтому на страницах «Новой рейнской газеты» Россия подвергалась жестокой критике. На Россию всегда указывали как на силу, которая находится за австрийской и немецкой реакцией. В каждой статье доказывалось, что война против России есть единственный способ спасти революцию. Демократию стараются подготовить к этой войне как единственному исходу. Повторяю, что Маркс и Энгельс настаивали на том, что война с Россией даст лишний толчок и возбудит все революционные страсти в немецком народе. С этой точки зрения Маркс и Энгельс выступают в «Новой рейнской газете» в защиту каждого оппозиционного, революционного движения, которое возникает тогда против господствующего порядка. Они являются самыми страстными защитниками венгерской революции, они являются самыми страстными защитниками поляков, которые незадолго перед этим сделали новую попытку восстания. Они требуют восстановления независимой Польши, они требуют, чтобы Германия и Австрия отдали все свои польские провинции Польше и чтобы к этому присоединено было то, что забрала Россия. Они выступают в духе того же требования и, в целях объединения Германии в единую республику¹, требуют возвращения ей

¹ Выступая за объединение Германии, Маркс и Энгельс хорошо понимали все трудности этого дела. „Мы не выставляем утопического требования.

некоторых немецких областей Дании, хотя часть их они оставляют за Данией, поскольку они населены датчанами. Одним словом, везде они верны основному положению «Манифеста коммунистической партии» и поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего порядка.

„Нельзя однако скрыть, что в блестящих статьях Маркса и Энгельса из «Новой рейнской газеты» преобладает только политическая сторона. Это всегда критика политических актов буржуазии, политических актов бюрократии. Когда вы присматриваетесь к «Новой рейнской газете», вы видите, что она сравнительно мало, особенно в 1848 году, отводит места рабочему вопросу. В этом отношении интересно противопоставить орган Маркса органу Стефана Борна. Когда вы берете орган Борна, вы думаете, что вы имеете профессионально-кооперативную газету. Там уделяется наибольшее внимание рабочему вопросу. В «Новой рейнской газете» иначе. Она почти не затрагивает таких вопросов. Она подвергает жестокой критике декларацию основных прав германского народа. Она подвергает жестокой критике все законодательство, которое тогда создается в духе немецких национальных либералов. Она выступает решительным образом в защиту крестьян. Но очень редки статьи, посвященные требованиям рабочего класса. Обоснования этих требований вы будете тщетно искать в «Новой рейнской газете» приблизительно до конца 1848 года, настолько эта газета почти целиком поглощена основной политической задачей, т. е. разжиганием политических страстей, агитацией в пользу создания таких демократических революционных сил, которые бы одним ударом освободили Германию от всех остатков старого феодального строя, или, выражаясь нашим обычным термином, от всех остатков крепостничества.

„Но уже к концу 1848 года положение изменилось. Реакция, которая начала усиливаться после июньского по-

чтобы была а priori провозглашена единая неделимая Германская республика, но мы требуем от так называемой радикал-демократической партии, чтобы она не смешала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью. Германское единство, как и германская конституция, могут явиться лишь как результат движения, в котором к радикальному решению будут толкать столько же внутренние конфликты, сколько и война с Востоком. Окончательное конституирование не может быть декретировано; оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать. Поэтому дело идет вовсе не об осуществлении того или иного мнения, той или иной политической идеи: дело идет о проникновении в ход развития. Национальному собранию надо делать лишь ближайшие, практически осуществимые шаги“ (из статьи „новой рейнской Газеты“ от 6 июня 1848 г.).

ражения французского пролетариата, подняла еще больше свою голову в октябре 1848 года. Сигналом явилось поражение венского пролетариата. Оно дало толчок для поражения в Берлине. Прусское правительство вернуло себе храбрость: в декабре 1848 года оно разгоняет прусское Национальное собрание и навязывает выработанную им самим конституцию. И вот как раз в это время прусская буржуазия вместо того, чтобы оказать действительное сопротивление, заботится о том, чтобы создать соглашение между народом и королевским правительством.

„Маркс, наоборот, доказывал, что прусская королевская власть потерпела поражение в марте 1848 года и речи не может идти о каком бы то ни было соглашении с этой короной. Сам народ должен себе дать конституцию, не считаясь с королевской властью, и объявить Германию единой и нераздельной республикой. Но Национальное собрание, в котором преобладала либеральная и демократическая буржуазия, боялось окончательного разрыва с монархией и тянуло свою соглашательскую линию, пока не было разогнано.

„Марксу стало ясно, что никаких надежд даже на крайнюю часть немецкой буржуазии возлагать нельзя. Даже демократическая часть буржуазии, от которой можно было ожидать, что она создаст свободные политические условия для развития рабочего класса, оказалась неспособной к этой задаче¹.

„Марксу пришлось пережить это на собственном опыте. Надежды, которые он возлагал на прогрессивную буржуазию еще в Манифесте, хотя он уже и там ставил ряд предварительных условий для совместной работы с нею, не оправдались. И вот уже с осени 1848 г. Маркс,—и вместе с ним Энгельс,—меняет свою тактику и в самом Кёльне и на столбцах «Новой рейнской газеты»“.

Перемена позиции Маркса в самом Кёльне выразилась в том, что, если до сих пор он не входил в образованный местными радикальными деятелями Готшалком и Виллихом и насчитывавший до 7000 членов „Кёльнский рабочий союз“ и даже относился к его деятельности довольно критически, то начиная с весны 1849 г. он принимает активное участие в кёльнском рабочем движении и даже избирается председателем союза. Более

¹ См. в хрестоматии, под № 23, статьи Маркса из „Новой рейнской газеты“ от конца 1848 г., в которых отразилось его разочарование в революционности „демократической“ буржуазии.

того, несмотря на свое отрицательное отношение к личности Стефана Борна и к характеру руководимого им движения, Маркс совместно с другими вождями кёльнской рабочей организации публикует в конце апреля воззвание, приглашавшее все рабочие союзы Рейнско-вестфальской области собраться на областной конгресс для избрания депутатов на созываемый организацией Борна на июнь 1849 г. лейпцигский конгресс рабочих обществ всей Германии. Наступивший уже в мае (в связи с восстаниями того времени) острый и притом повсеместный взрыв реакции помешал осуществлению этого плана. Но сама наличность его чрезвычайно характерна для тактической позиции Маркса весной 1849 г.

Перемена тактической линии „Новой рейнской газеты“ выразилась в том, что, если до сих пор газета все свое внимание уделяла борьбе за демократию и полное завершение буржуазной революции, временно оставляя в стороне специфические интересы пролетариата, то в феврале 1849 г. „Новая рейнская газета“ печатает статьи Маркса о „наемном труде и капитале“ и предпосылает им введение, мотивировавшее прежнюю позицию газеты. Таким образом, пользуясь формулировкой Д. Б. Рязанова, можно сказать, что теперь „Маркс, не отказываясь от поддержки буржуазной демократии, не порывая и организационно с демократической партией, переносит центр тяжести своей работы в пролетарскую среду“. „Итак, — говорит по этому поводу В. И. Ленин („Две тактики социал-демократии в демократической революции“), — только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной газеты („Новая рейнская газета“ начала выходить 1 июня 1848 года), Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто «орган демократии», не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт, — чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения, — показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней¹ русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении и в политическом — государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нем. Этого не надо забывать при оценке многократных заявлений Маркса этой и не-

¹ Брошюра «Две тактики» была написана в 1905 г.

много позднейшей эпохи о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год, сделал практически этот вывод: до того мещанской, мелкобуржуазной была тогда вся атмосфера в Германии“.

Новая тактика Маркса и Энгельса смогла осуществляться ими на практике лишь очень недолго. Наступившая в середине мая (в связи с восстанием в Рейнской области) в Кёльне острая реакция имела своим следствием закрытие 19 мая „Новой рейнской газеты“ и высылку Маркса из Германии. Что касается Энгельса, то, приняв личное участие в эльберфельдском и баденском восстаниях, он после подавления последнего бежал в Швейцарию, а оттуда перебрался в Париж, где встретился с Марксом и другими членами Союза коммунистов. Но и во Франции, где в это время также торжествовала реакция, задержаться им удалось лишь очень недолго. Уже в начале 1850 г. большинство членов ЦК Союза коммунистов оказываются в Лондоне, откуда и издают свой знаменитый циркуляр¹, подытоживавший опыты 1848—1849 годов. Но этот период деятельности основоположников научного социализма выходит уже хронологически из пределов нашей темы.

Глава XIII.

Заключение.

Полемизируя в период подготовки первой русской революции с либеральным деятелем проф. П. Г. Виноградовым, В. И. Ленин между прочим писал:

„... Вот о чем думает больше всего русский буржуа: о неслыханных опасностях «пути» 1789 года! Буржуа не прочь от пути Германии в 1848 году, но «все усилия» он употребит для избежания пути Франции. Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься.

„В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведен до конца, а во втором — нет; в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции;

¹ См. в хрестоматии под № 24.

во втором случае прошел под руководством главным образом либеральных буржуа, ведших за собою на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию; во втором случае быстро привел к «успокоению» страны, т. е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра»; в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров» („Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа“).

Резюмируя сущность ленинской формулировки, можно сказать, что, если французская революция конца XVIII века представляет классический тип законченной буржуазной революции, то германская революция 1848 г. является столь же классическим образцом буржуазной революции незаконченной. Из всех многочисленных задач, стоявших перед революцией 1848 г. в Германии, осуществлена этой революцией была только одна, — да и то далеко не полностью, — уничтожение остатков феодализма в деревне. Все же остальные задачи буржуазного переустройства Германии остались в 1848 г. незавершенными и были разрешены (да и то далеко не полно) произведенной в 1866—1871 гг. Бисмарком „революцией сверху“, осуществившей то самое соглашение между старой властью и крупной буржуазией, к которому эта последняя стремилась в 1848 году. Таким образом лишь через два десятилетия после германской революции оказались изжитыми важнейшие из препятствий, мешавших окончательному превращению государств Центральной Европы в экономически-передовые страны буржуазно-капиталистического типа. Бисмарковская „революция сверху“ доделала то, что не было сделано „революцией снизу“ 1848 года.

В самом деле, не говоря уже о том, что в 1848 г. не была осуществлена основная задача, стоявшая перед Германией того времени — ее политическое объединение, — революция 1848 г. не дала даже буржуазии Пруссии и Австрии доступа к власти и политической свободы. В Австрии конституция 4 марта 1849 г. осталась на бумаге и в действие введена не была, а 31 декабря 1851 г. была и вовсе отменена. В Пруссии же октроированная конституция 1848 года была пересмотрена 31 января 1850 г. в сильно реакционном духе, отдававшим представительное учреждение страны — ландтаг — в полное распоряжение землевладельческого дворянства. Таким образом единственным

реальным результатом революции 1848 г. являлось частичное уничтожение аграрного феодализма. Это, само собой разумеется, еще отнюдь не разрешало всех многочисленных задач, стоявших в порядке дня буржуазного переустройства Германии и Австрии.

Какова же причина назавершенности буржуазной революции в Германии? Она заключается в том, что революция 1848 года не имела ни одной движущей силы, способной довести эту революцию до конца. Поскольку буржуазная революция в Германии происходила в эпоху капитализма не торгового (как французская революция 1789 г.), а промышленного, германская крупная буржуазия, опасаясь пролетариата, неизбежно должна была отказаться вследствие этого страха от осуществления своих собственных целей. Прусская буржуазия, нехотя приняв свою победу 18 марта, уже очень скоро перешла в лагерь контр-революции и ради „порядка“ пожертвовала всеми своими мартовскими завоеваниями. То же самое можно сказать и о буржуазии Австрии и других германских государств. Что касается мелкой буржуазии, то и она была несравненно менее революционной, чем французская мелкая буржуазия 1793—1794 годов. Именно поведение мелкой буржуазии послужило причиной неудачи всех наиболее ярких моментов революционного движения 1848—1849 годов. Кроме того, эта же недостаточная революционность крупной и мелкой буржуазии сделала возможным отход от революции крестьянства, едва только оно начало получать то, чего домогалось. Именно своим предательским поведением в отношении своего естественного союзника буржуазия дала в руки дворянства оружие, посредством которого оно с ней же и расправилось.

Но, если германская революция 1848 г. не удалась потому, что буржуазия уже не была революционной, то другой причиной ее неудачи было то, что она происходила в эпоху, когда пролетариат не был еще достаточно революционным. Пролетариат того времени, едва только начинавший складываться, как таковой, и во всяком случае бывший еще типичным „классом в себе“, не мог при этих условиях быть не только гегемоном революции, каким он был, например, в февральской революции 1917 года в России, но и ее достаточно серьезной движущей силой. Таким образом получается, что буржуазная революция в Германии не имела ни одной движущей силы, способной довести эту революцию до конца, и именно это и нечто иное было основной причиной неудачи германского 1848 года. Поскольку же это положение вещей естественно, вытекало из

объективно данных условий места и времени, можно сказать, что буржуазная революция в Германии не удалась потому, что не могла быть уже 1789 годом и еще — 1917 годом (февралем).

ХРЕСТОМАТИЯ

1. Речь Кошута на венгерском сейме в Пресбурге.

(3 марта 1848 г.)

В начале занятий сейма я высказал свое убеждение, что полное успокоение не может наступить у нас, пока король не будет ограничен в своей государственной деятельности конституционными формами правления.

Я выразил свое убеждение, что многообразные интересы, проявляющиеся в нашей нации, с одной стороны, и в прочих нациях монархии—с другой, без утраты нашей самостоятельности, свободы и нашего благосостояния могут быть примирены лишь на основе конституции, связывающей нас общими братскими чувствами.

Едва три месяца прошло с тех пор; за эти три месяца рухнули троны, и народы возвратили себе свободу. А мы вот уже три месяца как катим сизифов камень, и болезненное сознание неподвижности охватывает мою душу снедающей скорбью... Над нами повис тяжелым проклятием удушающий смрад. От разлагающегося трупа венской правительственной системы на нас веет тлетворный ветер, который цепенит наши нервы и принижает полет нашего духа.

Противоестественные политические системы, — я знаю это, — могут удерживаться в течение известного времени, потому что между выносливостью народов и их отчаянием лежит долгий путь. Но существуют такие политические системы, которые, сохраняясь в течение долгого времени, не выигрывают от этого в своей силе, а теряют...

Династия должна сделать выбор между собственным благом и сохранением выродившейся системы правления...

Будущее династии находится в тесной связи с воцарением братства между различными народами монархии, а это братство может быть создано при уважении к различным национальностям только той связью, которая дается осуществлением принципов конституционализма. Канцелярия и штык — плохие связывающие средства.

2. Речь либерала Фишгофа перед зданием сейма.

(13 марта 1848 г.)

Мы собрались здесь в великий, полный глубокого значения день — в день, когда после долгого времени там, наверху, собрались сословия Австрии, чтобы заявить о народных желаниях и дать у ступеней трона выражение идеям нашего времени. Но, чтобы этот день дал нам то, что он обещает нам дать, мы должны стоять на одном уровне с ним. Итак ободрим же людей, заседающих там, наверху, нашими возгласами, укрепим их нашим одобрением, поведем к желанной цели нашим содействием.

Сегодня мы должны исполнить серьезную миссию. Необходимо решиться, отважиться, быть мужественными и твердыми. У кого нет в такой день мужества, тому место в детской.

Время не ждет, и, быть может, нам принадлежит только этот момент; итак заявим же быстро и энергично, прямо и коротко, что нам необходимо, чего мы требуем, за что стоим. Подробное изложение предоставим людям, собравшимся наверху.

Мы требуем прежде всего свободы печати. Желания отдельных лиц, пока они находят себе лишь индивидуальное выражение, оставляются без всякого внимания; это — капли воды, которые, падая в одиночку, впитываются землей, исчезают в песке, испаряются в воздухе. Но, если единичные желания сливаются в тысячу русел, в ручейки и ручьи прессы, они постепенно превращаются в могущественный, непреодолимый поток общественного мнения, и горе тому государственному человеку, который осмелился бы направлять государственный корабль против этого потока! Шеридан, один из знаменитейших ораторов Англии, так говорил о силе печати: „Дайте мне холопскую верхнюю палату, дайте трусливую нижнюю палату, но сохраните мне свободу печати, и — посмотрел бы я, как бы осмелились они посягнуть на свободу Англии“. Итак потребуем же прежде всего и в самых решительных выражениях свободы печати.

Но одна эта свобода недостаточна. Право народа — не только в том, чтобы устами прессы заявлять о своих желаниях: он должен также посредством присяжных осуществлять свое правовое сознание и устами своих представителей проводить свою волю, когда решаются вопросы о его судьбе, его счастье и горе. Дальше, следует снять оковы с со-

вести, наука в Австрии должна быть свободной, ложное государственное искусство разделило народы Австрии, теперь они должны братски объединиться и увеличить свои силы союзом.

Слабые стороны одной национальности уравниются тогда добродетелями других, и достоинства всех национальностей еще более развернутся благодаря объединению и, будучи использованы в государственных целях, вознесут Австрию на высоту благоденствия и силы. Вспомним немцев с их высокими стремлениями, с их тяготением к идеалу, вспомним настойчивых, трудолюбивых и выносливых славян, рыцарственных энтузиастов мадьяр, искусных и сообразительных итальянцев и представим себе, что они сообща и потому с возросшими силами трудятся над общими вопросами государства: могут ли быть какие-либо сомнения в том, что Австрия займет тогда импонирующее положение среди европейских государств?

Чтобы эти надежды на прекрасное будущее не потерпели крушения, мы в этот торжественный час должны оказать самое энергичное содействие, — с сильно бьющимся сердцем, полным надежды и мужества.

Да здравствует Австрия и ее славное будущее!

Да здравствуют союзные народы Австрии!

Да здравствует свобода!

3. Манифест императора Фердинанда.

(15 марта 1848 г.)

Мы, Фердинанд Первый, божией милостью император австрийский и прочая и прочая, сделали в настоящее время распоряжение, которое мы признали необходимым, дабы удовлетворить желание наших верных народов.

Нашим извещением об уничтожении цензуры свобода печати гарантирована таким же способом, как во всех государствах, где она существует.

Национальная гвардия, построенная на основах собственности и интеллигентности, уже несет плодотворнейшую службу.

Приняты необходимые меры к созванию в самом непродолжительном времени депутатов от всех провинциальных сословий и центральных конгрегаций Ломбардо-венецианского королевства, с усиленным представительством гражданского сословия и с соблюдением существующих

провинциальных конституций, для обсуждения решенной нами конституции отечества.

В виду этого мы с уверенностью ожидаем, что умы успокоятся, учение снова пойдет в регулярном порядке и вновь оживятся промыслы и торговля.

Мы тем увереннее предаемся этой надежде, что сегодня, присутствуя среди вас, с умилением убедились, что вас и теперь, как искони, воодушевляют верность и преданность, каковые вы в течение столетий при всяком случае неизменно проявляли по отношению к нашим предкам, равно как и к нам.

4. Статья „Фоссовой газеты“.

(15 марта 1848 г.)

Наши полицейские власти молча терпели народные собрания, которые в последние вечера устраивались под „Палатками“, хотя таковые собрания воспрещены союзным постановлением от 1832 г. Полицейская власть руководствовалась приятом человеколюбивым намерением: при теперешнем возбуждении избегать всякого столкновения с народными массами и всяких несчастных случаев, которые неизбежно должны были бы произойти приятом. Но, после того как собрания эти со вчерашнего вечера¹ приобрели такой опасный характер, после того дальше, как составилось убеждение, что в этих собраниях вовсе не находит себе выражения действительная воля благовоспитанного и приличного общества, власти намерены сегодня подавить собрания с величайшей энергией и решительностью, и, как говорят, с этой целью военным начальством были отданы очень строгие приказания. В самом деле, подавляющую часть вчерашнего собрания составлял только разный сброд и незрелые люди, которые, ни в малой мере не обладая политическим пониманием, искали там только пищи для своей дерзости и не останавливались перед тем, чтобы грозить опасностью жизни и собственности рассудительных сограждан. Среди ораторов, которые там выступали, тоже не было ни одного выдающегося человека или хотя бы такого, который пользовался бы среди народа некоторым престижем и уважением; напротив,

¹ Статья помечена 14-м марта, следовательно имеется в виду вечер 13 марта.

там были исключительно молодые люди, едва лишь оставившие школу, которые делали на собрании пробу своим незрелым талантам. И адреса, которые создались при таких обстоятельствах, имеют очень убогий характер; они представляют явное и очень слабое подражание заграничным демонстрациям, но далеко уступают им по внутреннему содержанию и исторической обоснованности. Итак пусть наши рассудительные сограждане держатся вдали от этих собраний, пусть они убедятся в том, что такие бессодержательные средства, рассчитанные исключительно на любопытство, могут причинить только вред положительному и легальному прогрессу.

5. Манифест Фридриха-Вильгельма IV.

(19 марта 1848 г.)

К моим возлюбленным берлинцам!

В моем сегодняшнем рескрипте о созвании (Соединенного ландтага) вы получили залог искренней симпатии вашего короля к вам и ко всему германскому отечеству. Еще не смолкли выражения восторга, которым приветствовали меня бесчисленные верные сердца, как толпа нарушителей спокойствия примешала к общему ликованию свои мятежнические и дерзкие требования и стала увеличиваться по мере того, как благонамеренные удалялись. Так как они буйно протискались до самых ворот дворца, что по справедливости заставило опасаться злостных намерений с их стороны, и так как моим храбрым верным солдатам были нанесены оскорбления, то пришлось очистить площадь при помощи кавалерии, пущенной шагом и с оружием, вложенным в ножны, причем два ружья у пехоты выстрелили сами собой. Хвала богу! Они никому не причинили вреда. Шайка злонамеренных, составленная главным образом из иностранцев, которые, хотя их и разыскивали с неделю, сумели однако скрываться, при помощи явной лжи извратила это происшествие в интересах своих злостных планов, вселила в возбужденные умы многих моих верных и возлюбленных берлинцев мысль о мести за пролитую будто бы кровь и таким образом сделалась омерзительным зачинщиком кровопролития. Мои солдаты, ваши братья и соотечественники, только тогда пустили в ход оружие, когда они были вынуждены к этому многочисленными выстрелами из

Кёнигсштрассе. Необходимым результатом этого было победоносное движение войск.

От вас, жители моего возлюбленного родного города, зависит теперь предупредить величайшее несчастье. Ваш король и самый верный друг заклинает вас всем, что есть для вас святого: сознайте, что все это — несчастное заблуждение! Возвратитесь к миру, уберите баррикады, которые еще остаются, и пришлите ко мне людей, преисполненных истинного истинно-берлинского духа, со словами приличествующими по отношению к вашему королю, и я даю вам мое королевское слово, что войска очистят все улицы и площади и что военный гарнизон будет сокращен до самых необходимых размеров у зданий дворца, у арсенала и немногих других и притом даже здесь на короткое время. Послушайте отеческих увещаний вашего короля, жители верного и прекрасного Берлина, и забудьте происшедшее, как я хочу забыть и забуду его в моем сердце в интересах великого будущего, которое, благословением бога мира, начнется для Пруссии, а благодаря Пруссии, и для всей Германии.

Ваша любвеобильная королева, истинная мать и друг, которая лежит на одре тяжелой болезни, присоединяет свои горячие слезные просьбы к моим.

Писано в ночь с 18 на 19 марта 1848 года.

Фридрих-Вильгельм.

6. Прокламации Фридриха-Вильгельма IV.

I.

Прокламация прусского короля от 21 марта 1848 г.

Моему народу и германской нации!

Тридцать пять лет тому назад, в дни великой опасности, с доверием обратился король к своему народу, и его доверие не было обмануто: король в союзе со своим народом спас Пруссию и Германию от позора и унижения.

С доверием обращаюсь я теперь, в момент когда отечество находится в величайшей опасности, к германской нации, к благороднейшим племенам которой может с гордостью причислить себя мой народ. Германия охвачена внутренним брожением, и с разных сторон ей угрожают внешние опасности. Спасение от этой крайней двойной

опасности может принести только теснейшее объединение германских государей и народов под единым руководством.

Теперь, в дни опасности, я беру на себя это руководство. Мой народ, не страшась опасности, не оставит меня, и Германия с доверием последует за мною. Сегодня я усвоил старые германские цвета и стал вместе с моим народом под почетное знамя Германской империи. Отныне Пруссия растворяется в Германии.

Средством и законным органом для того, чтобы в союзе с моим народом шествовать к спасению и успокоению Германии, является созываемый на 2-е апреля ландтаг. Я намерен в форме, которая ближайшим образом будет определена незамедлительно, дать государям и сословиям Германии возможность составить вместе с органами этого ландтага общее собрание.

Временно создаваемое таким образом германское собрание сословий путем общего свободного обсуждения незамедлительно придумает все необходимое среди общих внутренних и внешних опасностей.

В настоящее время необходимо прежде всего:

- 1) создание общего германского национального союзного войска;
- 2) объявление вооруженного нейтралитета.

Такое вооружение отечества и объявление внушат Европе уважение к святости и неприкосновенности области германского языка и германского имени. Только солидарность и сила могут в настоящее время охранить мир в нашем прекрасном общем отечестве, процветающем благодаря торговле и промышленности.

Одновременно с мерами предотвращения теперешней опасности германское собрание сословий подвергнет обсуждению вопрос о возрождении и основании новой Германии — единой, не единообразной Германии, единства в различиях, единства с свободой.

Повсеместное проведение истинно конституционного устройства, с ответственностью министров во всех государствах, публичное и устное судопроизводство, опирающееся в уголовных делах на суды присяжных, равные политические и гражданские права для всех религиозных вероисповеданий и истинно народное, свободное управление только и будут в состоянии создать и укрепить такое прочное и глубокое единство.

Фридрих-Вильгельм.

Граф Арним. Фон-Рор. Граф Шверин.

Борнеман. Фон-Арним. Кюне.

Берлин, 21 марта 1848 года.

II.

Прокламация короля от 22 марта 1848 г.

Относительно народного представительства и т. д.

После того как я обещал конституционное устройство на самой широкой основе, моя воля — издать народный избирательный закон, который способен создать представительство, покоящееся на первичных выборах, охватывающее все интересы народа, без различия религиозных вероисповеданий, и предварительно передать этот закон на заключение Соединенного ландтага, быстрый созыв которого я, основываясь на всех доселе поступивших ко мне предложениях, считаю всеобщим желанием страны. Я действовал бы решительно против этого проявившегося доселе желания страны, если бы, в соответствии с вашим предложением¹, захотел издать новый избирательный закон без опроса сословий. Поэтому, как говорит мне доверие к вашей лояльности, вы убедитесь сами и сумеете убедить своих доверенных, что, пока к тому не присоединится всеобщее желание страны, я не могу согласиться на ваше упомянутое выше предложение.

Затем, согласно с моими уже сообщенными решениями, в это новое представительство германского народа, имеющее создаваться указанным способом, будут внесены следующие предложения:

- 1) об обеспечении личной свободы;
- 2) о свободном праве союзов и собраний;
- 3) о всеобщей организации гражданского ополчения со свободным избранием командующих;
- 4) об ответственности министров;
- 5) о введении судов присяжных по уголовным делам, особенно по всем политическим делам и проступкам в печати;
- 6) о независимости судебного сословия;
- 7) об уничтожении судебных изъятий помещичьих судов и помещичьей полиции.

Кроме того, я предпущу постоянному войску принять присягу новой конституции.

Фридрих-Вильгельм.

*Граф Арним. Фон-Рор. Граф Шверин.
Борнеман. Фон-Арним. Л. Кюне.*

Берлин, 22 марта 1848 года.

¹ Имеется в виду предложение депутатов Бреслава и Лигница издать избирательный закон без опроса Соединенного ландтага.

7. Из отчета о собрании берлинских рабочих у Шенгаузенских ворот 26 марта 1848 г.

Беттихер (плотник): Мы имеем работу только 9 месяцев в году. Зимой мы должны делать долги, летом их выплачивать. Но при ничтожных наших заработках мы не можем удовлетворить всех кредиторов; поэтому мы вносим предложение о повышении заработной платы. Затем 14 часов работы слишком много. Если присчитать ходьбу туда и обратно, то получится целых 18 часов. Отец семейства лишен возможности при таких условиях слышать лепет своих ребят. Когда он уходит поутру, они еще спят, когда он возвращается, они уже спят. Мы требуем от своих хозяев повышения платы, — они могут это сделать.

Зигерист (слесарь): От имени всех машиностроительных рабочих я жалуюсь на нехватку работы. Во главе нас стоят в высшей степени непрактичные управляющие, которые редко дают нам возможность заработать лишний завтрак на счет мастера. Рабочее министерство положило бы конец их деспотизму. Такое министерство должно также установить минимум платы в 4 талера для того, чтобы рабочий класс мог существовать; оно должно понизить рабочий день до 10 часов и следить за управлением касс, без вмешательства магистрата.

Вильке (кожевник): Наше желание исполнено, мы не желаем возобновлять кровавой бани, но мы требуем плодов своего пота. Мы работаем с 5 часов утра до 7 часов вечера. Уменьшение рабочего времени до шести и повышение платы до 4 талеров в неделю — значит ли это требовать слишком много?

Бриль (наборщик): Мы все боролись, будем же и дальше держаться дружно. Если мы упустим этот случай поговорить друг с другом, наши силы окажутся раздробленными. Мы не можем заставить мастера дать нам более высокую плату, потому что он сам должен будет брать больше, товары вздорожают и не будут покупаться. Мы привели бы мастера к обнищанию, этого мы не желаем. (Шум.) Я такой же рабочий, как и вы, и тоже хочу правды и справедливости. Я тоже стою за повышение платы, но оно должно произойти мирным путем, путем полюбовной сделки с мастером, ибо не он, а конкуренция определяет цены на все предметы. Далее необходимо, чтобы рабочий мог работать над своим духовным самообразованием; поэтому рабочее время должно быть сокращено. Существовавшее до сих пор общество поступало крайне несправедливо

по отношению к рабочим. Почему оно так поступало? Потому, что рабочие были необразованны. Я требую поэтому народного образования на средства государства. Это будет стоить много денег, я это вижу, но мы многое сэкономим. Мы сэкономим расходы на жандармов, на тюрьмы, на рабочие дома, на палачей и виселицы. Если мы желаем помочь, то мы должны принять коренные меры. Богатые должны пожертвовать часть своего имущества. В чьих руках находилась до сих пор власть? В руках дворянства, благородных и богачей. Они умели жить, но для рабочего они ничего не делали—для рабочего, который ведь доставлял им все, начиная с самого необходимого и кончая комфортом. Правда, имеются люди, которые заботятся о нас, несмотря на то, что они носят хороший сюртук. Рабочий—основа общества, а так как он теперь меняется, то и все общество должно теперь измениться, улучшиться и преобразоваться. Нам нужно дешевое правительство. Это облегчит бремя, которое лежит теперь на крестьянине, ремесленнике и рабочем. Всем гражданам должно быть дано избирательное право, постоянное войско должно быть заменено всеобщей народной милицией, которая извне и внутри будет внушать к нам столько же уважения, как и то, если не больше. Это даст экономию. Принимающие дело должны образовать рабочее министерство, долженствующее завязать связи со всей страной и учредить в каждом главном городе провинции провинциальный комитет, а в каждом уездном городе—уездный комитет. Наконец, как я уже сказал, необходимо народное воспитание. Нам всем знакомо министерство Эйхгорна. Это министерство утешало нас загробным миром, когда мы жаловались на нужду на этом свете: „После смерти,—говорили они,— всё получите“. Оно посылало во все наши общины пасторов и учителей, которые должны были кормить наших ребят изречениями из библии и забивать им головы. Такое воспитание не могло помочь удрученному человечеству. Помощь человечеству изыдет от него самого. Всякий носит спасителя в собственной груди. (Долгие бурные аплодисменты.)

Эберт Гельм (чернорабочий): Трех талеров недостаточно для отца семейства. Всюду на постройках мы находим профессионалистов. Этого не должно быть. Нужно запретить им работать в качестве простых рабочих.

Бергман (маляр): От имени своих товарищей я приношу жалобу на то, что издатели слишком много заказывают в рабочих домах. Далее мы желаем, чтобы ни один мастер не имел больше двух учеников. Иные имеют до шести учеников, это слишком много.

Визель (рабочий по шелку): Мы принадлежим к наиболее угнетенным рабочим и требуем, чтобы работы в рабочих домах прекратились. Далее, работодатели не имеют права давать работу девушкам и не имеют права иметь больше трех учеников, они не должны также иметь больше станков, чем то позволяют размеры занимаемой ими квартиры.

Штейнгоф (позументщик) выставляет следующие требования: 1) все девушки, работающие за позументными станками, должны перестать работать; 2) машины, делающие излишними рабочие руки человека, должны быть ограничены. Если мне возразят: что же девушки должны делать дома? — то я отвечу: повышение заработной платы даст их отцам возможность их содержать.

Келлинг (сигарный рабочий) желает уравнивания между капиталом и трудом, но не в духе коммунистов. Всякий должен предлагать и использовать свои силы, но труду должно быть воздано по заслугам. Оратор также выдвигает требование, чтобы чужим было отказываемо в работе и чтобы мастера не имели права держать более трех учеников.

Захарие (писец): Не за себя, а от имени поденных рабочих я выступаю. Государство нанесло рабочим раны, оно же должно их залечить. Оно должно вырабатывать муку большими партиями для розничной продажи. Поденные рабочие должны соединиться в один пролетарский союз. (Поднимается шум, собрание заставляет оратора взять слово „пролетарский“ обратно.) Всякий гражданин, зарабатывающий меньше полуталера в день, примыкает к союзу; государство предоставляет членам союза квартиры за минимальную арендную плату. (Оратор снова употребляет слово „пролетарий“, что вызывает новые порицания со стороны собрания.) Члены освобождаются от всяких налогов прямых и косвенных. (Аплодисменты.)

Цигельбейн прочитывает заявление от восьмисот литографских рабочих, из которых только 150 человек имеют работу, остальные же терпят со времени введения машин страшную нужду. Существенные пункты заявлений сводятся к следующему: ограничение машин по принципу: если штука двухцветная, то каждая вторая должна быть отпечатана; если трехцветная, то каждая третья и т. д. Далее, устранение девушек, укорочение рабочего дня. Хлеба или смерть!

Конский (ткач по шелку): Я говорю не от имени депутации, а от собственного, и все же говорю за всех. Раньше говорили о рабочем министерстве, имеющем регулировать труд в нашей стране. Я иду дальше: во Франции,

Австрии и Англии тоже должны быть созданы подобные рабочие министерства, все они должны вступить в сношения друг с другом, ибо только тогда станет возможным создание одинаковой системы труда и индустрии. (Браво! Браво!)

Бере (кучер) прочитывает от имени всех прислуг жалобу на то, что солдат употребляют для перевозки, переноски и вообще для частных услуг, и просит, чтобы его жалоба была немедленно донесена королю...

8. Проект конституции Струве.

Мы, нижеподписавшиеся, вносим следующее предложение в германский предпарламент во Франкфурте-на-Майне: предпарламент должен дать немедленное признание и озаботиться об осуществлении изложенных ниже прав германского народа.

Глубочайшее унижение в течение долгого времени угнетает Германию. Его можно характеризовать словами: порабощение, одурачивание и эксплуатация народа. Под влиянием этой тиранической системы, которая, хотя и сломлена в своей силе, однако по существу все еще сохраняется, Германия неоднократно приводилось к краю гибели. Она утратила многие из своих лучших провинций, другим угрожает тяжелая опасность. Нужда народа достигла невыносимых размеров. В Верхней Силезии она дошла до голодного тифа.

Поэтому разорвались все связи, которые привязывали германский народ к прежнему так называемому порядку вещей; задачей собрания немцев, съехавшихся 31 марта текущего года во Франкфурте-на-Майне, является подготовка новых связующих средств, которые должны объединить весь германский народ в свободное великое целое.

Обеспеченность собственности и личности, благосостояние и свобода для всех без различия происхождения, сословия и вероисповедания — вот цель, к которой стремится германский народ. Средства для достижения этой цели таковы:

1. Уничтожение постоянного войска солдат и слияние его с гражданским ополчением для образования истинно-народного ополчения, охватывающего всех мужчин, способных носить оружие.
2. Уничтожение постоянного контингента чиновников и замена его дешевым управлением, состоящим из лиц, свободно избранных народом.

3. Уничтожение постоянного гнета сборов, снедающих мозг народа, в особенности всех сборов, которые тормозят внутренний обмен в Германии, внутренних таможенных пошлин и судебных сборов, а также тех, которые угнетают сельское хозяйство — десятин, оброков, барщин и т. д., равно как и тех, которые обременяют промышленность — промысловых налогов, акцизов и т. д., и замена этих сборов:

а) прогрессивным подоходным и поимущественным налогом, при котором средства, необходимые для жизни, освобождаются от всяких сборов;

б) таможенными пошлинами, взимаемыми на границе Германии для защиты ее торговли, ее промышленности и ее земледелия.

4. Уничтожение всех привилегий, какое бы название они ни носили, в особенности привилегий дворянства, привилегий богатства, уничтожение особой подсудности отдельных сословий и замена ее общим для всех германских граждан правом.

5. Уничтожение опеки над общинами и замена ее законом о коммунах, основанных на принципе самоуправления.

6. Уничтожение всех монастырей и монастырских учреждений.

7. Расторжение союза, существовавшего до сих пор между церковью и государством и церковью и школой, и замена его:

а) принципами равноправия всех вероисповеданий, неограниченной свободы вероисповеданий и совести, свободы ассоциаций, самоуправления общин и, в частности, права общин свободно избирать духовных лиц, учителей и бургомистров;

б) улучшение положения учащихся и большая равномерность в вознаграждении священников;

с) уничтожение платы за учение.

8. Отмена цензуры, разрешительного порядка и залогов и замена этих принудительных учреждений принципом свободы печати в самом широком смысле.

9. Уничтожение тайного и письменного судопроизводства и замена его гласными и устными судами присяжных.

10. Уничтожение бесчисленных ограничений личной свободы немцев различных сословий и единообразное обеспечение ее посредством особого закона (Habeas Corpus акта в самом широком значении слова), который в частности гарантирует и право союзов и собраний.

11. Устранение бедственного положения трудящихся классов и среднего сословия, поднятие торговли, промышленности и сельского хозяйства. Богатые средства для этого дадут существовавшие до сих пор чудовищные гражданские листы, уделы, незаслуженные и слишком высокие оклады и пенсии, всевозможные монастыри и не утилизируемые в настоящее время владения многих корпораций, равно как и государственные имущества.

12. Устранение неправильных отношений между трудом и капиталом при содействии особого министерства труда, которое должно противодействовать ростовщичеству, защищать труд и в частности гарантировать ему участие в прибылях производства.

13. Уничтожение тысячекратно расходящихся между собою постановлений гражданского, уголовного, процессуального, канонического и государственного права в отношении монеты, меры, веса, почты, железных дорог и т. д. и замена их законами, которые, вытекая из духа нашего времени, укрепили бы внутреннее единство Германии в духовном и материальном отношении и упрочили бы ее свободу.

14. Уничтожение раздробленности Германии и восстановление деления на имперские округа, при установлении каковых следует обратить надлежащее внимание на современные условия.

15. Уничтожение наследственной монархии (единодержавия) и замена ее свободно избранными парламентами, во главе которых станут свободно избранные президенты и которые соединятся федеративной союзной конституцией по образцу североамериканских республик.

Германский народ! Вот принципы, с осуществлением которых, по нашему мнению, Германия только и может сделаться счастливой, уважаемой и свободной.

Германские братья на востоке и западе! Мы обращаемся к вам с приглашением поддержать нас в нашем стремлении добыть для вас единые и неотчуждаемые права человека. Мы останемся все во Франкфурте-на-Майне, пока свободно избранный парламент не получит возможности направлять судьбы Германии. В это время мы выработаем необходимые законопроекты и, учредив свободно избранный исполнительный комитет, подготовим великое дело возрождения Германии.

9. Воззвание баденского „Временного народного комитета“ от 12 апреля 1848 г.

К народу!

Восемнадцать веков рабства, угнетения и истощения дают немецкий народ, призванный нести знамя свободы впереди других народов. Но нынче лежит перед нами открытая книга мировой истории, и после 18 веков позора мы золотыми буквами впишем в нее смелой рукой освобождение и избавление от ига наших фараонов. Народ впишет в эту книгу имена тех, которые вышли из хижин и счастливых жилищ, чтобы с оружием в руках завоевать свободу для детей своих и внуков, чтобы те на свободной немецкой земле могли воспользоваться тем счастьем и миром, которые завоевали для них их отцы. Вы умирали в сотнях боев, жертвовали своими лучшими детьми ради настроения и воинственных наклонностей тех, которые смотрели на вас как на вещь. Теперь вы будете бороться за свободу для себя, своего очага, своих детей. Вы работали в поте лица, обремененные заботами день и ночь, вы сторожили ваше перезаложненное имущество, а в это время княжеские наложницы, развратные царедворцы с нахальным смехом взирали на ваших оборванных детей или делали их игрушкой для своей забавы. Отныне вы хотите и будете работать лишь на себя и будете пользоваться плодами своего тяжелого труда с евангельским сознанием: „работающие достойны своего вознаграждения“. Вы не будете больше искать права и справедливости у порога богато оплаченных прислужников и придворных рабов, а найдете правду в свободном сообществе. Вам не нужно богато оплачиваемых чиновников, всего их высокомерия, — вы сами водворите порядок в своем доме, в своей общине и своем крае. Сосчитайте миллионы и сотни миллионов, которые вырвали из вашей дрожащей руки праздные чиновники и канцеляристы, и спросите себя, дурно ли или хорошо вами управляли, и не можете ли вы лучше и счастливее устроить жизнь свою, жен и детей ваших, хозяйство ваше и сограждан ваших. Вам говорят, что вам, поможет парламент, немецкий император. Император германский со своим придворным штатом и блеском, со своими министрами и парламентом, оплачиваемыми миллионами и сотнями миллионов, почерпнутыми из богатого источника крестьянского пота, рабочей нужды и промышленного обмана! Хотите вы быть дураками и снова дать обмануть себя? Существует лишь одно слово, одно государство, одно право, равное

для всех, все воплощается в одном: слово это—Немецкая республика. Там, в счастливой свободной обстановке, где все обсуждают и решают свои дела, где народ сам создает для себя законы, где пенсии и богатые оклады блестящих придворных бездельников не будут оплачиваться слезами и заботами крестьян и горожан, где не будут пропивать в одну ночь то, во что вложено тысяча рабочих дней сынов народа,—там будет подлежать ответственности и суду тот, кого вы на срок назовете старшим гражданином, выберете его управлять делами народа; там вы выберете судей и управителей из своей собственной среды без жалованья и пенсий. Только в республике вы полностью вкусите плоды рук своих и насладитесь отдыхом в счастливой семье... Можно ли еще сомневаться, можно ли выбирать между покоем раба и борьбой, которая даст вам лучшее, более светлое будущее? Нет и нет! Возьмитесь за меч, свергните ваших притеснителей, сгоните их со святой земли, с опозоренной ими собственности великого прекрасного народа! Умейте бороться, побеждать, умирать под знаменем Немецкой республики! И когда-нибудь седой старик, боровшийся за освобождение народа, будет рассказывать своим потомкам о тяжелом прошлом, и ни один человек больше не осквернит тогда почвы, на которой труд вознаграждает и благосостояние все увеличивается и сердце каждого человека бьется легко и свободно; и из поколения в поколение будут рассказывать о вас, что вы первые вынули меч из ножен ради освобождения вашего отечества и первые провозгласили клич: победа или смерть во имя Немецкой республики!

Временный Народный Комитет.

Констанца, апрель 1848 г.

10. Из протоколов заседаний венского Комитета безопасности.

Протокол вечернего заседания 4 июня 1848 г.: 1) Президент читает отношение главнокомандующего относительно концентрации войск; один чиновник Северной дороги докладывает по этому поводу, что расквартирована только кавалерия и то лишь в незначительном количестве. 2) По поводу записки министерства, вызванной слухом,

будто доктор Зэгофер и капрал Карл Тромпетта сошли с ума, постановлено препроводить обоих в больницу. 3) Протест против богемского генерал-президента в Праге; будет передан в „Венскую газету“. 4) Сообщение от главнокомандующего национальной гвардией, что вопрос о припасах получил удовлетворительное разрешение. 5) Министерство сообщает о числе рабочих, занятых общественными работами; оно составило 14 840. 6) Один член сообщает о промахах комиссии по сбору пожертвований в Бадене, исправленных в позднейшем отчете; собрана сумма в 434 флорина, которая и передана рабочей комиссии гражданского комитета... 9) Благодарность от крестьян Эбервейса приложена к протоколу и доведена до сведения актового зала. 10) Председатель доводит до сведения о различных тревожных слухах и добавляет, что необходимо раскрыть их виновников; по этому поводу постановлено, чтобы члены академического легиона являлись на все пункты работ, просвещали тамошних рабочих и по меньшей мере дважды в неделю доводили до сведения Комитета о желаниях и жалобах рабочих... 12) Один член предлагает пригласить главнокомандующего присылать офицеров от каждой части войск гостями на наши совещания, чтобы они могли убедиться, каково отношение Комитета к войскам. 13) Прочитан протокол национальной гвардии в Фюнфгаузе о проистах мистельбахского священника, подстрекавшего рабочих, и переданы отобранные у него 30 флор. 1 крейц. денег. Постановлено предложить надлежащему судебному учреждению дальнейшее судебное преследование.

6 июня: 1) Предложено потребовать объяснений у кондуктора, который клятвенно заверял, будто Прага подверглась вчера бомбардировке. Признано необходимым предварительно собрать надлежащие сведения. 2) Из Пратера привели рабочего, который хвалился, будто опасными угрозами вынудил у одной женщины в ее жилище 36 флоринов. Передано особой комиссией для расследования. 3) Сообщено, что порубки леса в Пратере все еще продолжают; постановлено опять вывесить объявление, в котором рабочим под угрозой строгого наказания запрещаются всякие порубки; постановлено также, чтобы против всякого, кто покупает краденое свежее дерево, возбуждалось преследование по всей строгости законов. 4) Внесено несколько предложений в интересах рабочих; профессор Ферстер от имени существующего рабочего комитета сделал сообщение об общественных работах, имеющих начаться в ближайшее время. 5) Постановлено предложить окружному начальнику национальной гвардии в Леопольдштате, чтобы

последняя оказывала поддержку благомыслящим рабочим в Пратере в их борьбе против расхищения леса. 6) Прибыла депутация от граждан, национальной гвардии и студентов, чтобы передать адрес штирийцев к жителям Вены; доктор Эмпергер прочитал его среди бурных рукоплесканий. Доктор Фишгоф выражает благодарность от имени комитета. 7) Президент докладывает письмо профессора Эндлихера, который сообщает, что он явится к начатому против него следствию. Передано для сведения соответствующему судебному установлению. 8) Министерство внутренних дел передало прошение парходного общества об охране места для выгрузки в Пратере. Сообщить министерству, что там уже поставлена стража из национальных гвардейцев. 9) Сообщение о безобразиях на работах в Лихтентале; отправлена для успокоения депутация. 10) Отчет учрежденной вчера комиссии по расследованию дела доставленного Леопольда Франкля. Предложено и постановлено освободить его. 11) Сообщение, что на работах при Альсербахе один рабочий получил увечье и его ребенок убит. Только что поступившее от неизвестного пожертвование в 10 флоринов в пользу рабочих предназначено на погребение этого ребенка. 12) Прошение докторанта юридических наук Бахмайера разрешить ему публичные лекции по государственному праву. Комитет заявляет, что он не компетентен в этом деле. 13) Умлауфт прочитывает ответный адрес городам Мархеггу и Гроссенцерсдорфу; Эккардт — адрес к верхне-австрийцам. Оба приняты. 14) Некоторые члены торговой курии сообщают, что в предместьях большая часть торговцев решила закрывать по воскресеньям свои лавки после полудня. Им указано на вчерашнее постановление. 15) Письменное предложение господина Жига по рабочему вопросу передано в рабочий комитет. 16) Прибыл трактирщик Кеффиз из Веринга и просит защитить его от таких опасных происшествий, как случившееся вчера в его заведении, виновники которого были рабочие. Постановлено командировать туда студентов для постоянной охраны, предписать национальной гвардии в Веринге оказывать поддержку и обратиться к рабочим с плакатом-увещанием по этому поводу.

6 июня. Вечернее заседание: 1) Директор канцелярии Шпина от имени депутации, отправленной сберегательной кассой в Иннсбрук, сообщает, что его величество 26 июня лично откроет рейхстаг в Вене и что из уступок 15 мая ни одна не будет взята обратно. 2) Князь Радзивилл от имени комиссии, назначенной по делу Флориана Вейтля, арестованного по подозрению в вымо-

гательстве денег, делает доклад. Постановлено освободить его за недостатком улики. 3) Отношение дирекции Глогницкой железной дороги о том, что рабочие требуют бесплатной перевозки их по дороге. Передано в рабочий комитет. 4) Жалобы пивоваров из Земмерига и Эделзее на вымогательство пива рабочими с общественных работ, просьба о защите. Президент уже принял необходимые меры. Постановлено кроме того обратиться к рабочим с наставлением посредством плаката. 5) Сообщение рабочего комитета, что студенты позволяют себе злоупотреблять своим доверием среди рабочих и стараются возбудить их против надсмотрщиков и инженеров. Составлена комиссия для безотлагательного расследования. 6) Сообщение от главнокомандующего о присылке офицеров в заседания Комитета с донесением, что на этот раз предложено явиться плацмайору Грулиху. Решено опубликовать в „Венской газете“. 7) Отчет главного полицейского управления относительно двух арестованных 26 мая мнимых священников; оказалось, что это были в действительности портной и крестьянин из Гадерсдорфа. Постановлено предложить главному полицейскому управлению представить все относящиеся сюда протоколы дознания. 8) Министр Пиллерсдорф сообщает Комитету, что ему ничего неизвестно о волнениях, будто бы вспыхнувших в Праге. 9) Община Фейрсбрунн препровождает партию вина для бедных. Передано комиссии для распределения. 10) Предложение одного члена сменить в гарнизоне два батальона егерей отвергнуто. 11) Президент вносит предложение организовать комитет для заведывания предстоящими выборами в рейхстаг. Предварительно составлена комиссия для выработки (в 48-часовой срок) соответствующего проекта. 12) По предложению доктора Гольдмарка постановлено войти в министерство с представлением, чтобы с величайшей быстротой были назначены выборы в рейхстаг и определен возможно ближайший день для выборов. 13) По предложению того же лица постановлено просить министерство об издании распоряжения, которое предписало бы духовенству воздерживаться от всяких политических проповедей с амвона. 14) Доклад комиссии, упомянутой выше под цифрой 5; из него следует, что предъявленные жалобы вызваны одним распоряжением университета. Постановлено: а) впредь все жалобы на надсмотрщиков за постройками направлять в рабочий комитет; б) изготовить для этих надсмотрщиков свидетельства, которые послужат удостоверением их личности со стороны комитета; в) сообщить рабочим об этих двух пунктах как устно, так и посредством

особых плакатов. 15) После обстоятельного обсуждения постановлено назначать на будущее время рабочих инспекторов из всех корпусов академического легиона, а не только из корпуса техников; эта мера должна обеспечить моральное влияние инспекторов.

7 июня: 1) Отчет доктора Шилля о работах; возбуждение в Альсеосском предместьи. 2) Сообщение Северной дороги о событиях в Праге. 3) Предложение обратиться к магистрату с запросом, сохраняют ли свою силу и соблюдаются ли существующие законы относительно продовольствия Вены. 4) Явились многочисленные пражские студенты, не как депутация, а как частные лица, чтобы заявить о своей симпатии к Комитету. 5) Пишек предлагает свои услуги для устройства бесплатного концерта. 6) Уголовный суд сообщает о предстоящем следствии по делу профессора Гиз; избрана комиссия, чтобы присутствовать при дознании. 7) Предложено и постановлено нарядить следствие о растрате пожертвованных денег, собранных в Бадене. 8) Постановлено раздать хлеб 200 безработным рабочим. 9) Гвардейцы из Нейбау прислали 100 флоринов в пользу рабочих. 10) Представители грацкой депутации приносят благодарность за сердечный прием. 11) Рабочий благодарит за данную ему тачку. 12) Один домовладелец, имуществу которого угрожает опасность, просит о помощи. Сообщено полиции. 13) Офицеры стражи безопасности представлялись Комитету. 14) Доклад о реорганизации полиции, который вызвал оживленные прения, решение пришлось отложить до следующего заседания, и т. д.

11. К. Маркс о Франкфуртском парламенте.

(Из „Новой рейнской газеты“.)

Кельн, 31 мая.

Вот уже две недели, как в Германии существует Учредительное национальное собрание, избранное всем германским народом.

Германский народ завоевал свой суверенитет на улицах всех почти больших и малых городов страны и особенно на баррикадах Вены и Берлина. Этот свой суверенитет он осуществил на выборах в Национальное собрание.

Первым актом Национального собрания должно было быть громкое и публичное провозглашение суверенитета германского народа.

Вторым его актом должна была быть выработка германской конституции на основе народного суверенитета и устранение из фактически существовавшего в Германии порядка всего, что противоречило принципу народного суверенитета.

В продолжение всей сессии оно должно было принимать необходимые меры для подавления всех происков реакции, для укрепления революционной почвы, на которой оно стоит, для ограждения от всех покушений основного завоевания революции — народного суверенитета.

И вот германское Национальное собрание имело уже с дюжину заседаний, но из всего этого ровно ничего не сделало. Зато оно обеспечило благополучие Германии следующими великими деяниями.

Национальное собрание признало, что ему необходимо иметь регламент, так как оно знало, что там, где соберутся два или три немца, им необходимо нужен регламент, в противном случае в ход будут пущены стулья. Какой-то школьный учитель предусмотрел уже этот случай и набросал вчерне для высокого собрания особый регламент. Вносится предложение временно принять это школьное упражнение; большинство депутатов незнакомо с ним, но собрание без дальнейших рассуждений принимает его, ибо что случилось бы с представителями Германии без регламента? — *Fiat reglamentum partout et toujours!* (Да будет регламент везде и всегда.)

Господин Раво из Кёльна вносит совершенно бесхитростное предложение по поводу случаев коллизии между франкфуртскими и берлинскими собраниями. Но собрание обсуждает окончательный регламент, и, хотя предложение Раво неотложно, но еще более срочным является регламент. *Pereat mundus, fiat reglamentum!* (Пусть погибнет весь мир, да живет регламент!) Но мудрость выборных мещан не может при этом отказаться от некоторого рассмотрения предложения Раво, и мало-по-малу, куда еще обсуждается вопрос о том, поставить ли раньше на повестку регламент, или же предложение Раво, к последнему поспевают уже до двух дюжин поправок. Обмениваются мнениями по этому поводу, рассуждают, увязают в дебатах, шумят, проводят зря время и откладывают голосование с 18 на 22 мая. 22 мая возобновляется обсуждение вопроса; градом сыплются новые поправки, изменения, и после длинных речей и многократной бестолочи выносится постановление вернуть обратно в отделы поставленный уже в порядок дня вопрос. Таким образом время преблагополучно проходит, и депутаты идут обедать. 23 мая сначала спорят по поводу протокола;

затем принимают снова бесчисленные предложения и намереваются уже перейти к порядку дня, а именно к излюбленному регламенту, когда Циц из Майнца поднимает вопрос о грубых насилиях прусской солдатчины и о деспотических выходках прусского коменданта в Майнце. Налицо была бесспорная, удавшаяся попытка реакции—случай, специально подхваченный под компетенцию собрания. Следовало призвать к ответу заносчивого солдата, который осмелился на глазах Национального собрания угрожать Майнцу бомбардировкой; нужно было оградить безоружных майнцких граждан в их собственных жилищах от насилий навязанной им и натравленной на них солдатчины. Но г. Бассерман, этот баденский водолей¹, объявил все это пустяками; надо предоставить Майнц своей участи, впереди всего интересы целого—здесь заседает Национальное собрание и обсуждает регламент в интересах всей Германии; в самом деле, что такое по сравнению с этим бомбардировка Майнца? *Pereat Maguntia, fiat reglamentum!* (Пусть погибает Майнц, да здравствует регламент!) Но собрание проявляет свое мягкосердечие, избирает комиссию, которая должна отправиться в Майнц и на месте расследовать дело, а тут как раз снова приспело время закрыть заседание и отправиться обедать.

24 мая мы теряем нить парламентских занятий. Регламент повидимому закончен или затерялся где-то; во всяком случае мы больше ничего о нем не слышим. Но зато на нас обрушивается настоящий град благонамеренных предложений, в которых многочисленные представители суверенного народа проявляют упорство своего ограниченного всеподданнейшего разума. Затем пошли предложения, петиции, протесты и т. д., и наконец национальный поток помоев нашел себе выход в бесчисленных речах, вдававшихся в нескончаемые подробности. Все-таки нельзя обойти молчанием, что приэтом были избраны четыре комитета.

Наконец г. Шлеффель попросил слова. Трое германских граждан, гг. Эсселен, Пельц и Левенштейн, получили приказ в тот же день до четырех часов по полудни оставить Франкфурт. Премудрая и попечительная полиция утверждала, что названные лица своими речами в рабочем союзе навлекли на себя неудовольствие всех граждан и потому подлежат высылке! И это позволяет себе полиция после того, как германское право гражданства было прокламировано предпарламентом, после того, как оно было признано в самом проекте конституции, выработанном семь-

¹ Здесь игра на созвучии: Бассерман—Вассерман (водолей).

надцатью „доверенными лицами“ — „hommes de confiance de la diète“.

Дело не терпит отлагательства. Г. Шлеффель просит слова по этому вопросу; ему отказывают; он требует слова по вопросу о спешности, на что он по регламенту имеет право, и на этот раз раздалось в ответ: *fiat politia, pereat reglamentum!* (да здравствует полиция, пусть погибнет регламент!) И понятно почему, — наступил час отправляться по домам обедать.

25 мая снова, как спелые колосья под проливным дождем, склонились многомудрые головы депутатов под градом хлынувших массой предложений. Еще раз два депутата попытались поднять вопрос о высылке, но и им было отказано в слове, даже по вопросу о спешности. Некоторые выступления, в частности одно со стороны поляков, представляли гораздо более интереса, чем все вместе взятые предложения депутатов. Тут получила наконец слово отправленная в Майнц комиссия. Она сообщила, что лишь на другой день сможет представить отчет; впрочем она, как полагается, явилась слишком поздно; восемь тысяч прусских штыков восстановили порядок путем разоружения тысячи двухсот гражданских, гвардейцев, и, пока что, можно перейти к порядку дня. Так и поступили — тотчас же перешли к порядку дня, а именно к предложению Раво. Так как это предложение во Франкфурте все еще не было закончено обсуждением, а в Берлине давно уже стало бесцельным вследствие рескрипта Ауэрсвальда, то Национальное собрание решило отложить вопрос до завтрашнего дня и пойти обедать.

26 мая снова поступили мириады предложений, а тут еще майнцкая комиссия представила свой окончательный и весьма нерешительный отчет. Докладчиком выступил экс-демократ и *pro tempore* министр г. Гергенган. Он предложил крайне умеренную резолюцию, но Национальное собрание после продолжительных прений нашло даже это смиренное предложение слишком сильным; оно постановило отдать майнцких граждан на милость пруссаков под командой некоего Гюзера и, „в ожидании, что правительства выполнят свою обязанность“, перешло к порядку дня. Этот порядок дня опять-таки состоял в том, что господа депутаты отправились обедать.

27 мая, после долгих предварительных словопрений по поводу протокола, перешли наконец к обсуждению предложения г. Раво. Проговорили до половины третьего и отправились... обедать; но на этот раз было устроено вечернее заседание, и наконец-то довели дело до конца.

Так как вследствие чрезмерной медлительности Национального собрания г. Ауэрсвальд сделал лишним предложение г. Раво, то последний присоединился к поправке г. Вернера, которая не разрешила вопроса о народном суверенитете ни в утвердительном ни в отрицательном смысле.

Мы не располагаем дальнейшими сведениями о Национальном собрании, но мы имеем все основания полагать, что после этого решения оно закрыло заседание и отправилось обедать. Если собрание так рано отправилось обедать, то этим оно обязано замечанию Роберта Блюма: „Господа, если вы сегодня заканчиваете порядок дня, то пожалуй весь порядок этого собрания мог бы быть сокращен особым образом!“

Кёльн, 6 июня.

Национальное учредительное собрание прежде всего должно быть активным, революционно-активным собранием. Франкфуртское собрание занимается парламентскими школьными упражнениями и предоставляет действовать правительствам. Допустим, что этому ученому совету удалось после самого зрелого размышления измыслить самый совершенный порядок дня и самую совершенную конституцию; что пользы в превосходнейшем порядке дня и в превосходнейшей конституции, когда тем временем правительства поставили в порядок дня штыки?

Германское Национальное собрание, независимо от того, что оно вышло из прямых выборов, страдает особенной германской болезнью. Оно заседает в Франкфурте-на-Майне, а Франкфурт-на-Майне есть только идеальный центр, отвечавший прежнему идеальному, т. е. воображаемому только, единству Германии. Франкфурт-на-Майне не является также крупным городом с большим революционным населением, которое стояло бы за Национальным собранием, частью защищая, частью толкая его вперед. В первый раз в мировой истории Национальное учредительное собрание великой нации заседает в маленьком городе. Это—наследие прежнего германского развития. В то время как французское и английское, Национальные собрания стояли на огнедышащей почве Парижа и Лондона, германское Национальное собрание должно было почитать себя счастливым, когда нашло нейтральную почву, где оно могло с полным спокойствием и невозмутимостью духа размышлять о наилучшем порядке дня и о наилучшей конституции. И все же состояние Германии в ту минуту давало ему возможность преодолеть крайне неблагоприятную внешнюю ситуацию. Ему следовало только повсеместно диктаторски вы-

ступить против реакционных посягательств уцелевших правительств, и оно завоевало бы себе такую силу в народном сознании, о которую разлетелись бы все штыки и приклады. Вместо этого оно на своих собственных глазах отдало Майнц на произвол военщины и немцев из других частей Германии, в жертву злостным придирам франкфуртских мещан. Оно наскучило немецкому народу, вместо того чтобы увлечь его за собою или быть увлеченным народным движением. Для него, правда, существует публика, которая порой еще взирает с благодушным юмором на потешные движения вновь воскресшего призрака святого римско-германского рейхстага, но для Национального собрания не существует народа, который нашел бы в его жизни отзвук собственной жизни. Далекое от того, чтобы быть центральным органом революционного движения, Национальное собрание до сих пор не было даже его эхом.

12. Фр. Энгельс о Франкфуртском парламенте.

(Из „Революции и контрреволюции в Германии“.)

Так как Австрия и Пруссия представляли собой два руководящих государства в Германии, то всякая решительная революционная победа в Вене или Берлине имела бы решающее значение для всей Германии. И, действительно, мартовские события 1848 г. в этих двух столицах определили направление всего революционного движения во всей Германии. В виду этого было бы собственно излишним касаться движения в мелких государствах, и мы могли бы ограничиться исключительно изложением австрийских и прусских дел, если бы эти мелкие государства не вызвали к жизни одно мелкое учреждение, которое уже одним своим существованием являло разительное доказательство ненормального положения Германии и незаконченности недавней революции. Это учреждение было настолько уродливо, оно занимало такое смешное положение и в то же время было столь преисполнено самомнения, что история по всей вероятности не создаст уже никогда аналогии ему. Мы говорим о так называемом германском Национальном собрании во Франкфурте-на-Майне.

После побед, одержанных народом в Вене и Берлине, созыв общегерманского представительного собрания являлся

неизбежным и само собою понятным. Были произведены выборы, и депутаты собрались во Франкфурте. Народ ожидал от Национального германского собрания, что оно урегулирует все спорные дела и будет действовать в качестве высшей законодательной власти за весь Германский союз. Но Союзный сейм, созвавший Франкфуртский парламент, нисколько не установил прав и обязанностей последнего. Никто не знал, имеют ли парламентские постановления силу закона, или нуждаются еще в санкции Союзного сейма или правительств отдельных государств. В виду такой неопределенности собрание, если бы обладало хоть каплей энергии, должно было немедленно упразднить Союзный сейм — это самое непопулярное учреждение в Германии, распустить по домам его членов и учредить избираемое из своей среды союзное правительство. Оно должно было провозгласить себя единственным законным выразителем верховной воли немецкого народа и на этом основании сообщить каждому своему постановлению силу закона. Оно должно было прежде всего иметь в своем распоряжении вооруженную организованную силу, достаточную для преодоления всякого противодействия со стороны правительств. И сделать все это было легко, очень легко в той первичной стадии революции. Но этого нельзя было ожидать от собрания, большинство которого состояло из либеральных адвокатов и доктринерствующих профессоров; от собрания, хотя и имевшего претензию представлять собою цвет немецкого ума и знания, но в действительности представлявшего лишь театральные подмостки, на которых старые отжившие политические типы обнаруживали пред взорами всей Германии свою невольную смехотворность и всю старческую немочь своего мышления и своих действий. Это собрание старых баб с первого дня своего существования гораздо более боялось малейшего народного движения, чем всех реакционных заговоров всех германских правительств, вместе взятых. И вот национальный Франкфуртский парламент попал под надзор Союзного сейма: он должен был, как милостыни, выпрашивать санкций своих постановлений со стороны Союзного сейма, так как первые парламентские постановления должны были проходить через это ненавистное учреждение. Вместо решительного заявления и укрепления своей власти, парламент умышленно избегал обсуждения опасного вопроса о своих суверенных правах. Вместо того чтобы окружить себя вооруженной народной силой, на которую он мог бы опереться, парламент мимо всех насильственных произвольных деяний правительств переходит к очередным делам. На его глазах

объявляется осадное положение в Майнце, и жители его обезоруживаются, но парламент на это ничуть не реагирует. Впоследствии Франкфуртский парламент избрал эрцгерцога Иоанна Австрийского правителем империи и объявил, что все парламентские постановления имеют силу закона. Но эрцгерцог Иоанн занял свой новый пост лишь по получении на то согласия всех союзных правительств, и утвержден он был не парламентом, а Союзным сеймом; что же касается парламентских постановлений, то более крупные правительства никогда за ними не признавали законной силы, да и сам парламент не проявлял большой настойчивости, так что вопрос этот остался открытым.

Таким образом мы видим Национальное собрание, претендовавшее на роль единственного законного представителя великой и суверенной нации, но не обладавшее никогда ни силой ни желанием осуществить свои претензии. Прения этого парламента, оставшиеся без всякого практического результата, не имели даже никакого теоретического значения, так как занимались там исключительно пережевыванием избитых общих мест устарелых философских и юридических школ; всякое суждение, которое высказывалось или, вернее, бормоталось в этом собрании, было уже давным-давно и неоднократно и бесконечно лучше приведено в печати. При таких обстоятельствах мнимая новая центральная власть в Германии оставила все по-старому. Далекая от мысли осуществить желанное объединение Германии, новая власть эта (в лице франкфуртского Национального собрания) не низложила даже ни одного из самых медких государей; она не сомкнула теснее отдельных провинций; не пыталась уничтожить таможенные перегородки, отделявшие Ганновер от Пруссии и Пруссию от Австрии; не отменила пошлин, тормозивших везде в Пруссии судоходство. Но, чем меньше Национальное собрание делало, тем больше оно шумело. Оно создало немецкий флот — на бумаге; оно присоединило Польшу и Силезию; оно заставило немецкую Австрию вести войну против Италии, но помешало Италии преследовать австрийцев в их верном убежище на немецкой территории; оно приветствовало Французскую республику, принимало венгерские посольства, которые возвращались домой с менее лестными представлениями о Германии, чем раньше, до знакомства с нею и ее представителями.

К началу революции франкфуртское собрание было страшилищем для всех германских правительств: от него ожидали совершенно диктаторского и революционного образа действий именно в силу неопределенности объема полномочий и функций парламента. Поэтому правительства

сплели обширную и сложную сеть интриг с целью ограничить влияние этого учреждения. Но они имели больше счастья, чем ума: Франкфуртский парламент действовал в интересах правительств больше, чем эти последние сами могли бы делать. К числу таких интриг относился прежде всего созыв местных представительных палат; не только мелкие государства создали свои палаты, но даже Австрия и Пруссия создали учредительные собрания. В этих палатах, как и в Франкфуртском парламенте, либеральная буржуазия или ее союзники—либеральные адвокаты и чиновники—располагали большинством, и дела в них приняли такое же направление, как и там, с тою лишь разницей, что германское Национальное собрание было парламентом воображаемой страны, так как оно отказалось создать объединенную Германию—это жизненное условие своего собственного существования; затем оно обсуждало воображаемые мероприятия им же созданного эфемерного правительства и делало постановления, не имевшие никакого реального значения. В Австрии и Пруссии, напротив того, учредительные собрания были настоящими парламентами, которые фактически свергали и назначали действительные министерства и по крайней мере на время навязывали свои постановления государям, против которых они боролись. Они также были достаточно трусливы, и им недоставало более широкого понимания революционной тактики; и они также изменили народу и снова вручили власть феодальному бюрократическому и военному деспотизму; но они по крайней мере вынуждены были обсуждать практические вопросы, представлявшие непосредственный интерес, и жить на земле среди людей, в то время как франкфуртские фразеры никогда себя не чувствовали счастливее, как витая в „воздушном царстве мечты“. Поэтому заседания берлинского и венского учредительных собраний составляют важную часть революционной истории Германии, в то время как скучные суждения франкфуртской „коллегии глупцов“ могут интересовать только собирателя литературных и антикварных диковин.

Немецкий народ, глубоко чувствовавший необходимость положить конец ненавистной территориальной раздробленности, которая разобщала и парализовала силы нации, долгое время надеялся, что франкфуртское собрание по меньшей мере положит хоть начало новой лучшей эры. Но детская тактика этого общества мудрецов скоро охладила национальный энтузиазм. Позорные происшествия, вызвавшие перемирие в Мальме (сентябрь 1848 г.), привели к взрыву народного негодования против парламента, от которого ожи-

дали, что он создаст для нации свободное и обширное поле деятельности; но, под влиянием неслыханной трусости, парламент не только не оправдал надежд, но даже восстановил и упрочил устой, на которых построена нынешняя контр-революционная система.

13. К. Маркс о крестьянской политике прусского Национального собрания.

(Из „Новой рейнской газеты“.)

Кёльн, 29 июля.

Если бы какой-нибудь житель Рейнской области забыл, чем он обязан „господству иностранцев“ и „гнету корсиканского тирана“, ему следовало бы прочесть законопроект о безвозмездной отмене различных повинностей и поборов, который г. Ганземан предложил на „обсуждение“ своим соглашателям в лето от рождества Христова тысяча восемьсот сорок восьмое. Ленная власть, чинш при аллодификации лена, наследственные пошлыны, бортнический чинш, пошлыны за печать, лучшая голова скота, курмед, защитные пошлыны и т. д. — как чуждо, как варварски звучат эти бессмысленные названия для нашего слуха, цивилизованного французско-революционным разрушением феодализма и наполеоновским кодексом! Как непонятна для нас вся эта груда средневековых повинностей и поборов, эта кунсткамера заплесневелой ветоши допотопных времен!

И все же разуй ноги, немецкий патриот, ибо ты стоишь на священной почве! Все эти варварские раритеты суть развалины христианско-германской славы, последние звенья цепи, которая тянется через всю историю и связывает тебя с величием твоих предков — до самых лесов, где жили херуски! Эта плесень, этот феодальный ил, который мы вновь встречаем здесь в классической неподдельности, являются самыми неотъемлемыми продуктами нашего отечества, и истый немец должен воскликнуть вместе с поэтом:

Ведь это же воздух отчины! Он жжет
Своею живительной силой
Мне щеки. Вся эта дорожная грязь —
Ведь грязь моей родины милой!

Когда читаешь этот законопроект, то кажется на первый взгляд, будто министр земледелия г. Гирке по приказу

г. Ганземана наносит необычайно „смелый удар“, будто он одним росчерком пера уничтожает все средневековые и, само собой разумеется, совершенно бесплатно!

Но, если глубже всмотреться в обоснование проекта, то оказывается, что оно начинается как раз с доказательства недопустимости бесплатной отмены феодальных повинностей, т. е. со смелого утверждения, которое прямо противоречит „смелому удару“.

Между этими двумя дерзаниями лавирует теперь осторожно предусмотрительно практическая нерешительность г. министра. Слева — „всеобщее благо“ и требования „духа времени“, и справа — „благоприобретенные права помещиков“, посредине „похвальная идея свободного развития сельских отношений“, воплощенная в стыдливом смущении г. Гирке, — какая группа!

Довольно. Г-н Гирке всецело признает, что феодальные повинности в общем подлежат отмене за выкуп. Тем самым сохраняют свою силу самые обременительные, самые распространенные, самые главные повинности; поскольку же они уже на практике уничтожены крестьянами, они снова будут восстановлены.

Но, — думает г. Гирке, — „если все же отдельные обязательные отношения, внутреннее обоснование которых недостаточно или дальнейшее существование которых несовместимо с духом времени и общим благом, и должны быть отменены без выкупа, то непосредственно заинтересованные в этом лица не могут не признать, что они приносят некоторые жертвы во имя не только всеобщего благополучия, но и своих собственных хорошо понятых интересов, дабы сделать мирными и дружественными отношения между правомочными и обязанными лицами и тем самым вообще сохранить за землевладением то положение в государстве, которое приличествует ему для блага целого“.

Революция в деревне состояла в фактической отмене всех феодальных повинностей. Министерство дела, которое признает революцию, признает ее в деревне так, что под сурдинку ее уничтожает. Вернуть целиком старый status quo невозможно; крестьяне тогда просто перебьют своих баронов, — это понимает и сам г. Гирке. Поэтому отменяется широковещательный список незначительных, лишь там и сям существующих феодальных повинностей, и восстанавливается главная феодальная повинность, которая выражается в одном слове — барщина.

Благодаря отмене всех своих прав, дворянство не жертвует даже и 50000 талеров в год, а спасает оно этим многие миллионы. Приятно министр надеется примириться таким

путем с крестьянами и даже заполучить в будущем их голоса на выборах в палату. И, действительно, дельце славно обделано, если только г. Гирке не обсчитался.

Таким образом были бы устранены упреки со стороны крестьян, а также со стороны дворянства, поскольку последнее учитывает правильно свое положение. Остаются еще палата да сомнения юридического и радикального педантизма. Различие между повинностями, подлежащими и не подлежащими отмене, которое есть лишь различие между изрядно обесцененными повинностями и повинностями, обладающими весьма большой ценностью, — это различие должно, для того чтобы удовлетворить палату, получить мнимое юридическое и экономическое обоснование.

Г-н Гирке обязан доказать, что подлежащие отмене повинности, во-первых, имеют недостаточное внутреннее обоснование, во-вторых — противоречат общему благу, в-третьих — требованиям духа времени и в-четвертых — что их отмена в основе не является ни нарушением права собственности ни экспроприацией без возмещения убытков. Чтобы доказать недостаточное обоснование этих поборов и повинностей, г. Гирке углубляется в самые темные области ленного права. Он притянул за волосы все развитие германского государства на протяжении целого тысячелетия, вначале очень медленное. Но разве это поможет г-ну Гирке? Чем больше он углубляется в далекое прошлое, чем больше он раскапывает залежавшийся ил ленного права, тем больше последнее обнаруживает не недостаточную, а весьма, с феодальной точки зрения, солидную обоснованность упомянутых повинностей; и несчастный министр только отдает себя на всеобщее посмеяние, когда он изо всех сил старается излагать ленное право в терминах современного гражданского права, заставляя при этом феодальных баронов XII века судить и рядить во всем подобно буржуа XIX века.

Г-н Гирке счастливо унаследовал принцип г-ну фон-Патова: безвозмездно отменить все, что вытекает из ленного господства и наследственной крепостной зависимости, все же прочее — лишь за выкуп по соглашению. Но неужто г. Гирке думает, что много надо затратить остроумия на то, чтобы доказать ему, что все подлежащие отмене (не безвозмездно) повинности точно так же проистекают „из ленного господства“?

Излишне добавлять, что г. Гирке в интересах последовательности повсюду между феодальными правовыми определениями вклинивает современные правовые понятия и в случаях крайней нужды всегда апеллирует к ним. Но, если г. Гирке мерит некоторые из этих повинностей

по масштабу современного права, то непонятно, почему это не делается по отношению ко всем повинностям; впрочем тогда барщине пришлось бы, конечно, туго от свободы личности и собственности.

Но еще хуже приходится г-ну Гирке с его различиями, когда он оперирует аргументом общественного блага и духа времени. Ведь это самоочевидно: если эти незначительные повинности стоят на пути общественного благополучия и противоречат духу времени, то в еще большей степени это приходится сказать о таких повинностях, как барщина, помочи и обработки, лаудемии и т. д. Или г. Гирке считает право ошипывать крестьянских гусей устаревшим, а право ошипывать самих крестьян (§ 1 № 14) — современным, отвечающим духу нашего времени?

Засим следует доказательство того, что соответственная отмена феодальных повинностей не нарушает права собственности. Доказательства этой вопиющей неправды можно, разумеется, приводить только для видимости и только таким путем, что дворянству внушается, будто эти права не имеют для него ценности, хотя это, разумеется, может быть доказано лишь приблизительно. Г-н Гирке перечисляет тут с величайшей тщательностью все 18 разделов первого параграфа и не замечает при этом, что в той самой мере, как ему удается доказать ничтожность, ничтожность, отсутствие всякой ценности указанных феодальных повинностей, он доказывает также ничтожность собственного законопроекта. Добрейший г. Гирке! Как неприятно пробуждать его от сладкого очарования и портить ему его архимедовско-феодалистические чертежи!

Теперь еще одно затруднение. При прежних выкупах подлежащих отмене повинностей, как и при всех выкупах, крестьяне были страшно обобранны в пользу дворянства при помощи подкупленных комиссий. Крестьяне требуют теперь пересмотра всех заключенных при старом правительстве договоров о выкупе, и они имеют на это полное право.

Но г-ну Гирке до этого никакого дела нет. Требованию крестьянства „противоречат формальное право и закон“, вообще противоречащие всякому прогрессу. Ибо всякий новый закон уничтожает старое формальное право и закон. „Последствия этого можно, — по мнению г. Гирке, — с уверенностью предсказать: для того, чтобы доставить обязанным крестьянам известные выгоды путем мероприятий, противоречащих правовым нормам всех времен (революции также противоречат правовым нормам всех времен), пришлось бы нанести неисчислимый вред значительной части землевладения в нашем государстве, а вместе с тем (!)

и самому государству!“ И тут г. Гирке с сокрушительной основательностью показывает, что подобное поведение „поставит под вопрос и потрясет все правовое положение землевладения и тем самым, в связи с еще бесчисленными процессами и издержками, нанесет землевладению — этой главной основе национального благосостояния — трудно поправимый удар“. Далее он доказывает, что „вмешательство в правовые основания и силу договоров является — де покушением на неоспоримейшие договорные отношения, которые в своих последствиях должны потрясти всякое доверие к устойчивости дворянского права и тем самым подвергнуть страшной опасности весь деловой оборот“.

Таким образом здесь г. Гирке видит вмешательство в право собственности, которое потрясло бы все правовые нормы. Но почему же, в самом деле, отмена вышеуказанных повинностей без выкупа не является таким вмешательством? Здесь налицо не только неоспоримейшие договорные отношения, но и с незапамятных времен безоговорочно осуществленное неоспоримое правомочие, тогда как в другом случае, когда дело идет о требовании пересмотра, соответственные договоры ни в коем случае не являются неоспоримыми, так как подкупы и надувательства в пользу помещиков могут быть во многих случаях документально доказаны.

Мы не можем этого отрицать: как ни незначительны отмененные повинности, отменой их г. Гирке создает „выгоды для обязанных крестьян путем мероприятий, противоречащих правовым нормам всех времен“; он „распатывает все правовые устои землевладения“, он покушается на „несомненнейшие“ права в их корне.

В самом деле, г. Гирке, стоило ли труда совершать такие прегрешения, чтобы достигнуть столь жалких результатов?

Разумеется, г. Гирке посягает на собственность, — этого отрицать нельзя. Но не на современную буржуазную собственность, а на феодальную. Этим разрушением феодальной собственности он только укрепляет буржуазную собственность, возникающую на развалинах феодальной. И он лишь потому не желает пересмотра договоров о выкупе феодальных повинностей, что посредством этих договоров феодальные отношения собственности были превращены в буржуазные и что таким образом он не может подвергнуть их пересмотру, вместе с тем формально не затрагивая буржуазной собственности. А буржуазная собственность, естественно, столь же священна и неприкосновенна, как феодальная — уязвима и прикосновенна в меру потребности и смелости господ министров.

Каков же краткий смысл длинного закона? Самое убедительное доказательство того, что германская революция 1848 г. есть лишь жалкая пародия французской революции 1789 г.

4-го августа 1789 г., спустя три недели после штурма Бастилии, французский народ в один день покончил с феодальными повинностями.

11-го июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских барикад, феодальные повинности покончили с германским народом, teste Girke cum Hansemanno (свидетели тому — Гирке с Ганземаном).

Французская буржуазия 1789 г. ни один момент не покидала своих союзников — крестьян. Она знала, что основой ее господства было разрушение феодализма в деревне, восстановление свободного, владеющего землею класса крестьян.

Германская буржуазия 1848 г. немедленно предала своих естественных союзников — крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства.

Продление, санкция феодальных прав в форме их (иллюзорной) отмены за выкуп — таков, стало быть, результат германской революции 1848 г. Вот уже подлинно — много шуму и мало толку!

14. Обращение богемского Национального комитета к императору Фердинанду.

(19 мая 1848 года.)

Ваше величество! Крик негодования раздался в Праге и прозвучал эхом по всему королевству, когда узнали о событиях, имевших место в Вене 14 и 15 числа сего месяца; богемцы, до глубины души возмущенные тем, что высокие милости, коими возлюбленный король и государь осчастливил свои народы, вместо того чтобы встретить благодарную признательность, в действительности имели последствием тяжкое нарушение конституционной свободы по отношению кверху, — богемцы соединяются в крике, который пламенем проникает в сердца: всё для нашего императора и короля Фердинанда, блага и кровь за него, милостиво даровавшего своим народам свободную конституцию, признание их национальных прав! Крепкая верностью Богемия шлет к тебе людей, ее доверием облечен-

ных, как вестников любви и привязанности нации, которая хочет вечно помнить и никогда не забудет, чем она обязана королю. Мы глубоко сожалеем, что эта нация не могла приобщиться к счастью и уже теперь восторженно приветствовать в своей среде ваше величество и послужить крепкой стеной против всякой несправедливости, против всех нападений на возлюбленного короля; мы завидуем счастливому жребию храбрых сынов Тироля. Мы все, как один человек, готовы, когда дело идет о защите короля и свободы, соперничать с испытанными тирольцами не только в любви, но и в верности и мужестве. Высоким счастьем было бы для нас, если бы лежало в пределах возможности, чтобы творец нашей свободы лично открыл первый ландтаг Богемии, с которым над нашей страной восходит новое живительное солнце свободы. Хотя уважение к свободному самоопределению вашего величества воспрещает нам высказывать эту просьбу, мы с тем большей уверенностью можем надеяться в ближайшем будущем видеть среди нас уже давшего благоприятный ответ эрцгерцога-наместника. Верные богемцы вашего величества, изгоняя от себя всякие распри, все объединяются любовью к своему королю и отечеству и хотят сохранить прочные связи со всеми, кого императорская корона Австрии объединяет в одно великое целое.

От богемского Национального комитета.

Прага, 19 мая 1848 г.

15. Постановления баденского „Временного правительства“.

(21 сентября 1848 г.)

I.

К немецкому народу!

Борьба народа с его угнетателями началась.

Даже на улицах Франкфурта, где заседает бессильное центральное правительство и словоохотливое Учредительное национальное собрание, народ расстреливается из пушек.

Лишь меч может спасти немецкий народ.

Если во Франкфурте победит реакция, Германия будет порабощена так называемым законным путем хуже, чем это бывает после кровопролитных войн.

Именем Временного правительства: *Густав Струве.*

Комендант главного штаба: *В. Лёвенфельд.*

Секретарь: *Карл Блинд.*

Леррах.

21 сентября 1848 года.

II.

Немецкая республика.

Благодеяние, образование, свобода для всех!

Именем немецкого народа Временное правительство Германии постановляет:

§ 1. Все лежащие на земле средневековые тяготы, как и все средневековые личные повинности, десятины, оброки, барщина и т. п., отменяются немедленно без всякого возмещения. Всевозможные откупные и выкупные платежи за подобные повинности тоже прекращаются.

§ 2. Все платежи государству, церкви и дворянам-землевладельцам отныне прекращаются. Подоходный прогрессивный налог, исключаящий недостаточное население, заменит отныне всякие подати; лишь таможенные пошлины на границах Германии останутся еще на некоторое время.

§ 3. Вся земля, принадлежащая государству, церкви и приверженцам князей, конфискуется, при условии позднейшего вознаграждения, и переходит в собственность соответствующих общин.

§ 4. Для обеспечения всех вышеперечисленных льгот назначается всеобщее народное восстание. Все мужчины, способные носить оружие, в пределах 18—40-летнего возраста, возьмутся за оружие для защиты отечества, находящегося в опасности.

С сегодняшнего дня господствуют законы военного времени; пока немецкий народ не завоеует себе свободы.

Именем Временного германского правительства:

Густав Струве.

Секретарь: *Карл Блинд.*

Главный штаб Леррах.

В первый день Немецкой республики,
21 сентября 1848 г.

16. Манифесты императора Фердинанда.

I.

Манифест австрийского императора 16 октября 1848 г.

К моим народам!

Когда предерзостные деяния, совершенные в Вене 6 октября, заставили меня покинуть город, превратившийся в вертеп самых диких и презренных страстей, я еще мог предаваться надежде, что преступное помешательство части венского населения не будет продолжительным. Я мог

ожидать от столь здравого и примерного вообще смысла жителей моей столицы, что они окажут посильное содействие тому, чтобы в кратчайшее время восстановить уважение к забытым законам, подвергнуть преступников заслуженной каре и водворить в городе нарушенную безопасность для жизни и собственности.

Это ожидание было обмануто. Не только потому, что зачинщикам мятежа в Вене, посредством террора, которому в истории существует лишь один равный пример, удалось укрепить свою узурпированную власть над отчасти парализованным от страха, отчасти погруженным в дикий угар городом и таким образом предотвратить в стенах Вены возвращение к законности; нет, и за стенами города с возрастающим успехом распространялись зловредные проявления их анархических стремлений.

С соседней провинцией, находящейся в открытом восстании, были завязаны изменнические сношения; по всем частям моего государства были разосланы гонцы, дабы под лицемерным предлогом, будто бы дело идет о защите угрожаемой свободы, даже там, где порядок до сих пор не был нарушен, воздвигнуть знамя бунта и предать ужасам анархии, гражданской войны и гибели мои неизменно мирные земли, жаждущие законного развития свободы.

Со дня моего восшествия на трон благо моих народов было задачей моей жизни. Это некогда засвидетельствует история моего правления, история последних семи месяцев в особенности. Но было бы равносильно измене возложенному на меня провидением долгу, если бы я стал далее терпеть крамолу, которая ведет трон и монархию к краю гибели и, на место предоставленной мною конституционной свободы, стремится создать состояние безграничного господства насилия.

Памятуя сей долг, я с сердцем, обливающимся кровью, вижу себя вынужденным выступить как в моей столице, так и повсюду, где проявится мятеж, бесстрашно подъемлющий теперь свою главу, и бороться с ним, пока он не будет совершенно раздавлен, пока не восстановится порядок, спокойствие и законность и пока не будут преданы в карающую руку закона убийцы моих верных слуг: графов Ламберга и Латура.

Дабы достигнуть этой цели, я из различных частей монархии посылаю боевые силы против Вены, центра восстания, и возлагаю на моего фельдмаршала-лейтенанта князя фон-Виндишгреца главное командование всеми войсками во всех моих государствах...

В то же время я снабжаю поименованного князя соответствующими полномочиями, дабы он, по своему собственному усмотрению, мог в возможно короткое время завершить дело мира в моей империи.

По подавлении вооруженного восстания и восстановлении спокойствия, задачей моего министерства будет, по соглашению с членами Учредительного рейхстага, урегулировать прессу, ведущую себя до сих пор с необузданным злоупотреблением, право союзов и народное ополчение и создать таким образом состояние, которое, не посягая на свободу, должно обеспечить закону силу и уважение.

Возвещая моим народам эти постановления, принятые мною с неуклонною решительностью в сознании моих обязанностей и моих прав, я уповаю на искреннее и энергичное содействие всех, кому дороги благо императора, их отечества, их семей и истинная свобода и кто увидит в моем теперешнем решении единственный путь для того, чтобы предохранить монархию от распада, а самих себя от ужасов анархии и разложения всех общественных связей.

Фердинанд.

II.

Манифест австрийского императора 25 октября 1848 года.

Прибыв в Ольмюц, куда я собирался на некоторое время и прежде, я испытываю в своем отеческом сердце потребность сказать о тех приятных доказательствах верной привязанности, которые я повсюду получал от народа во время путешествия сюда. Если же я ехал окруженный солдатами, то это потому, что по стране бродили по всем направлениям злоумышленники и я не мог быть повсюду окружен моим верным народом.

Жители моих государств! Верьте вашему императору — ваш император верит вам!

Свободы, которые вам обещаны, как-то: уничтожение барщины, десятины и т. д., будут выполнены. Я напоминаю вам о моем императорском слове, которое я неоднократно словесно давал вам во время своего путешествия.

Я твердо решил сохранять для вас эти свободы.

Поэтому будьте спокойны и не заботьтесь, мои верные поселяне.

Если появятся люди, которые слово вашего императора будут унижать в ваших глазах, то рассматривайте их

как изменников по отношению ко мне и по отношению к вашему собственному благополучию и не соглашайтесь с ними.

Подписал: *Фердинанд.*

Скрепил: *Вессенберг.*

17. Адрес Виндишгрецу гильдии крупных торговцев после 31 октября 1848 г.

С глубочайшим почтением являемся мы перед вашей княжеской светлостью, чтобы принести вашей светлости нашу глубокую благодарность за восстановление законного порядка и спокойствия, чем единственно гарантируется безопасность личности и имущества граждан.

Этими неоценимыми благами, величайшее значение коих в полном объеме в особенности могли оценить мы в нашей промышленной и торговой деятельности, этими великими благами и их восстановлением мы обязаны вам, светлейший князь, освободителю всех благонамеренных от темной ночи анархии, из оков террористической партии, которая поклялась погубить всех граждан.

Не мы одни: наши семьи и родственники одушевлены одинаковым чувством благодарности. Все они, вместе с нами, благословляют тот день, когда ваша светлость вступила в Вену с вашими победоносными войсками.

Овладев этим городом, вы, ваша княжеская светлость, спасли вместе с тем и Австрийскую монархию от распада и обеспечили ей прочность.

История сохранит для грядущего потомства прославленное имя полководца, который в своем управлении был так справедлив, как великодушен в победе.

18. Из письма Фридриха-Вильгельма IV к Бунзену.

(13 декабря 1848 г.)

Мой дорогой Бунзен.

Ваши последние письма окончательно убеждают меня в том, что я заметил еще в Брюле и что всеми силами старался предупредить, а именно—что в Германиаде мы не понимаем друг друга или, вернее, вы не можете меня

понять. Это тяжелый упрек, я чувствую, но друг должен снести его от друга. Я понимаю вас и ваши резоны, но вы не понимаете моих, иначе вы не могли бы так писать, т. е. вы не смотрели бы так легко на абсолютные препятствия, стоящие между мной и этой императорской короной. Вы говорите (точь-в-точь так же, как говорил мне господин Гагерн 26 и 27 числа прошлого месяца): „Вы хотите согласия князей; хорошо, вы будете его иметь!“

Но, мой дорогой друг, в этом-то и загвоздка. Я не хочу ни согласия князей на это избрание ни этой короны. Понятны вам подчеркнутые слова?

Я хочу разъяснить вам это как можно короче и как можно ярче.

Эта корона, во-первых, вовсе не корона. Корона, которую мог бы принять Гогенцоллерн, если бы обстоятельства это позволили, не может быть делом рук собрания, хотя и признанного князьями, но выросшего на почве революции, вроде дарованной улицей короны Луи-Филиппа; такая корона должна носить на себе печать божью, должна, после священного миропомазания, делать того, на кого она возложена, императором „милостью божиею“, как она уже раньше сделала более чем 34 князей королями немцев „милостью божиею“, присоединяя каждого из них к ряду предшественников. Корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены и Габсбурги, мог бы одеть на себя и Гогенцоллерн, она принесла бы ему величайшую честь своим тысячелетним блеском. Но та корона, которую вы, к сожалению, предлагаете, принесла бы величайшее бесчестье со своим привкусом революции 1848 года, этой отвратительнейшей, глупейшей и сквернейшей, хотя, благодарение богу, и не злейшей из революций нынешнего столетия. И такую-то корону из грязи и глины вы предлагаете надеть законному королю пруссаков, которого бог благословил носить, если не самую древнюю, то во всяком случае самую благородную корону, никогда еще не попадавшую в руки вора!

Спросите свое собственное сердце, дорогой Бунзен! Что сказали бы вы, старый член прусского дипломатического корпуса и мой действительный тайный советник, следовательно облеченный придворным званием,—что сказали бы вы, если бы, вернувшись в Корбах, получили от вальдекского суверенного собрания титул превосходительства? Вот вам точная картина моего положения vis-à-vis Гагерна и его фракции. Вы, конечно, со всею деликат-

ностью написали бы суверенным вальдекам: „Вы сами не обладаете тем, что хотите мне дать, я же имею уже это из более надежного источника!“ Именно так отвечу и я... Я говорю вам прямо. Если тысячелетняя корона немецкой нации, отдохавшая 42 года, должна быть снова кому-либо дарована, то лишь я и равные мне могут ее даровать. И горе тому, кто присваивает себе то, что ему не принадлежит!

19. Речь председателя Франкфуртского парламента Симсона и ответ на нее Фридриха - Вильгельма IV.

(3 апреля 1849 г.)

Речь Симсона.

Немецкое Учредительное национальное собрание, созванное весной прошлого года по единодушному желанию государей и народов Германии для составления немецкой конституции, в среду 28 марта 1849 г., по объявлении прошедшей во втором чтении немецкой имперской конституции, передало основанное на этой последней наследственное императорское достоинство его величеству королю прусскому. Приэтом оно выразило твердую уверенность, что короли и народы Германии великодушно и патриотически, в согласии с Национальным собранием, будут всеми силами стремиться к осуществлению принятых собранием решений. Затем оно поставило избранного императора при посредстве выбранной из своей среды депутации почтительнейше просить принять выпавшее на него избрание на основе конституции. Во исполнение этого поручения пред вашим величеством стоят председатель имперского собрания и 32 его члена в почтительной уверенности, что ваше величество успокоит своим благословенным решением о приведении в счастливое исполнение одушевленные желания родины, которая избрала ваше величество главой империи, как охрану и опору ее единства, свободы и могущества.

Ответ короля.

Господа! Известие, с которым вы ко мне прибыли, глубоко меня тронуло. Вы обратили мой взор на царя царей и на те священные и неприкосновенные обязанности,

которые лежат на мне, как на короле моего народа и как на одном из могущественнейших немецких государей. Этот взор, господа, делает глаз чистым и сердце верным. В постановлении немецкого Национального собрания, которое вы, господа, передали мне, я признаю голос представителей немецкого народа. Этот призыв дает мне права, которые я умею ценить. Он требует от меня, если я ему последую, неизмеримой жертвы. Он налагает на меня тяжкие обязанности. Немецкое Национальное собрание положило на меня там, где дело идет об основании единства и силы Германии. Я уважаю его доверие, передайте ему от меня благодарность за него. Я готов доказать на деле, что те люди, которые в основу своей уверенности в общем немецком отечестве полагают мою преданность, мою верность, мою любовь, — эти люди не ошиблись. Но, господа, я не оправдал бы вашего доверия, не соответствовал бы духу немецкого народа, не совершил бы объединения Германии, если б я захотел, пренебрегну священными правами и прежними ясными и торжественными обещаниями, принять, без свободного согласия коронованных правителей, князей и вольных городов Германии, такое решение, которое и само по себе и по вытекающим из него для немецких народов последствиям имеет важное значение. Поэтому теперь следует обратиться к правительствам отдельных немецких государств и разузнать в общем обсуждении, будет ли полезна конституция для отдельных государств, как она полезна для целого, и есть ли возможность, при врученных мне правах, твердою рукой, как того требует от меня подобное служение, руководить судьбами великого немецкого отечества и исполнить надежды его народов. Однако пусть Германия знает о том, и вы, господа, сообщите об этом повсюду: если она будет нуждаться в прусском щите и мече против внешних или внутренних врагов, то я, без всякого зова, не буду отсутствовать. Я пойду по пути моего дома и моего народа, по пути немецкой чести и верности.

20. Постановление конгресса рейнских общинных советов.

(8 мая 1849 г.)

Так как прусское правительство распустило вторую палату после того, как она высказалась за безусловное принятие имперской конституции 28 марта сего года,

и тем похитило у народа его представительство и право голоса в нынешний решающий момент, нижеподписавшиеся представители городов и общин Рейнской провинции собрались, чтобы посоветаться о нуждах отечества.

Собрание, под председательством городских гласных Целя из Трира и Вернера из Кобленца и при секретарях — городских гласных Беккере из Кельна и Блеме II из Дюсельдорфа, постановило следующее:

1. Оно заявляет, что признает конституцию Германской империи в том виде, как она провозглашена имперским собранием 28 марта сего года, окончательным законом и в затеянном прусским правительством конфликте становится на сторону германского имперского собрания.

2. Собрание призывает все население рейнских областей и, в частности, способных к ношению оружия мужчин выносить маленькими или большими группами коллективные заявления о своем долге и непреклонной воле сохранить германскую имперскую конституцию и следовать ее постановлениям.

3. Собрание требует от германского имперского собрания возможно скорее принять действительные меры, которые могли бы придать сопротивлению народа в отдельных германских государствах и, в частности, в Рейнской провинции то единство и мощь, которые одни только в состоянии парализовать хорошо организованную контрреволюцию.

4. Оно требует от имперского правительства возможно скорее привести имперские войска к присяге конституции и распорядиться об их сокращении.

5. Нижеподписавшиеся обязываются всеми предоставленными им средствами придать имперской конституции силу в пределах их общин.

6. Собрание считает безусловно необходимым отставку министерства Бранденбурга-Мантейфеля и созыв палаты без изменения существующего избирательного закона.

7. В особенности усматривает оно ненужную и в высшей степени опасную для внутреннего мира меру в недавно последовавшем частичном призыве земского ополчения и ожидает немедленной его отмены.

8. Нижеподписавшиеся выражают наконец свое убеждение в том, что отказ принять во внимание содержание настоящего заявления может угрожать большими опасностями отечеству и может даже оказаться опасным для сохранения Пруссии в ее теперешнем составе.

Постановлено 8 мая 1849 г. в Кельне. (Следуют подписи.)

21. Белый террор в Бадене.

(Из правительственных извещений.)

1.

Иоганн-Людвиг-Максимилиан Дорту из Потсдама, бывший сверхштатный королевско-прусский чиновник и унтер-офицер 24 полка ландвера, по случаю государственного переворота, имевшего место в мае сего года, прибыл в эту страну и при наступлении прусской королевской армии с оружием в руках враждебно противостоял полкам своего собственного законного государя и военачальника, своим собственным братьям по оружию и землякам. 11 июля сего года он был предан военному суду по обвинению в военной измене. Вынесенный судом приговор вчера утвержден мною в той форме, что обвиняемый в военной измене, по разжаловании в нижние чины, понижении во второй класс солдатского звания и лишении национальной кокарды, подлежит смертной казни через расстреляние. Этот приговор, по вступлении в законную силу, сегодня в 4 часа приведен над осужденным в исполнение близ Вирского кладбища, о чем сим доводится до общего сведения.

Командующий первого армейского корпуса действующей на Рейне королевско-прусской армии
генерал фон-Гиршфельд.

Главный штаб Фрейбург,
31 июля 1849 года.

2.

Фридрих Нефф из Рюмингена в великом герцогстве Баденском, 28 лет от роду, холост, принимал участие сочинениями и делами уже в прежних государственно-изменнических предприятиях; в частности, при совершенной Струве в сентябре прошлого года попытке переворота, выделился ограблением государственных касс и другими преступлениями. За соучастие в третьем государственно-изменническом предприятии в мае сего года, по распоряжению великогерцогского военного министерства, предан здешнему военному суду. Главное его преступление заключается в том, что он призвал из-за границы в великое герцогство немецких эмигрантов для поддержки революции, организовал их и с 5 по 29 июня, в качестве военного комиссара, вооруженный, совершил с ними военный поход через Гейдельберг, Шенау, Геддесбах в Дуглах и Рапштат. По воспоследовавшем военно-судебном разбирательстве военный

суд в публичном заседании 8 августа сего года постановил: Фридрих Нефф из Рюмингена, как инициатор и соучастник государственно-изменнического мятежа, вспыхнувшего в мае сего года в великом герцогстве Баденском, подлежит смертной казни через расстреляние. Этот приговор сегодня в 4 часа утра приведен в исполнение перед воротами города.

Фон-Гиллерн, майор и командир 8 егерского батальона,
председатель военного суда.

Бахелин, следственный судья.

Фрейбург,
9 августа 1849 года.

3.

Карл Гефер, родом из Бремена, округа Герлахсгейм, учитель народной школы в Альтнейдорфе, добровольно принял участие в последнем восстании как предводитель первой дружины Альтнейдорфа, Геддесбаха, Бромбаха и окрестных мест. Между прочим, вечером 21 июня он повел эту дружину вместе с инсургентами к Гейлигенбергу (близ Гейдельберга) против королевско-прусских войск, а когда она хотела отступить перед близко надвинувшейся опасностью, попытался речью воспламенить ее к наступлению; при посредстве инсургентов, которых он поставил в тылу с приказанием стрелять в отступающих, принудил ее к битве и дал упомянутым войскам сражение, в котором из его дружины два человека были ранены и один убит. Поэтому Карл Гефер, после публичного и гласного разбирательства, приговором военного суда признан вчера виновным в сопротивлении войскам, а также в призыве к этому, и приговорен к смертной казни через расстреляние. Этот приговор приведен в исполнение в тот же день, в 7³/₄ часов вечера.

От имени следственной комиссии военного суда:

Фон-Гиллерн.

Маннгейм,
17 августа 1849 года.

4.

Извещение. Бывший профессор и ополченец в войсках инсургентов Иоганн-Готфрид Кинкель из Бонна, так как он с оружием в руках сражался в рядах баденских инсургентов против прусских войск, приговором

заседавшего в Рапштатте военного суда приговорен к лишению прусской национальной кокарды и, взамен смертной казни, лишь к пожизненному заключению в крепости. Для проверки законности этот приговор был отправлен мною королевскому генеральному аудиторату и, как противозаконный, представлен последним для отмены его величеству королю. Их величество из милости соизволили однако утвердить приговор, повелев, чтобы Кинкель назначенное ему наказание — заключение в крепости — отбыл в гражданской тюрьме. Согласно сему высочайшему повелению приговор военного суда утверждается мною в следующем виде: за военную измену Кинкель подвергается наказанию лишением прусской национальной кокарды и пожизненным заключением в крепости, подлежащим отбытию в гражданской уголовной тюрьме, а для приведения приговора в исполнение предписывается поместить осужденного в каторжную тюрьму, о чем сим доводится до общего сведения.

Командующий первого армейского корпуса действующей на Рейне королевско-прусской армии
генерал фон-Гиршфельд.

Фрейбург,
30 сентября 1849 года.

22. Требования коммунистической партии в Германии.

(Март 1848 г.)

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

1. Вся Германия объявляется единой нераздельной республикой.

2. Всякий немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если только он не подвергался уголовному наказанию.

3. Народные представители получают вознаграждение, чтобы и рабочие имели возможность заседать в парламенте германского народа.

4. Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не просто потребляло, как было раньше, но производило бы больше, чем составляют издержки по его содержанию.

жанию. Кроме того, это является средством организации труда.

5. Бесплатность судопроизводства.

6. Все феодальные повинности, все оброки, бенефиции, десятины и т. д., до сих пор тяготеющие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

7. Имена государей и прочие феодальные имения, все рудники, копи и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях, в интересах всего общества, ведется хозяйство в крупном масштабе и при помощи наиболее современных вспомогательных средств, даваемых наукой.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются государственной собственностью. Проценты по этим ипотекам крестьяне уплачивают государству.

9. В тех областях, где развита аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству в виде налога.

Все эти меры, указанные в 6, 7, 8 и 9 пп., проводятся с тою целью, чтобы уменьшить общественные и прочие повинности крестьян и мелких арендаторов, не уменьшая средств, необходимых для покрытия государственных расходов и не создавая опасности для самого производства.

Собственно земельный собственник, не являющийся ни крестьянином ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому его потребление — просто злоупотребление.

10. На место всех частных банков выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс.

Эта мера делает возможным регулирование всего кредитного дела в интересах всего народа и таким образом подрывает господство крупных собственников денег. Мало-помалу замещая золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного оборота, всеобщее средство обмена, и позволяет направить действие золота и серебра на внешние отношения. Эта мера в конце концов необходима для того, чтобы приковать к правительству интересы консервативных буржуа.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта: железные дороги, каналы, пароходы, гужевые дороги, почту и т. д. Они обращаются в государственную собственность и бесплатно отдаются в распоряжение неимущего класса.

12. В вознаграждении всех государственных чиновников не будет никаких различий кроме того, что семейные,

т. е. лица с большими потребностями, будут получать и большее вознаграждение, чем остальные.

13. Полное отделение церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение усиленно прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления.

16. Устройство национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим существование и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее и бесплатное народное образование.

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянского сословия — со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им как производителям всех богатств.

Комитет: *Карл Маркс.*

Карл Шаппер.

Г. Бауэр.

Ф. Энгельс.

И. Молль.

В. Вольф.

23. К. Маркс о роли крупной буржуазии в германской революции.

(Из „Новой рейнской газеты“.)

Кельн, 6 ноября.

Хорватская свобода и порядок победили и отпраздновали свою победу поджогами, изнасилованиями, грабежами и другими несказанно-отвратительными преступлениями. Вена находится в руках Виндишгреца, Елачича и Ауэрсперга. Гекатомбы человеческих жертв кидаются в могилу престарелого предателя Латура.

Все мрачные предсказания нашего венского корреспондента оправдались, и он сам, быть может, уже убит сейчас.

Короткое время мы надеялись на освобождение Вены венгерскими вспомогательными войсками, и движения венгерской армии представляются нам еще загадочными.

Предательство всякого рода подготовило падение Вены. Вся история рейхстага и общинного совета после 6 октября есть непрерывная история предательства. Кто был представлен в рейхстаге и общинном совете? Буржуазия.

С самого начала октябрьской революции одна часть венской национальной гвардии открыто стала на сторону камарильи. А к исходу октябрьской революции мы видим другую часть национальной гвардии в борьбе против пролетариата и академического легиона, в тайном соглашении с королевскими бандитами. Кому принадлежат эти части национальной гвардии? Буржуазия.

Кто убегал толпами из Вены и предоставлял охрану покинутых богатств великодушию народа, чтобы потом поносить последний за его сторожевую службу во время бегства и по возвращении смотреть, как его убивают? Буржуазия.

Чьи глубочайшие секреты выдает термометр, который падал при всяком выявлении жизни венского народа и поднимался при всяком его предсмертном хрипении? Кто говорит на таинственном языке биржевых курсов? Буржуазия.

„Германское Национальное собрание“ и ее „центральная власть“ предали Вену. Кого они представляют? Прежде всего буржуазию.

Победа „хорватского порядка и свободы“ под Веной была обусловлена победой „благородной“ республики в Париже. Кто победил в июньские дни? Буржуазия.

Своей победой в Париже европейская контр-революция начала справлять свои оргии.

В февральские и мартовские дни вооруженная сила была повсюду разбита. Почему? Потому что она никого не представляла, кроме правительств. После июньских дней она всюду победила, ибо буржуазия находится в тайном соглашении с нею, сохраняя, с другой стороны, в своих руках официальное руководство революционным движением и пуская в ход все те полумеры, естественным плодом которых является выкидыш.

Но во Франции буржуазия выступила во главе контр-революции после того, как она сбросила все препоны, стоявшие на пути к господству ее собственного класса. В Германии она придавлена абсолютной монархией и феодализмом, еще не успев обеспечить даже первые жизненные

условия своей собственной буржуазной свободы и власти. Во Франции она выступила в качестве деспота и проделала свою собственную контр-революцию. В Германии она выступает в качестве рабыни и проделывает контр-революцию своих собственных деспотов. Во Франции она победила для того, чтобы унижить народ. В Германии она унижает себя для того, чтобы народ не победил. Вся история не знает более позорной и жалкой роли, чем роль германской буржуазии.

*

Кельн, 9 декабря.

...Господам из либеральной оппозиции бросали упрек в том, что они изменили после мартовской революции своим принципам. Это ошибка.

Крупные землевладельцы и капиталисты, которые одни только были представлены в Соединенном ландтаге, словом— представители золотого мешка, разбогатели и стали более образованными. С одной стороны, с развитием буржуазного общества в Пруссии, т. е. с развитием промышленности, торговли и земледелия, старые сословные различия потеряли свою материальную основу. Само дворянство в значительной мере прониклось буржуазным духом. Вместо верности, любви и веры, оно начало интересоваться прежде всего свекловицею, водкою и шерстью. Главным местом состязания для него стал шерстяной рынок. С другой стороны, абсолютистское государство, у которого ход развития вырвал из-под ног его старую общественную основу, превратилось в сковывающие цепи для нового буржуазного общества с его изменившимся способом производства и изменившимися потребностями. Буржуазия должна была заявить притязание на участие в политической власти, хотя бы ради своих материальных интересов. Она одна только была способна удовлетворять надлежащим образом свои торговые и промышленные потребности. Она должна была взять управление этими ее „священнейшими интересами“ из рук отжившей свое время бюрократии, столь же невежественной, как и высокомерной. Она должна была потребовать контроля над государственным достоянием, творцом которого она себя считала. Отняв у бюрократии монополию так называемого образования и сознавая свое значительное превосходство над нею в действительном понимании потребностей буржуазного общества, она стремилась также завоевать политическое положение, соответствующее ее общественному положению.

Для достижения своей цели она должна была иметь возможность свободно обсуждать свои собственные интересы, взгляды и действия правительства. Это она называла „свободой печати“. Она должна была иметь возможность свободно собираться—это она называла „свободой собраний“. Также должна была она добиваться свободы совести и тому подобных свобод, как необходимого следствия свободной конкуренции. И накануне марта 1848 года прусская буржуазия уже видела близкое осуществление своих желаний.

Прусское государство испытывало финансовые затруднения, его кредит был исчерпан. В этом заключался секрет созыва Соединенного ландтага. Правда, правительство сопротивлялось своей судьбе, оно грубо распустило Соединенный ландтаг, но нужда в деньгах и отсутствие кредита неизбежно привели бы его в объятия буржуазии. Подобно феодальным баронам, короли божьей милостью издавна обменивали свои привилегии на наличные деньги. Освобождение крепостных представляло первый великий акт, а конституционная монархия—второй великий акт этой исторической сделки во всех христианско-германских государствах. *L'argent n'a pas de maître*, но *maîtres* перестают быть *maîtres*, как только они *démonétisés* (вышли в тираж).

Итак, либеральная оппозиция в Соединенном ландтаге представляла собой не что иное, как оппозицию буржуазии против формы правительства, уже не удовлетворявшей ее интересам и потребностям. Для того, чтобы стать в оппозицию ко двору, она должна была снискать расположение народа.

Она, быть может, действительно вообразила, что делала оппозицию для народа.

Естественно поэтому, что она могла добиваться от правительства прав и свобод, которых она добивалась для себя, лишь под фирмой прав и свобод для народа.

Эта оппозиция, как уже сказано было, видела перед собою радужные перспективы, когда разразилась февральская гроза.

*

Кельн, 11 декабря.

Прусская буржуазия была брошена на вершину государственной власти, но не как она хотела—путем мирной сделки с короною, а благодаря революции. Не свои собственные интересы, а интересы народа она должна была

теперь защищать против короны, т. е. против себя самой, ибо ей расчистило дорогу народное движение. Но корона в ее глазах представляла только божественную ширму, за которую должны были скрываться ее собственные земные интересы. Неприкосновенность ее собственных интересов и соответствующих им политических форм должна была означать в переводе на конституционный язык: неприкосновенность короны. Отсюда мечты немецкой и особенно прусской буржуазии о конституционной монархии. Поэтому, хотя февральская революция вместе со своими отголосками в Германии была выгодна для прусской буржуазии, так как она бросила в ее руки руль государственного корабля, но вместе с тем путала ее расчеты, так как власть ее была связана с такими условиями, которых она не хотела и не могла выполнить.

Буржуазия не двинула и пальцем. Она позволила народу бороться за нее. Поэтому преданная ей власть представляла собой не власть полководца, победившего своего противника, а власть Комитета безопасности, которому победоносный народ доверил охрану своих собственных интересов.

Кампгаузен еще чувствовал все неудобства такого положения, и вся слабость его министерства проистекает из этого чувства и обстоятельств, которыми оно было вызвано. Нечто вроде краски стыда окрашивает поэтому самые бесстыдные акты его управления. Откровенное бесстыдство составляло привилегию Ганземана. Красный колорит представлял единственную разницу между этими двумя художниками.

Не надо смешивать прусскую мартовскую революцию ни с английской революцией 1648 г. ни с французской 1789 г.

В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви.

В 1789 г. буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви.

Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 г. — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению с своими прообразами, не только хронологически, но и по существу.

В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных

от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельного развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 г. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии—абсолютизмом, феодализмом и филистерством.

Революции 1648 и 1789 г. не были английскою и французскою революциями; это были революции европейского масштаба. Они представляли не победу одного определенного класса общества над старым политическим строем, они провозглашали политический строй нового европейского общества. Буржуазия победила в них; но победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями.

Революция 1648 г. представляла победу семнадцатого века над шестнадцатым, революция 1789 г. — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали еще больше потребности тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции.

Ничего подобного не было в прусской мартовской революции.

Февральская революция уничтожила конституционную монархию на деле и власть буржуазии в идее. Прусская мартовская революция должна была установить конституционную монархию в идее и власть буржуазии на деле. Далекая от того, чтобы стать европейской революцией, она представляла собою только хилый отголосок европейской революции в отсталой стране. Вместо того чтобы опередить свой век, она отставала от него более чем на полстолетие. Она с самого начала была рецидивом, а ведь известно, что рецидивы труднее поддаются лечению и вместе с тем больше разрушают организм, чем первоначальная болезнь. Дело шло не о создании нового общества, а о возрождении в Берлине общества, почившего в Париже. Прусская-мартовская революция не была даже национальною, германскою, она с самого начала была провинциально-прускою. Венское, кассельское, мюнхенское и всякого

рода другие провинциальные восстания протекали рядом с нею и оспаривали у нее первенство.

В то время как революции 1648 и 1789 годов были преисполнены безграничным чувством гордости оттого, что они были венцом творения, честолюбие берлинцев 1848 г. состояло в том, что они представляют анахронизм. Их свет был подобен свету тех звезд, который доходит до жителей земли спустя 100000 лет после того, как погасло испускавшее его светило. Прусская мартовская революция представляла в миниатюре подобную звезду для Европы. Ее свет был светом давно уже истлевшего общественного трупа.

Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящею пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату. Она видела враждебными себе не только класс позади себя, но и всю Европу перед собою. В отличие от французской буржуазии 1789 г., прусская буржуазия не была тем классом, который защищает все современное общество против представителей старого общества—монархии и дворянства. Она опустилась до уровня какого-то сословия, противостоящего и короне и народу, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованными представителями старого общества, ибо она сама принадлежала к старому обществу; она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества; она стояла у руля революции не потому, что за нею стоял народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя; она находилась во главе не потому, что представляла инициативу новой общественной эпохи, а только потому, что представляла недовольство старой общественной эпохи; то был слой старого государства, который сам не пробил себе дороги, но силою землетрясения был выброшен на поверхность нового государства. Без веры в себя самое, без веры в народ, брющащая против высших, дрожащая перед низшими, эгоистическая по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам, не доверяющая своим собственным лозунгам, имеющая фразы вместо идей, напу-

ганная мировой бурей и эксплуатирующая эту бурю, лишенная энергии и прибегающая к плагиату во всех направлениях, пошлая, ибо она не была оригинальной, оригинальная только в пошлости, вступающая в сделку со своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания; проклинаемый всеми старец, который видит себя осужденным на то, чтобы, в интересах своей собственной дряхлости, руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их, старец, потерявший зрение, слух, зубы, потерявший все, — такую очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля Прусского государства.

24. Обращение ЦК Союза коммунистов.

(Март 1850 г.)

Братья! В два революционных года, 1848—1849, Союз выдержал испытание в двояком смысле: прежде всего в том, что члены его повсюду энергично бросались в движение, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительного класса, пролетариата. Союз далее выдержал испытание и в том смысле, что понимание движения, как оно было изложено в циркулярах конгресса и Центрального комитета 1847 года и в „Коммунистическом манифесте“, оказалось единственно правильным и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а тайно пропагандировавшееся в предыдущее время Союзом понимание современного общественного положения — теперь на устах народов и публично проповедуется на площадях. В то же время прочная организация Союза значительно распаталась. Большая часть его членов, непосредственно участвовавших в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины ослабили и мало-по-малу порвали связи с Центральным комитетом. Следовательно, в то время как демократическая партия мелкой буржуазии все больше организовалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную точку опоры, в лучшем случае осталась организованной в отдельных местностях и для местных целей и благодаря этому оказалась в общем движении совершенно под господством и руководством мелкобуржуазных демократов.

Такому положению необходимо положить конец: самостоятельность рабочих должна быть восстановлена. Центральный комитет понял эту необходимость и потому уже зимой 1848—1849 г. отправил эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Влияние миссии Молля не было однако длительным, отчасти потому, что германские рабочие тогда еще не имели достаточного опыта, отчасти же потому, что эта миссия была прервана восстанием прошлого мая. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцкую армию и 19 июля пал в столкновении при Мурге. В его лице Союз потерял одного из самых старых, самых деятельных и надежных членов, участвовавшего во всех конгрессах и центральных комитетах и уже раньше выполнившего с большим успехом ряд поездок с определенными поручениями. После поражения революционных партий Германии и Франции в июле 1849 г. почти все члены Центрального комитета опять собрались в Лондоне и, пополнив свой состав новыми революционными силами, с обновленным рвением приступили к реорганизации Союза.

Реорганизация Союза может быть проведена только через эмиссара, и Центральный комитет считает в высшей степени важным, что эмиссар отправляется в такой момент, когда предстоит новая революция, следовательно—когда рабочая партия должна выступить по возможности организовано, солидарно и самостоятельно, чтобы буржуазия не сумела вновь использовать ее и взять на буксир, как было в 1848 году.

Мы говорили вам, братья, уже в 1848 году, что германские либеральные буржуа скоро придут к господству и тотчас же обратят свою только что завоеванную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 года немедленно захватили государственную власть и воспользовались этой властью для того, чтобы тотчас же отбросить рабочих, их союзников по борьбе, в прежнее угнетенное положение. Если буржуазия не могла этого достигнуть, не вступив в союз с устраненной в марте феодальной партией, то она все же обеспечила себе условия, которые, в виду финансовых затруднений правительства, представляли бы ей господство на долгое время и гарантировали бы ее интересы в том случае, если бы оказалось возможным, чтоб революционное движение уже теперь вступило на путь так называемого мирного развития. Для обеспечения своего господства буржуазии даже не понадобилось бы вызвать против себя ненависть насильственными мероприятиями против народа, потому что все эти насильственные шаги

сделала феодальная контр-революция. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Напротив, революция, которая ускорит развитие, близка, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата, или вторжением Священного союза в революционный Вавилон.

И роль, которую германские либеральные буржуа 1848 года играли по отношению к народу, — эту самую предательскую роль в предстоящей революции возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, как либеральные буржуа до 1848 года. Эта демократическая партия, которая много опаснее для рабочих, чем прежние либералы, состоит из троякого рода элементов:

I. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предложившими отказ в платеже налогов.

II. Из демократически-конституционных мелких буржуа, главной целью которых в предшествовавшем было создание более или менее демократического союзного государства в том виде, как оно отстаивалось их представителями — левой франкфуртского собрания, а позже штутгартским парламентом и ими самими — в кампании за имперскую конституцию.

III. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является Германская федеративная республика, подобная Швейцарской, и которые теперь называют себя красными и социал-демократами потому, что они питают благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий и давление крупного буржуа на мелкого. Представителями этой фракции были члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, республиканскими или красными, совершенно так же, как республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя социалистами. Там, где они, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., находят еще возможность отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем, чтобы сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они нисколько не изменились. Впрочем понятно, что измененное название этой партии нисколько не изменяет ее отношения к рабочим, оно доказывает только, что эта партия должна выступать против абсолютизма, объединившегося с буржуазией, и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазно-демократическая партия в Германии очень сильна. Она охватывает не только огромное большинство буржуазного населения городов, мелких торгово-промышленных людей и ремесленных мастеров, — она причисляет к своей свите крестьян и деревенский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате города.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она борется вместе с нею против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда она сама хочет упрочиться.

Далекие от мысли преобразовать все общество в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к тому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего уменьшения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее они требуют устранения давления крупного капитала на мелкий посредством введения правительственных кредитных институтов и законов против ростовщичества, благодаря чему перед ними и крестьянами открылась бы возможность получить ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем введения буржуазных имущественных отношений в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы провести все это в жизнь, им необходимы демократический, будь это конституционный или республиканский, образ правления, который давал бы большинство им и их союзникам-крестьянам и демократическое общинное управление, которое предоставило бы им непосредственный контроль над общинной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Чтобы противодействовать господству и быстрому умножению капитала, они требуют отчасти ограничения права наследования, отчасти передачи возможно большего количества работ государству. Что касается наемных рабочих, то прежде всего твердо устанавливается, что наемные рабочие должны остаться, как и до сих пор, но при этом демократические мелкие буржуа хотят, чтобы рабочие имели лучший заработок и более обеспеченное существование: они надеются достигнуть этого отчасти предоставлением рабочему занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, словом — они надеются подкупить ра-

бочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу, временно делая сносным их положение. Приведенные здесь требования мелкобуржуазной демократии не отстаиваются одновременно всеми ее фракциями; в своей совокупности они являются определенной целью для немногих представителей этих фракций. Чем дальше идут отдельные члены и фракции мелкобуржуазной демократии, тем в большей степени они усваивают эти требования, и те немногие, которые видят в предыдущем свою собственную программу, подумали бы, что ведь здесь даны те максимальные требования, осуществления которых можно ожидать от революции. Но эти требования никак не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Что мелкобуржуазная демократия в период дальнейшего развития революции на время получит в Германии преобладающее влияние, — это не подлежит никакому сомнению. Следовательно, спрашивается, какова будет позиция пролетариата и, в частности, Союза по отношению к ней:

1) при продолжении теперешних отношений, когда мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении;

2) в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес;

3) после этой борьбы, во время ее перевеса над низвергнутыми классами и пролетариатом.

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они проповедают пролетариату всеобщее единство и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки, представленные в демократической партии; т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где

господствуют общие социал-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где определенные требования пролетариата не могут быть выставлены ради дорогого мира. Подобное объединение послужило бы исключительно к их выгоде и всецело ко вреду пролетариата. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Значит, от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобряющего буржуазным демократам, рабочие, и прежде всего Союз, должны работать в том направлении, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Насколько несерьезно буржуазные демократы думают о союзе с пролетариями, в котором последние обладали бы такой же властью и такими же правами, как они, показывают, например, бреславльские демократы: они самым свирепым образом преследуют в своем органе „*Neue Oderzeitung*“ самостоятельно организованных рабочих, которых они титулуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никаких особых объединений. Раз необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и, как бывало до сих пор, так и в будущем само собой сложится объединение, рассчитанное на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и в прежних, победа будет добыта главным образом рабочими благодаря их мужеству, решительности и готовности к самопожертвованию. В этой борьбе мелкие буржуа, как и раньше, будут по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить их усиление по сравнению с вооруженным пролетариатом и продиктовать им такие условия, что господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно их гибели и что их последующее оттеснение господством пролетариата будет значительно облегчено. Во время

конфликта и непосредственно по окончании борьбы рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать буржуазным колебаниям и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны работать в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это возможно. Далекие от того, чтобы выступить против так называемых эксцессов — против случаев народной мести по отношению к ненавистным индивидуумам или официальным учреждениям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, — они должны не только терпеть эти выступления, но и брать на себя руководство ими. Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки, они должны потребовать гарантий для рабочих. В случае необходимости они должны вынудить эти гарантии и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это — самое верное средство, чтобы их скомпрометировать. Опьянение победой и радость по поводу нового положения вещей, которые наступают после всякой победоносной уличной борьбы, они вообще должны, насколько это возможно, сдерживать спокойным и хладнокровным пониманием событий и нескрываемым недоверием к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны учреждать собственные революционные рабочие правительства, в виде ли правлений общин, общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но, чтобы можно было энергично и угрожающе выступить против этой партии, которая начинает предавать рабочих с первого же часа победы, они должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно; надо противодействовать

возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но там, где осуществление этого окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организовать в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с ими же избранными командиром и генеральным штабом, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных общинных советов. Там, где рабочие работают за счет государства, они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус с избранными ими командирами или же организации в виде части пролетарской гвардии. Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом не должны сдаваться; всякая попытка разоружения должна быть в случае необходимости расстроена силой. Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и установить условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие для временного и неизбежного господства буржуазной демократии — таковы главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после настоящего восстания.

3. Лишь только новые правительства до известной степени упрочатся, немедленно начнется их борьба против рабочих. Чтобы было возможно с силой выступить против демократических мелких буржуа, необходимо прежде всего, чтобы рабочие самостоятельно организовались и централизовались в клубах. По свержении существующих правительств, Центральный комитет будет перенесен в Германию, как только это станет возможным; он тотчас же созовет конгресс и внесет на его рассмотрение предложение относительно централизации рабочих клубов под руководством правления, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация по крайней мере провинциального объединения рабочих клубов является одной из главнейших мер для усиления и развития рабочей партии.

Ближайшим следствием низвержения существующего правительства будет избрание национального представительного собрания. Здесь пролетариату придется позаботиться:

I. О том, чтобы никакие придирки местных властей или правительственных комиссаров не послужили поводом для устранения некоторого числа рабочих.

II. Чтобы наряду с буржуазно-демократическими кандидатами всюду выставлялись рабочие кандидаты, которые были бы по возможности членами Союза, и чтобы для их избрания были использованы все возможные средства. Даже там, где нет никакой надежды для их проведения,

рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и публично проявить свою революционную позицию и свои партийные точки зрения. Приэтом, рабочие не должны дать подкупить себя фразами демократов, например о том, что это раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы в конце концов приводят к тому, что пролетариат оказывается обманутым. Успехи, которых пролетарская партия должна достигнуть подобным независимым выступлением, неизмеримо важнее, чем тот вред, который может причинить наличность нескольких реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала выступит решительно и террористически против реакции, влияние последней на выборы заранее будет уничтожено...

Мы видели, как демократы в ближайшем движении придут к господству и как они будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос: какие же меры должны будут в противовес этому предложить рабочие? Конечно, рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов возможно всесторонне вторгаться в существующий общественный строй, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, железных дорог и т. д.

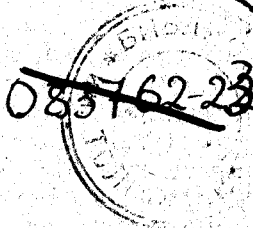
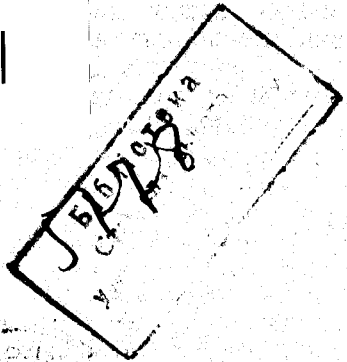
2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал приэтом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих должны будут всюду сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов.

Если германские рабочие не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не проделав целиком продолжительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть по крайней мере уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами должны сделать самое большое тем, что они будут выяснять себе свои классовые интересы, что они займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевым лозунгом должно быть: „Непрерывная революция“.

5778

О Г Л А В Л Е Н И Е.

У ч е б н и к.

	Стр.
Гл. I. Предпосылки революции	5
Гл. II. Движущие силы	15
Гл. III. Накануне революции	26
Гл. IV. Мартовские дни	34
Гл. V. Либеральная буржуазия у власти	41
Гл. VI. Апрельское восстание в Бадене и майские события в Вене	51
Гл. VII. Три говорильни	58
Гл. VIII. Революция на распутье	68
Гл. IX. Октябрьская революция в Вене	75
Гл. X. Контр-революция	83
Гл. XI. Майские восстания 1849 г. и конец Франкфуртского парламента	91
Гл. XII. Маркс и Энгельс в германской революции	102
Гл. XIII. Заключение	111

Х р е с т о м а т и я.

1. Речь Кошута 3 марта 1848 г.	117
2. Речь Фишгофа 13 марта 1848 г.	118
3. Манифест императора Фердинанда 15 марта 1848 г.	119
4. Статья „Фоссовой газеты“ 15 марта 1848 г.	120
5. Манифест Фридриха-Вильгельма IV 19 марта 1848 г.	121
6. Прокламации Фридриха-Вильгельма IV от 21 и 22 марта 1848 г.	122
7. Из отчета о собрании рабочих 26 марта 1848 г.	125
8. Проект конституции Струве	128
9. Воззвание баденского „Врем. народного комитета“ 12 апреля 1848 г.	131
10. Из протоколов венского Комитета безопасности	132
11. К. Маркс о Франкфуртском парламенте	136
12. Фр. Энгельс о Франкфуртском парламенте	141
13. К. Маркс о крестьянской политике прусского Нац. собрания	145
14. Обращение богемского Нац. комитета к имп. Фердинанду 19 мая 1849 г.	150
15. Постановления баденского „Врем. правительства“ 21 сентября 1848 г.	151
16. Манифесты имп. Фердинанда 16 и 25 октября 1848 г.	152
17. Адрес торговцев Виндизгрецу	155
18. Из письма Фридриха-Вильгельма IV 13 декабря 1848 г.	—
19. Речь Симсона и ответ Фридриха-Вильгельма IV	157
20. Постановление конгресса рейнских общинных советов 8 мая 1849 г.	158
21. Белый террор в Бадене	160
22. Требования компартии в Германии (март 1848 г.)	162
23. К. Маркс о роли крупной буржуазии в революции	164
24. Обращение ЦК Союза коммунистов	171

Издательство „ПРИБОЙ“

Ленинград, ул. Герцена, 15 тел. 217-79.
Москва, Лубянский пассаж, 46—49, тел. 2-24-09.

СЕРИЯ „ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“.

- Захер, Я. М.—Великая Французская Революция (Печатается).
- Молок, А. И.—Па ижская Коммуна 1871 г. Стр. 185.
Ц. 1 р. 40 к.
- Розенталь, Н. Н.—История Европы в эпоху торгового капитализма. (Печатается).

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

- Буржен, Жорж.—История Коммуны. Ц. 80 к
- Вильом, Макс.—В дни Коммуны. Записки. Ц. 1 р. 50 к.
- Гайдерова, З.—Парижская Коммуна. Ц. 15 к.
- Гингор, С. В.—Первое политическое рабочее движение в Англии. Ц. 50 к.
- Домманже, М.—Бабеф и заговор Равных. Ц.
- Его же.—Бланки. Ц. 40 к.
- Его же.—Коммунар Варлен (1839—1871). Ц. 35 к.
- Заславский, Д.—Гражданская война в Соед. Штатах Сев. Америки (1861—1865). Ц. 80 к.
- Захер, Я.—Девятое Термидора. Ц. 60 к.
- Его же.—Очерки по истории „бешеных“ эпохи Великой Французской Революции. Ц. 45 к.
- Кудрявцев, А. Е.—Великая Английская Революция. Ц. 1 р. 25 к.
- Лавров, П. Л.—Парижская коммуна. Ц. 80 к.
- Маркс, К.—Гражданская война во Франции 1871 г. Ц. 90 к.
- Радкевич, К.—Крестьянская война в Германии. Популярный очерк. Ц. 70 к.
- Талес, К. М.—Парижская Коммуна 1871 г. Ц. 75 к.
- Шиидт, Ш.—Июньские дни 1848 года. (Печатается).
- Шеголев, П. П.—Заговор Бабефа. Ц. 2 р.